

Кирилл Галушко

УКРАИНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

**Украина и украинцы
в европейской картографии
от Античности до XX века**

**Киев
2014**

УДК 355.48
ББК 68.35
Г 48

Рецензенты:

д-р ист. наук А.О. Буравченко,
д-р ист. наук Ю.И. Терещенко

*Рекомендовано к печати ученым советом
Института социологии, психологии и социальных коммуникаций
Национального педагогического университета им.М.П.Драгоманова
(протокол №11 от 15 ноября 2012 г.)*

Галушко К.

Г48 Украинские пределы: Украина и украинцы в европейской картографии от Античности до XX века: научно-популярное издание / К. Галушко – К., 2014. – 143 с.

ISBN 978-966-439-691-9

Как и когда на карты Европы и мира попала Украина? Какое пространство она занимала в разное время? Как исторические названия украинских земель изменялись на протяжении столетий? Как сотрудничество этнографии, статистики, языковедения и географии позволило очертить на карте этническое пространство украинцев? Когда Украина как страна обрела нынешние очертания? Ответам на все эти вопросы посвящено исследование автора, который старался в научно-популярной форме осветить ряд вопросов, которые постоянно дискутируются в науке и публичном пространстве.

Издание рассчитано на студентов, преподавателей, всех кто интересуется корнями украинской идентичности, историей и географией.

**Исследование осуществлено при поддержке
Канадского института украинских исследований**

ISBN 978-966-439-691-9

© Галушко К., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Глава 1. Украина до появления Украины

- 1.1. Античность
- 1.2. Средневековые карты
- 1.3. Портоланы
- 1.4. Картографическая революция XV-XVI вв.

Глава 2. От «Дикого Поля» до «Страны козаков»

- 2.1. Появление Украины на карте. «Украина» и «Малороссия»
- 2.2. Северная война и XVIII век

Глава 3. От Малороссии до Украины

- 3.1. Тенденции развития картографии в первой половине XIX в. Этнографические карты.
- 3.2. Этнодемография, статистика и картография в Российской империи
- 3.2. Этнодемография, статистика и картография в Австрийской империи

Глава 4. Борьба за место на политической карте: XX век

- 4.1. Начало территориального самоопределения. Украинская Народная Республика.
- 4.2. Украинская Держава П.Скоропадского
- 4.3. Западно-украинская Народная Республика и Директория УНР.
- 4.4. Советская Украина.

Избранная библиография

ОТ АВТОРА

Историческая география - интересная наука, и содержит в себе немало интригующих тем. Некоторые из них порою откровенно разрушают наши современные стереотипы. Старые карты могут нам открывать целые потерянные миры. Государства и империи возникали и исчезали, страны и народы меняли свои границы и названия. Например, случалась и такая штука, как "создание стран". Не государств, замечу, - именно стран. Это звучит странно, но в последние 500 лет картографы были склонны изображать на карте Европы преимущественно государства: империи, королевства, княжества. Иногда - административные единицы, например, воеводства или губернии. Но существовали безгосударственные народы, которые также должны были когда-то попасть на карту: те же украинцы с Украиной, словаки со Словакией, белорусы с Беларусью или эстонцы с Эстонией. До поры до времени этих стран на карте не существовало. Но местные жители хотели, чтобы на карте были не Эстляндская и Лифляндская губернии России - а Эстония; не Малороссия, Новороссия, Юго-Западный край, Королевство Галичины и Лодомерии, коронный край Буковина, - а Украина. Но путь этих народов на карту Европы был сложным и порой тернистым.

Давно изображали на карте Польское королевство, но в 1795 оно прекратило свое существование в результате раздела между Россией, Австрией и Пруссией. Королевство, государство исчезают с политических карт, но страна Польша оставалась, да и сами поляки также. Перед картографами вставал вопрос: что же теперь изображать и писать на месте бывшей Речи Посполитой? Отвечали на этот вопрос по-разному в разных странах, обозначая свой интерес в дальнейших перспективах "польского вопроса". Затем, в XX веке Польское государство восстановится, но его ожидал еще один раздел: в 1939 году его уничтожат гитлеровская Германия и Советский Союз. Впрочем, до 1939 г. и сама Варшава не была "безгрешной" (например, в "украинском вопросе"): она убирала с карт название "Украина", считая, что то, что мы называем "Западная Украина" - это на самом деле "восточные окраины Польши" или "Восточная Малопольша".

Некоторые явления стали для нас привычной данностью: например образ нынешней Украины на карте со времен стандартной советской "Украинская ССР и Молдавская ССР". Но сто лет назад представления о пространстве и границах России, Польши или Украины были другими, и при своей инаковости еще и очень разными. Существовали регионы, которые сегодня отсутствуют на карте, - например Малороссия, Новороссия или Юго-западный край. То, что мы на карте видим "Украиной", сто лет назад официально было преимущественно "Южной Россией", при том, что "Украина" также случалась на этой карте - но была она меньше, чем сейчас. "Молдавия" тогда находилась совсем не там, где сегодня, а по поводу существования отсутствующих вообще на карте названий "Эстония" или "Латвия" с вами могли бы поспорить.

О существовании в воображении человеческого образов стран, государств, цивилизаций в разные исторические периоды споры идут обычно среди исследователей "ментальной картографии". Нас же в этой книге больше интересует картография "реальная" - создание географических карт, о чем здесь, собственно, и пойдет речь. Мы проследим, какие приключения произошли с названием нашей страны на карте и местом украинцев в европейской географии. Надеюсь, что читатель узнает немало интересного и сможет по-новому оценить достижения давних гетманов и современного украинского национального движения. А в условиях, когда сегодня некоторые сомневаются в "легитимности" украинского государства или утверждают, что "Украина не состоялась", то стоит лишний раз убедиться в надежных корнях нашей идентичности и основаниях нашего пространства. События 2014 года показывают, что теперь для Украины такие знания стали жизненно важными и актуальными не только для ученых, но и для всех граждан, которые хотят сохранить целостность своей страны.

* * *

В этом исследовании были использованы источники из фондов Канадского института украинских исследований и университета Альберты (Эдмонтон, Канада), Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского, Нью-Йоркской публичной библиотеки, экспозиции Венского музея глобуса, Национального исторического музея Украины, Государственного российского исторического музея (Москва), Национального историко-культурного заповедника "Каменец-Подольская крепость", Библиотеки им.О.Ольжича, материалы из коллекций автора и его коллег.

Исследование осуществлялось при поддержке Канадского института украинских исследований.

Поскольку это издание имеет научно-популярный характер, то значительный научный аппарат был опущен. Заинтересованный читатель может узнать об основных публикациях по проблематике книги из приложенной избранной библиографии.

* * *

Автор искренне благодарен за помощь, консультации, предоставление необходимых материалов и поддержку его работы Богдану Клиду, Дэвиду Джонсу, Ярсу Балану, Джону-Полу Химке (Эдмонтон), Роману Сенькусу (Торонто), Максиму Майорову (Севастополь), Инне Храпуновой (Нью-Йорк), Дмитрию Вортману, Андрею Плахонину, Александру Кучеруку, Дмитрию Адаменко, Алексею Куринному, Игорю Срибняку (Киев), Андрею Галушке (Лондон), Сергею Шаменкову (Одесса), Руслану Йолтуховскому (Каменец-Подольский), Владимиру Кришенику (Ужгород), Олегу Корниенко (Сумы) и всем, кто приобщился к подготовке этой книги и принял участие в критическом обсуждении ее фрагментов на Facebook

ГЛАВА 1

УКРАИНА ДО ПОЯВЛЕНИЯ УКРАИНЫ

1.1. Античность

Создание карт, как и письменность, возникает не спонтанно, не случайно, а только тогда, когда это действительно нужно. Для этого необходимо сложное общество, которое занимает большие пространства и насыщено коммуникацией. Коммуникацией людей, товаров, идей и, прежде всего, интересом к новому и неизвестному. Необходимые интеллектуальные амбиции, которые могут содержать и банальную административную необходимость облегчения контактов между удаленными пунктами, и изысканную фантазию, которая стремится себе представить не только ближние края, а весь Большой Мир. Для этого нужно создать или мощное имперское государство, или такую культуру, в ментальности которой заложен интерес к познанию мира. Философия и идеология которой нуждаются визуализации непосредственно непознанного пространства. Эта культура может быть пассивно созерцательной, может быть агрессивной и практичной, но для создания карт, как и для любой инновации, необходим какой-то мотив, побуждение.

Ближе к нам во времени и пространстве, у кого могла возникнуть такая мотивация, были, конечно, греки и римляне - представители античной цивилизации, заложившей основания всего современного мира от технологий до эстетическим привычек. Очевидно, что индийцы или китайцы, арабы не были глупее и имели немало аналогичных или же лучших достижений, но древние жители Украины, учитывая упрямые географические и исторические факты, находились в кругу интересов именно этих "классиков всего". Поэтому достижения Востока мы пока оставим, и узнаем, кто же нас первый нарисовал как пространственный объект.

Греки обратили внимание на украинскую территорию не из-за каких-то особых ее преимуществ, а просто потому, что они придумали "географию" - "описание земли". Народ они были заинтересованный во многих вещах, подверженный изысканным беседам обо всем на свете (философии), дальней торговле и путешествиям. Мы не знаем до сих пор, что из приключений хитроумного Одиссея было настоящим, но когда какой-то народ закладывает в фабулу своего популярного в течение столетий эпоса далекие морские путешествия и приключения, то он явно интересуется дальними землями - даже такими, в которые никогда не попадет обычный крестьянин из тихой Аркадии. Однако авантюрный и умелый торговец из припонтийского портового города Гераклеи может туда отправиться и даже, найдя коммерчески перспективное место, поселиться за тысячи стадиев от родины, даже на землях воинственных дикарей-варваров.

В VIII-VII вв. до н.э. начиналась Великая греческая колонизация, когда за двести лет Средиземное море превратилось в истинное жизненное пространство существования греческого сообщества, которое распространялось морем, и для которой именно Средиземноморье превратилось в "Ойкумену" - "Обитаемую или Известную землю". Это море стало средоточием пространства, а расходилось оно дальше – во внутренние дебри побережий. Противоположный от Эллады конец моря - Гибралтарский пролив, обозначенный Геракловыми столпами, был концом Ойкумены. Дальше уже была "река Океан", которая по периметру окружала плоский диск земли. К сожалению, мало известно, как себе представляли греки "конец Света", - место, где прерывается наше физическое пространство.

Тогдашняя география, начиная с ее "отца" Страбона (64 г. до н.э. - 24), заключалась в действительно буквальном "описании Ойкумены": где какие страны, какого они размера, кто там живет, каковы местные обычаи и предпочтения. В большей степени это было "этногеографией" - пространственным описанием народов. Это давало широкое представление о мире для образованного человека, но гораздо более практичной инструментальной вещью были для путешествующих греков "периплы" - лоции (современным морским языком), навигационные руководства с описанием побережий и портов. И это были действительно подробные описания, которые могли достигать довольно отдаленных местностей, но были они чисто словесными, описательными - без карт.

И одним из парадоксов для современных исследователей античных географических знаний, как указывает российский ученый А. Подосинов, остается то, что именно словесного описания тогдашним географам и путешественникам обычно вполне хватало. Мы не имеем древнегреческих карт - ни мира, ни хотя бы морского торгового маршрута. Мы знаем: карты у древних греков были, но бывало это изредка, не было у них практического использования. Западных европейцев эпохи Возрождения, которые во всем опирались на античное наследие, это крайне раздражало. Произведение другого выдающегося географа античности Клавдия Птолемея (87-165) пришло к ним и содержало инструкции по созданию карт, а описания различных земель содержали их размеры. Человек эпохи Возрождения и Великих географических открытий стремился к визуализации, и поэтому "География" Птолемея печаталась уже с картами, которые долгое время считались античными. Но это было уже хоть и красивой, но все же доработкой классики, осуществленной в XIII-XV вв.

И здесь стоило бы надеяться на крайне практических римлян, огромная империя которых очевидно нуждалась (на наш взгляд) карт себя. Император должен ориентироваться, где какая провинция, где внешний враг, полководцы - куда двигаться в своих походах, наместники - свои границы и края близких варваров, чиновники и посланцы - путевые маршруты. Римляне, зная все достижения греческой учености, питали симпатию к практической, литературно-интересной, учебной географии вопреки "научной", которая воспринималась слишком абстрактно. Римляне действительно также занимались "описанием

Ойкумены", что передается на латыни как *orbis terrae* или *terrum* - буквально "круг земель", но у них не было практической мотивации изображать круглую землю (идея ее сферичности была им известной) - поскольку Римская империя и была той "Ойкуменой современности". Они повторяли в своих представлениях плоский диск, разделенный реками и морями на три части - Европу, Азию и Африку и окруженный волнами океана. Описывая римские географических представления, ученые пишут об их "хорографичности". Хорография (также греческое слово) - это описание (известных) стран и земель, а география - это описание всей земли. Но "вся земля" - это слишком абстрактное понятие, в то время как "известные земли" - практическое. Римская ментальность не видела необходимости в описании или умозрительной реконструкции облика неизвестных земель, континентов или даже земного шара. Такие упражнения считались бессмысленными фантазиями.

В эпоху Античности северной границей Восточной Европы считался Ледовитый океан, которого скорее всего никто из греков и римлян непосредственно не видел, но его существование исходило из постулата о том, что Океан окружает земной диск со всех сторон. Восточная граница определялась традиционным представлениям о границе между Европой и Азией по реке Танаис (Дон), Меотийским болотам (Азовскому морю) и Боспору Киммерийскому (Керченского пролива). С юга, понятно, бушевали волны Понта Евксинского (Черного моря). Крупные реки нашего края - Борисфен (Днепр) , Танаис (Дон), Гипанис (Южный Буг) или вытекали из внутренних озер (по Геродоту), или стекали со склонов северных Рифейских гор, которые протянулись в широтном направлении (по Аристотелю). Реальный север Восточной Европы не имеет горных массивов, поэтому считается, что Рифейские горы - результат искаженных представлений о далеком Урале. За Рифейскими горами лежала область вечного холода - Птерофорон. Как писал Плиний Старший (23/24 - 79), "эта часть мира обездолена самой природой, наполнена густым мраком и подвержена действию страшного холода и ледяному веянию Аквилона". "Аквилон" - это западный холодный ветер, который должен иметь свою родину. Поэтому мы находимся где-то в краях выхода Аквилона.

* * *

Какого-либо существенного цивилизационного различия между Западной Европой и Восточной на римские времена не существовало, поскольку тогда Европа разделялась на римский Юг и варварский Север, разделенные укреплениями римского рубежа - лимеса, простирался от гор Шотландии до нижнего Дуная. Единственным заметным различием можно считать принципы греческой традиции о "больших варварских народах", из которых западом Европы владели кельты, а востоком - скифы. Но времена изменились, и в новую эру римляне уже имели дело преимущественно с германцами в лесной полосе и сарматами в степной. Кельты были покорены и успешно романизовались, а скифы

были вытеснены сарматами из Великой Степи в Крым. Соответственно, на "ментальной карте" появляются "Германия" и "Сарматия", и римский автор Тацит (56-117), описывая несколько варварских племен Севера, пытался их механически или по образу жизни отнести то ли к германцам, то ли к сарматам, - хотя это могли в реальности быть и германские, и кельтские, и праславянские, и финские народы. Впрочем, именно "Скифия" и "Сарматия" остаются обобщенным именем для Восточной Европы на многие века.

В дальнейшей географической и картографической традиции территория будущей Украины будут часто называться Скифией или Сарматией "Европейской", поскольку владения кочевых варваров терялись на востоке в неведомых глубинах Азии (соответственно, существовали и "Азиатские" Скифия и Сарматия). Что касается античных времен, то чаще употребляется Scythia inferior («Скифия нижняя», в значении "ближняя", - так же как вскоре будут писать "Германия нижняя" (ближняя) и Верхняя (дальняя)). О распространении на нашу территорию названия "Скифия" вспоминает и гораздо позднее Нестор-летописец: "И жили в мире поляне, и древляне, и северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же тогда жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи [и] тиверцы сидели по [второму] Бугу и по Днепру; сидели также вблизи Дуная. И было множество их, потому сидели по Бугу и по Днепру до моря и есть города их и сегодня. Так называли их греки "Великая Скифия"".

Но что же дошло до нас из античных "визуализаций" наших краев? Первым следует назвать фрагмент карты Черного моря, нарисованный на легионерском щите из крепости Дура Европос на среднем Евфрате (совр. г. Калат эс-Салихия, Ирак) (рис. 1). Относится к III в. н.э. Приятно, что это вообще единственная неоспоримо аутентичная карта, которая дошла от Античности, - и на ней есть украинские территории. Нашла ее в 1923 г. экспедиция бельгийского археолога Франсуа Кюмона. Нашли карту в расположении казармы воинов XX когорты пальмирских лучников. Защищали они этот участок границы Рима с сасанидской Персией в 230-256 гг., перед тем как город был оставлен. Нарисованная карта была на пергамене (телячьей коже), которым был обтянут парадный легионерский щит. Сохранилась она не вся - только сильно испорченный фрагмент. Изображена на нем в виде слабо изогнутой линии часть северного и восточного черноморского побережья, на которой на греческом языке подписаны названия городов от Одессос (в совр. Болгарии) до Трапезунта (в совр. Турции). В нашем понимании - это схема пути от города до города морем. У греков это называлось "перипл", у римлян - "итинерарий". В реальности воспользоваться этой схемой для путешествия было бы крайне трудно, поскольку она слишком схематична и фактически не дает информации о форме побережья: так, крымский город Херсонес на карте указан, но самого Крымского полуострова нет. Это просто схематическое изображение и перечисления главнейших городов и рек вдоль побережья с запада на восток. К нашим краям относятся: Данубис (Дунай), Тира (греческий город на Днестре), Борисфен (или река Днепр, или один из вариантов названия Ольвии) и Херсонес.

Рис.1. Карта из Дура Европос

Наиболее же известной античной картой, - как вообще, так и относительно изображения части западного и северного Причерноморья, - является "Певтингерова карта" (**рис. 2**), которую еще называют "Певтингеровы таблицы". Название свое она получила по одному из ее владельцев - политику и ученому из Аугсбурга Конрадом Певтингером (1465-1547), который получил ее в наследство от выдающегося немецкого гуманиста, поэта, профессора Венского университета Конрада Кельтеса (1459-1508). Считается, что последний нашел ее в каком-то южно-германском монастыре. Сама карта является копией с античной, сделанной в к. XII-XIII вв.

Свидетельством ее античного происхождения, кроме других аргументов, является ее форма, свойственная древнеримским книгам: длинный свиток - волюмен (длиной 6,75 м и шириной 34 см), который наматывался на деревянный цилиндр. Такая форма создания книг просуществовала до IV в., когда уже окончательно воцарились сшитые рукописи - кодексы (книги в современном понимании). Показанные на карте реалии относятся к III -V вв. и местами указывают на ее текущие дополнения и редактирования.

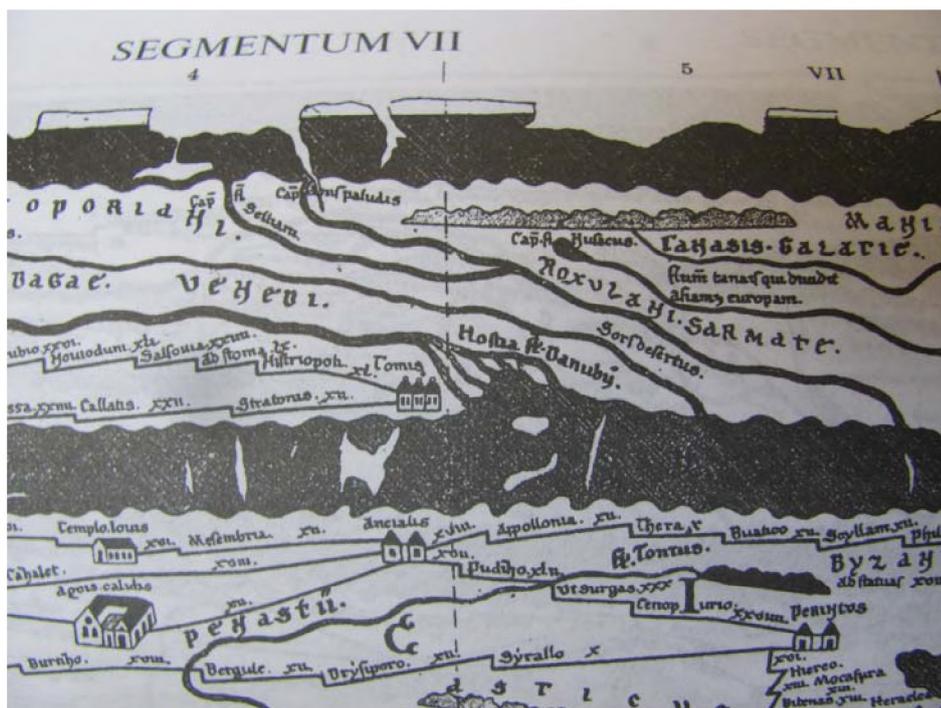

Рис.2. Певтингерова карта (прорисовка)

В XIX в. карту разделили на составляющие 11 листов пергамена ("сегменты"). Дошла Певтингерова карта к нам в хорошем состоянии. Содержанием ее является весь мир, известный с поздней Античности - от Атлантики на западе до Индии на востоке, от Северного (Ледовитого) океана до гор внутренних Африки на юге. Задачей карты было не изобразить этот мир в его реальных пропорциях и формах, а быть "дорожника" - итинерарием - схеме сети сухопутных дорог с обозначением крупнейших городов, станций, переправ и расстояний между ними. Через такую цель и форму свитка, ненужные моря и водные пространства изображенные как узкие, реки показаны чисто символически, а части суши также вытянуты, но насыщенные информацией. Соответственно, искать на Певтингеровой карте т.н. "географические знания древности" можно только очень условно, но ее инструментальное назначения скажет нам немало об инфраструктуре Римской империи. Исследователи считают, что в ее основе лежит официальный справочник дорог Римской империи, предназначенный для государственных служащих, отправляющихся в путь. Копий такого «дорожника» должно быть много, но Певтингерова карта - единственная дошедшая до современности.

Восточная Европа частично попала на VII сегмент карты, вдоль ее самого края. Такое "игнорирование" не является странным, ведь власть Рима (и соответствующая сеть дорог) ограничивалась нижним Дунаем. Там, где заканчивается империя, автор карты надписывал названия ближайших варварских народов. Поэтому эта карта является одним из трех античных источников (вместе

с Плинием и Тацитом), где упоминаются венеды - возможные предки славян. Заканчивается римская дорога в Томах (в совр. Добрудже), а за Дунаем начинается будущее "украинское пространство". Заканчивается он надписью "Река Танаис, разделяющая Азию и Европу". Последняя мысль о важной роли Дона была общепринятой в античной и средневековой географии. А что касается общего названия нашего северо-востока Ойкумены, то в римские времена он вообще назывался "Аквилон" (по упомянутому нами северо-восточному ветру). Этот край был откровенно враждебным и загадочным.

1.2. Средневековые карты.

В конце V в. в нашем воображении в Европе сенились исторические эпохи: начинается Средневековье. Что же нового появляется в образе будущего "украинского пространства" после падения Рима? Ведь у нас все быстро менялось: Великое переселение народов показало, что если раньше с Украины на Запад прорывался кто-то новый и опасный раз в триста лет, то теперь за одно столетие наши земли смогли «подарить» западным соседям три-четыре воинственные народы, которые вносили хаос в их жизнь и перекраивали этническую карту континента. Например, жители украинских степей, предки современных осетин аланы пропутешествовали с гуннами в Центральную Европу, а затем с германцами-вандалами до Испании. По крайней мере половина из того, что нарисовано на Певтингеровой карте, или перестала существовать, или пришла в запустение, или изменила "владельца" и название. При таких обстоятельствах могло случиться так, что карты уже не будет кому и рисовать...

Но сплошной культурной деградации не произошло, несмотря на громкое (как для нас, далеких потомков) падение Западной Римской империи, Константинополь устоял перед многочисленными варварами, а культурная традиция античности сохранилась как в Византии (Восточной Римской империи), так и в христианской церкви Запада. Почти все, что мы получили от Античности, является продуктом средневекового копирования и переписки. Такая же судьба постигла и картографическую традицию.

К "новому" на исторической арене можем смело отнести наших предков - славян (склавинов и антов), которые своими нападениями на Византию, продвижением на Балканы и в Центральную Европу заставили тогдашних авторов вписать себя на скрижали истории и впоследствии как-то показать на карте известного мира. Несмотря на все географические традиции, карты иногда надо обновлять, чтобы они не превратились в образ совершенно нереального мира.

Однако, понятно, что экспансия славян приблизила к культурным центрам (где писали историю и рисовали карты) самих славян, а не Украины. Какие-то представления о наших территориях сохранялись на уровне предыдущего знакомства с берегами Черного моря, уже при тех обстоятельствах, что северное побережье перестало быть для греков "гостеприимным". Ольвия, Тира, Пантикапей лежали в руинах после нападений готов и гуннов. Константинополь

еще вернет часть Крыма, но обычно он больше пытается спасти свои стены и ближе владения от славян, аваров, булгар с запада и арабов с востока. В какой-то мере украинские земли еще более отделились от культурных центров.

Определенные картографические новации происходят ок. 700 г., когда создается "Космография" Анонима из Равенны (рис. 3). Этот труд обозначает достаточно длительный переходный этап от античных представлений к средневековым, когда смешиваются и те исчезнувшие народы, которые приведены в "класических источниках", и те новые, которые составляли актуальную реальность. Опирается в своей работе Аноним на карту, близкую по содержанию Певтингеровой, и еще какую-то неизвестную нам карту мира, но при этом вынужден признаться в масштабе изменений в мире: "...подробно расскажу с помощью Христа обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, пожелав результате своей чрезмерной наглости чужих или лучших земель или, возможно, испытывая тяжелые притеснения от других народов, переместились из собственных владений и, как бывает у варваров, страны, города или реки, названные когда-то [одним именем], теперь стали называться иначе". И предчувствие не изменило автору. Многие географические объекты приобрели новые названия, а карта народов стала совершенно непохожей на минувшие времена.

Относительно оригинальности его изложения мы можем для иллюстрации привести способ описания пространства. В центре круглой карты мира Анонима (которая до нас не дошла, но по которой он делает свое описание) лежит Равенна (его родной северо-итальянский город), а мир как часы разделен на центробежные сегменты: 24 часа (12 часов ночи и 12 дня). "Ночь" - север, "день" - юг. Восток располагался вверху, запад - внизу. Описание делается по порядку часов слева направо. На 6 часов ночи приходится "страна скифов, откуда вышел род склавинов"; в 7 часов ночи - страна сарматов, "из которой вышел род карпов" (дакийское племя, от которого происходит название "Карпаты"). На 8 часов - "страна роксолан". Позади нее далеко в океане расположен большой остров - древняя Скифия, "откуда вышли готы, даны и гепиды". Здесь, правда, автор перепутал "Скифию" и "Скандзу" (Скандинавию), которая в античности считалась островом. Страну амазонок Аноним помещает за Азовским морем в Предкавказье. Впервые в Западной Европе автор упоминает хазар. Перечисляются уже «устаревшие» из-за разрушения, но привычные для древних периплов порты Черного моря. Рядом со страной амазонок лежит страна роксоланов, сварикив и савроматов; протекает через эту страну река Вистула (Висла), которая впадает в океан. Позади этой страны на-ходится остров Скандза (здесь уже действительно Скандинавия).

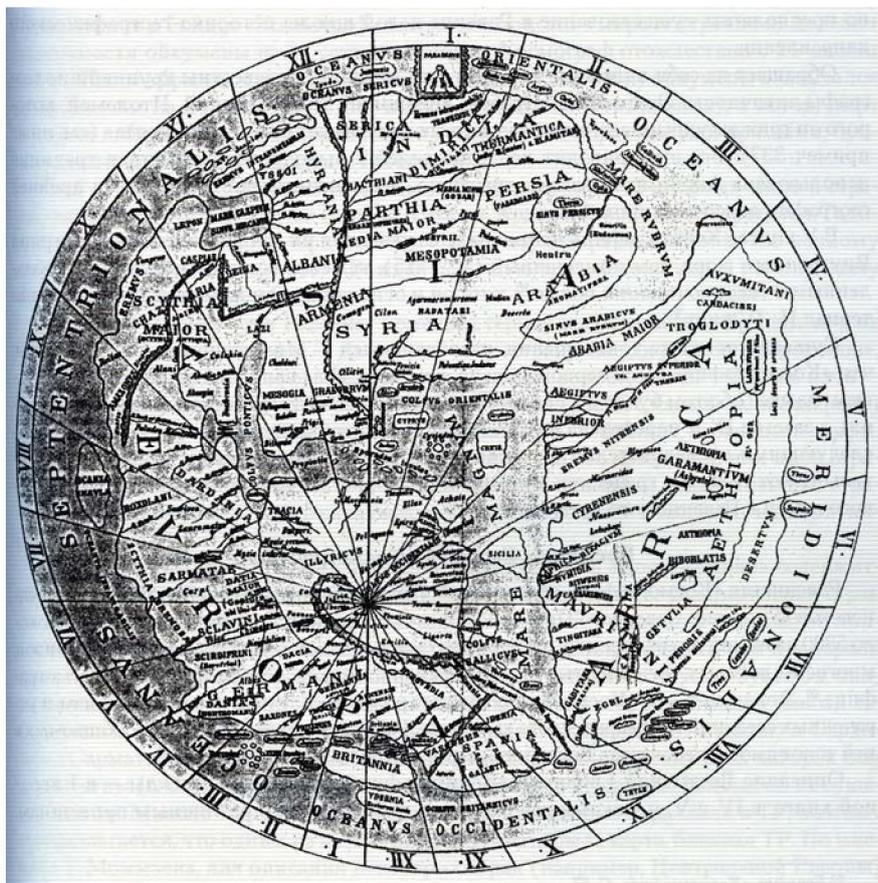

Рис. 3. Карта Аноніма з Равенни (реконструкція).

Несмотря всяческую возможную путаницу, которая образовалась в "Космографии" Анонима, можно предполагать, что сама вивизуальная структура его карты (круглая форма, восточная ориентация, разделение на часы, идентичные "розе ветров") пригодятся для заимствования многим средневековым картографам. Только вот "центром земли" у них уже будет не Равенна, а святой город Иерусалим. Ведь сказано у Иезекииля 5.5: "Так говорит Господь Бог: это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него - земли".

Средневековые карты мира (*maprae mundi*) много в чем наследовали античные или позднеантичные образцы, прежде всего Анонима, но сохранилось их гораздо больше, чем давнишних: это и простенькие схемы с несколькими географическими названиями, нарисованные в рукописных книгах, и действительно монументальные, настенные - вроде Эбсторфской карты, на которой ок. 1600 надписей-сообщений (легенд). "Картографическая потребность" западнохристианского Средневековья состояла в наглядном, дидактическом христианском видении всего мира, и это была вполне практическая

идеологическая потребность. Сначала это были схемы, иллюстрирующие строение христианского мира, но с какого-то момента подъем западноевропейской цивилизации и ее экспансия (в частности Крестовые походы XI-XIII вв.) требовали осознания своего места на земле. Европа оставалась прежней, только одной из трех сторон мира; Азия и Африка находились во владении неверных мусульман. Впрочем, Европа имела свою миссию, и ее мысленным духовным центром, центром земного диска стал Иерусалим, который находится в Азии. Некоторое время им владело христианское рыцарство, потом он был потерян, но ощущение "миссии" требовало, чтобы именно он, а не Рим (или тем более Париж, или другой город) находился в середине мира как его мнимая ось.

С точки зрения простой "схемы", реальные формы континентов, гор, рек, морей и стран не имели существенного значения. На "схемах" земной круг очень хорошо делился на четверти (Европа снизу слева, Африка снизу справа и две верхние четверти Азию), разделены Средиземным морем, Черным морем с Танаисом - Доном и Нилом. Потерянный средиземноморский античный мир *Mare Nostrum* (римского "Нашего моря") оставил европейцам-христианам лишь четверть, но на карте он выглядел как масштабная программа на будущее. "Схема" увидится читателем сразу в той названии, которое у исследователей получила большинство *mappe mundi*: "карты типа Т - О" (рис. 4). Если мы впишем Т в О, то сразу увидим средневековую карту мира, где стороны света вписаны в земную круг, а на перекрестке палочек буквы Т находится Иерусалим. Тем более, что Т является одной из форм христианского креста.

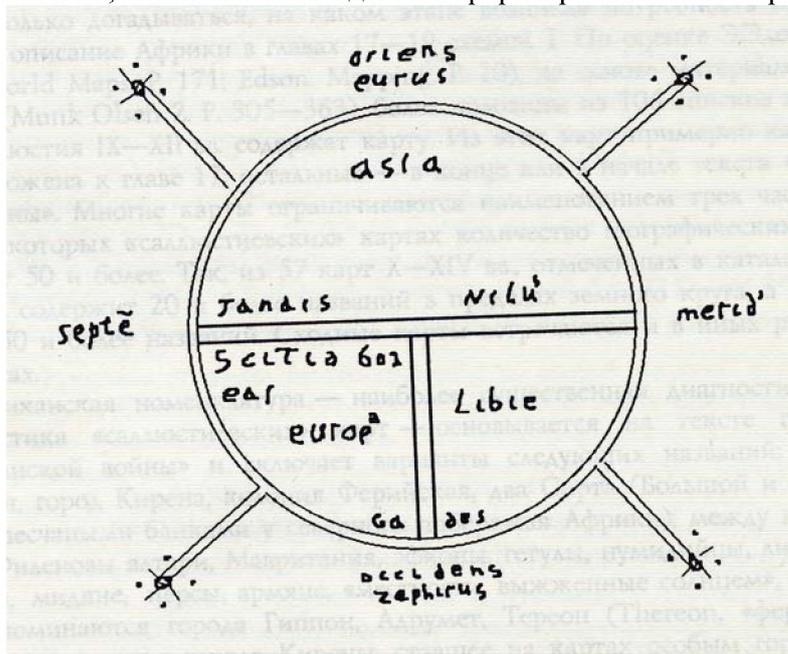

Рис. 4. Карта типа Т-О. XII ст..

Об "идеологичности", сакральности средневековых карт говорит постоянное упоминание каждым из их авторов невиданной реки Танаис (Дон). Дон был важным структурным элементом карты мира, показывая границу европейской четверти и Азии. Забавно, что единственными из западных европейцев, кто то Дон видел собственными глазами, были бы генуэзцы и пизанцы в середине XV в. Причем они "картами мира" не пользовались, так как у них были удобные навигационные карты - портоланы ("карта мира" в портоланы входила, но только "для галочки"). На последних Дон был лишь одним из сотен ориентиров Черного моря. О самих портоланы мы расскажем ниже.

Дополнительные "карты мира" показывали нюансы, с XII-XIII вв. все более приближаясь к географическим реалиям в "известном мире", но понятно, что "схема" была слишком удобной, чтобы портить ее чрезмерным приближением к реальности. Чувствуется, что истинные просторы Азии или Африки нарушили бы очевидную и наглядную гармонию божественного замысла земной жизни - как она представлялась средневековым монахам. Поэтому эти авторы не могли бы себе и в мечтах представить такой "внедорожник", как Певтингерова карта, - но и не слишком стремились к этому (хотя рисованные "дорожники" все же создавались). Тем более, что хоть как-то подобная римской коммуникационная инфраструктура появится только через Нового времени, но даже тогда она будет примитивнее и разделенной на множество государств и державок, несколькими фикциями декларируемых наследников Римской империи, - в отличие от времен настоящей большой античной Империи.

Конечно, средневековые карты не ограничивались только картами типа Т-О. Они не всегда были круглыми, - например, когда прямоугольная страница рукописи подсказывала сделать ее квадратной. Тем более, если в Библии существует упоминание о "четырёх углах земли" (Откровение, 7.1).

Также распространенными были карты, где земной диск разделялся четырьмя заливами внешнего океана: Каспийским морем (тогда считалось, что оно является заливом внешнего Океана), Персидским заливом, Красным и Средиземным морями. Но в любом случае целью средневековых карт отнюдь не была ориентация на местности: они были окном в мир, давая о нем самую общую визуальную и текстовую информацию. Что же они рассказали о территории восточной Европы? Последняя, как и ранее, оставаась на краю Ойкумены и была источником опасности. Следуя Библии, христианское средневековья связывало по простой ассоциации с "концами мира" (периферией карты) особенно неприятные вещи. А север и северо-восток (тот самый "Аквилон") были особенно опасны. Там жили апокалиптические библейские народы Гог и Магог, запертые Александром Македонским за Каспийскими горами. Эти народы ожидали конец света, чтобы принести смерть и гибель. "Восток" в смысле сокрытия будущих опасностей был не хуже других частей мира, но актуальные тогда венгры, русь-варяги и монголы, пришедшие в западную и южную Европу с востока, отнюдь не способствовали позитивному имиджу этого региона.

Что касается определения "украинского пространства", то увидим мы его (конечно без надписи "Украина") на тех картах, авторам которых захотелось добавить немного подробностей к схеме Т-О . Поскольку им захотелось разнообразить поперечину Т, то слева она у них начинает разделяться на Танаис и Данубий (Дунай), а с противоположной стороны им для равновесия соответствует Нил, который делится на рукава.

Зато северное "варяжское видение" нам демонстрирует Исландская карта сер. XIII в. Она полностью "писаная", без графических обозначений, символов и рисунков, просто отображает "схему". Интересна она, в частности, теми характеристиками частей мира, которые (кроме четырех сторон света и сезонов года) являются для нас необычными двенадцать ветров, возрасты (детство, юность, старость, дряхлость), качества (тепло, жара, влага, холод), элементы тела (кровь, вода, дух, плоть). И, кроме того, на ней обозначены только три города в Европе: Рим, Константинополь и Киев (Kio). И имеется такая страна как Русь (Rusia). Есть еще кочевники (Egonei). Очевидно, что для крепкой исторической памяти исландцев, отраженной в цикле устных и только гораздо позже записанных саг, наиболее южный форпост скандинавского мира - Киев (если не брать их "внучатых племянников" норманнов в Сицилии) - еще в XIII в. прочно находился среди важнейших географических пунктов.

Ну, и конечно, нельзя обойти самые информативные и роскошные с художественной точки зрения карты - Эбсторфскую (XIII в., 3,5 / 3,5 м) и Геррефордскую. Поздняя Геррефордская карта (1290-е, 1,5 / 1,3 м) была создана в Англии, а наиболее презентабельная этого типа - Эбсторфская - в Нижней Саксонии; но обе они происходят все-таки от определенного английского оригинала. Ну, а нас в первую очередь интересует, что же из наших земель попало на самые масштабные средневековые карты?

Рис. 5. Эбсторфская карта. XIII ст.

Эбсторфская карта (рис. 5) была создана в XIII в. и уничтожена во время бомбардировки Ганновера потомками авторов Герефордская карты в 1943; для исследователей сохранились цветные прорисовки и ретушированные фоторепродукции. Она является наиболее информативной средневековой картой (ок. 1600 легенд), содержа сведения не только об общей географии мира, но и о минералах, растениях, животных, античную и христианскую мифологию, весьма богатым является изображение автора относительно различных монстров, которых он располагает преимущественно в Африке. Весь мир карты является телом Христовым, поскольку на верхнем ее краю - его голова, по бокам - руки, снизу - ноги. Наши края на этой карте - под десницей Христовой, но подробно изображены северорусские территории, органически близкие к экономическим и политическим интересам северной Германии. Наша география обогащается рядом городов и названием страны "Русь". И, несмотря на путаницу с их взаимным расположением, эти города как торговые и административные центры занимают должное место в ряду ведущих географических пунктов. Правда, "плохая репутация" нашего региона время берет свое: среди рисунков, украшающих

карту, видим у нас человека с огромными ушами, грифона, который нападает на скифа, двух людей, поедающих конечности третьей... Указывая в легенде античных скифов, аланов, даков, сарматов, гетов, каллипидов, карта не называет современных ее автору народов, впрочем, упоминает такие пункты, как Новгород (*Novgardus*), Киев (*Kiwen*), Полоцк (*Plosceke*), Смоленск (*Smalentiike*), государство Русь (*Rucia regio*).

Герефордская карта (**рис. 6**) была создана ок. 1290 в. Англии неким Ричардом Хельдингемским и Лефордским, который в левом углу произведения попросил за себя помолиться. Изображение восточной Европы на этой карте начинается от притока Дуная Тисы. Она идентифицируется явно, а вот все, что к востоку от нее - крайне неоднозначно. Есть там целое множество рек - Арфаксат, Корвус, *Дананер*, *Истр*, Алан, с идентификацией которых (кроме Днепра и Дуная) - дело сложное. Интересна информация о том, что "здесь живут эсседоны скифы, у которых принято сопровождать захоронения родителей песнями.

Рис.6. Герефордская карта, ок. 1290

Собрав собрание друзей, они разрывают зубами покойников и, смешав с мясом скота, устраивают пир, предпочитая самим съесть старых, чем отдать их червям". Другая легенда также бесполезна: "В Рифейских горах. Скифы внутренних областей осуществляют строгий образ жизни, живут в пещерах. Пользуются чашами, сделанными у эсседонов из вражеских черепов. Любят битвы. Пьют кровь из ран убитых. С числом убийств растет слава, а не убить никого - позор.

Скифотавры скифы держат иноземцев врагами. Сатархы скифы, отказавшись от использования золота и серебра, искоренили в своем обществе жадность".

Утешимся тем, что варианты построения коммунистического общества без денег и жадности у нас относятся не только к XX веку, но и зафиксированы на английском карте XIII в. Ну - и еще название "славяне" (*Sclavi*) и "здесь Русь" (*Hec et Rusia*). Итак, если подытожить достижения античной и средневековой картографии, то мы имеем четыре географических объекта, которые впоследствии будут частично очерчивать "украинское пространство": Черное море, Дунай, Дон и Карпаты. Посередине его протекал Борисфен - Днепр. Но поскольку родину славян и будущих украинского в лесостепи отделяли от греков кочевые народы - скифы и сарматы, то и упрочилось два первые названия нашего края - Скифия и Сарматия (Скифия - с уточнением "Нижняя" (ближе)). Ее восточным краем был Танаис - Дон, а западной - Дунай и Карпаты. Где-то к северу от них в сторону Вислы уже начиналась "Верхняя (дальняя) Германия", - хотя и также заселена славянами, но традиционно отнесена к "Германии". Северной чертой Скифии в античные времена считались или Северный океан, или мифические Рифейские горы, но в XI-XII вв. они постепенно исчезают с карт, сменяясь тем, что мы бы сегодня назвали Восточноевропейской равниной, пронизанной сетью рек с несколькими древне-русскими городами.

Название страны происходящее от имени славян, попадаете нам редко. *Sclavenia occidentalis* (западная страна славян) упоминается на английской карте 1260-х гг. Показана она в северном Причерноморье рядом с *Ruscite* (возможно Русью), но ее трудно идентифицировать. Еще в одной тогдашней английской карте есть *Sclavonia*. Гораздо чаще на картах упоминаются просто "славяне" (*sclavi*). Исследователь средневековой картографии А.Чекин приводит их перечень: Англо-саксонская карта 2 четв. XI в., серия карт Ламберта Сент-Омерского (1112-1121 и далее), Эбсторфская карта XIII в. (к югу от Дуная, район западных славян и отлично от Руси), Герефордская карта 1290 х (рядом с венграми и сарматами и в Верхней Германии).

Вообще, исторически на древних картах сначала начинает упоминать этноним (название народа), а уже потом - производный хороним (название страны). Что же касается названия "Русь", то, по А.Чекину, она фигурирует на английской Солийской карте ("Карте Генриха Майнцского") на рубеже XII-XIII вв. (*Dascia et Russia*) близ устья Дуная, немецкой Эбсторфской карте XIII в. (*Rucia regio*), английской Герефордской карте 1290-х гг. (*Dacia. Hec et Rusia*), карте Джона Воллингфордского сер. XIII в. (*Russia* рядом с *Comannia* - страной половцев), Исландской карте сер. XIII в. (*Rusia*). Обычно это название фигурирует в перечислении восточноевропейских стран, а не народов в одном ряду с Дакией или Венгрией, Болгарией, Грецией или Куманией. Подробное (хотя и путано), как мы уже упоминали, она изображена на Эбсторфской карте. Фактически западноевропейская картография лишь в XIII в. "пропускает" Русь на карту мира, в то время, когда она уже не представляла какой-либо государственной

целостности, а ее название, ранее касавшееся преимущественно Среднего Поднепровья, начинает приживаться по периферии - на западе, а потом на севере.

Характерно и то, что появляется она только на североевропейских картах - в Англии, Нижней Саксонии и Исландии. Вероятно, это были отголоски далеких коммуникаций викингов - варягов. Возникает вопрос: почему же Русь сразу "возникает" как название страны, а не народа? Ведь окончание на "- ia" в латыни обозначает страну. Ответить сложно, ведь возможно, на XIII в. уже поздно было фиксировать название народа, потому что тогда Русь уже была достаточно старым государством с центром в Киеве. Как "народ"ранняя "Русь" составляет для историков еще относительную загадку по своей "национальности" и происхождения. Точнее, есть "предметом дискуссий". Спорят между собой сторонники северного (балто -скандинавского) и южного (территориально украинского) происхождения названия. Когда-то это называлось "норманисты" и "антинорманисты", и это повторялось на каждом этапе идеологических споров: между "немцами" и "русскими" времен Ломоносова, "почвенниками" и "западниками» XIX в., учеными и профанаторами времен сталинизма, украинскими и российскими "гиперпатриотами" XX и XXI вв.

Но карты нам здесь, к сожалению, никак не помогут. Впрочем, была здесь еще одна интрига. "Народ русь" в латинской традиции, в отличие от греческой (которая нам подарит эллинизированным название "Россия") - это *ruteni* или *rutheni*. А это связывает с древним, "классическим" галльским племенем рутенов, центром которого был Сегодунум (ныне Родез на юге Франции). Средневековая привычка хвататься за все античное ("авторитетное") смешала оба народа в представлении многих тогдашних авторов и привела к появлению еще одной названия - "Рутения", которое в совершенно разных формах будет блуждать картами до XX в. Но впоследствии, с XV в., с началом эпохи расцвета европейской картографии место Руси будет гораздо более четко локализованным: одна, южная, в Прикарпатье, другая, северная - в Новгородщине. Но потом имя "рутены" как аналог "русинов", отличных от русских или московитов, - в смысле или галичан или закарпатцев, или украинцев-малороссов в целом, - будет весьма распространенным в картографии от Австрии и Польши XVIII века, Германии нач. - сер. XX ст., американских, французских и английских атласов 1990-х годов.

Термин "Рутения" будет применяться и как аналог слова "Русь", отличный от "России", (например: Беларусь - *Weiss Ruthenia*, а не *Weiss Russland* на некоторых немецких картах), и как региональное название для Закарпатья во французской и англо-американской картографической традиции XX века.

1.3.Портоланы

Выше мы рассмотрели средневековые карты, которые подавали схематическое, скорее умозрительное видение Божьего мира. Создавались они иллюстраторами, которые работали в монастырских скрипториях, и поэтому карты эти относятся

условно к "христианской средневековой картографии" или к "монастырским картам". Как мы увидели, быть практичным указателем они бы вряд ли смогли. Но все же в средние века появились и карты, которые были очень точными и инструментальными - морские навигационные карты-портоланы. По хронологии они полностью "средневековые" (известные в источниках с XII по XVII вв., сохранились с XIV в.). По вероисповеданию авторов и пользователей частично христианскими (потому как пользовались и создавали и мусульмане), но составляют поразительное различие с картами типа Т-О. Поэтому их выделяют в отдельный сюжет истории картографии. Слово "портоланы" - итальянского происхождения (от слова *porto* - порт, гавань) и означает навигационную карту водного пространства с описанием ориентиров побережий и румбовыми (компасными) линиями. Историки картографии в XIX в. остановились на названии "морская карта-портолан", чтобы не путать с описательными писаными портоланами. Поскольку мы говорим о картах, то у нас дальше "портоланы" будет только навигационной картой.

Мы можем догадываться, что портолан является потомком древнего перипла. Однако ученые констатируют относительно "внезапное" появление средневековых портоланов в нач. XIV в. в уже достаточно совершенной форме. Предыдущие, переходные образцы, "протографы" нам неизвестны, но можно предполагать, что где-то в пределах Средиземноморья существовала навигационная картографическая традиция, утраченная для далеких потомков. Версий относительно возникновения портоланов немало, и, как указывает их исследователь И. Фоменко, наиболее интригующим является их поразительная точность. Последняя с точки зрения нашей современной логики не могла быть результатом одномоментной инновации, и лишь результатом длительного сбора и уточнения информации. А так, как будто сразу возникает готовый высококачественный продукт, точность которого будет превзойденной только благодаря навигационным инструментам и астрономическим сведениям эпохи Великих географических открытий и Просвещения. Для примера укажем, что если широту могли определить и во времена античности, то долготу - вторую из необходимых координат, которая исчислялась от условного нулевого меридиана, - смогли более или менее адекватно определять только мореплаватели начале XIX в., когда получили хронометр, который "действовал" лишь при условии внимательного учета скорости корабля.

Усиливает интригу, например, то, что известная карта турецкого адмирала Пири Рейса с обозначением контуров совершенно далекой от Османов северной и южной Америки и других, на наш взгляд будущих открытий (1513) относится именно к портоланам. Но без таких интриг история была бы крайне скучной...

Поэтому загадки остаются, а мы скажем об очевидно известных о портоланах фактах то, как они затронули украинские территории. Старейший датированный портолан, который дошел до нас, был создан в 1311 г. генуэзцем Пьетро Висконте (мы можем увидеть его портолан Черного моря 1320-1321 гг - **рис. 7**). В XIV в. одновременно возникают весьма мощные картографические школы в Каталонии

(рис. 8) и Италии. Приоритет здесь уже трудно кому-то отдать, ведь портолан уже стал популярной вещью.

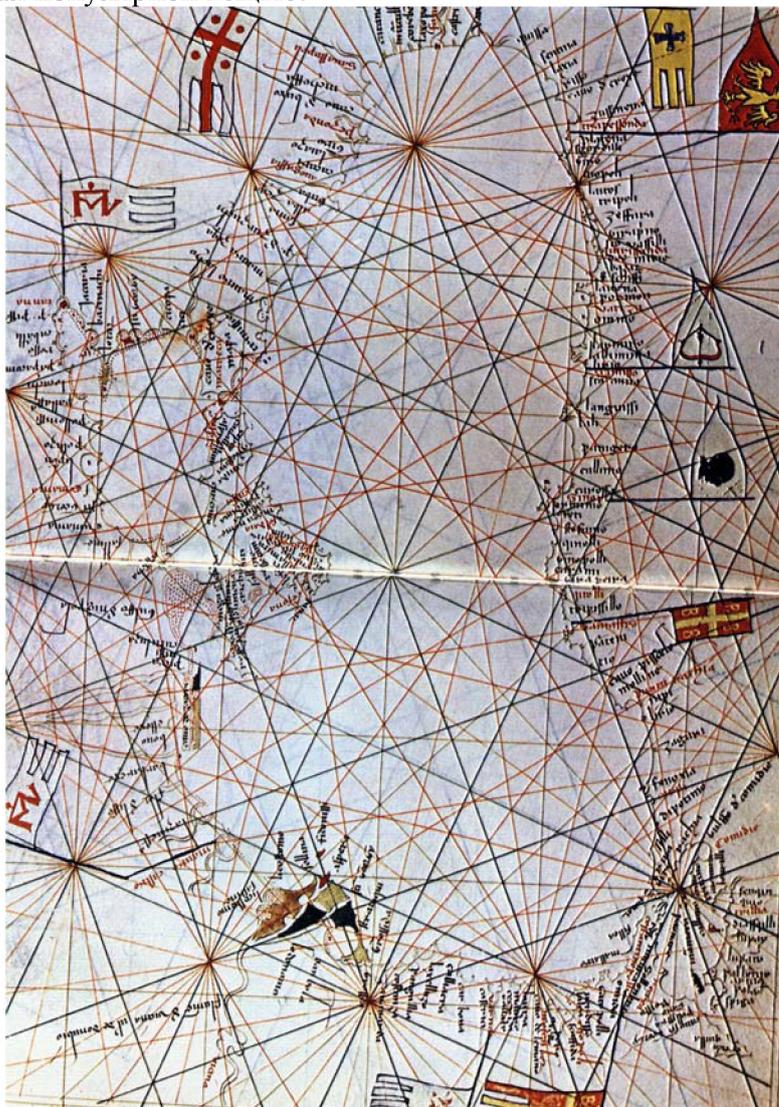

Рис. 7. Портолан Черного моря Пьетро Висконте, 1520-1521.

Как выглядели портоланы? Это был свиток (овечьей или телячьей кожи), который был значительно выносливее в море, чем бумага. На карте были изображены побережья Средиземного и Черного с Азовским морей. Отдельные карты включали атлантическое побережье Европы, северный берег Африки, пути к Балтике и Британским островам, а на востоке - Красное море. Впоследствии из самых популярных фрагментов таких карт начали делать книжные тетради (морские атласы). Основными элементами карты были береговая линия и компасные румбы, исходящие из "розы ветров". Подписывались порты и объекты

побережья, элементы гидрографии (скалы, мели). Порты и прибрежные города содержали отметки с флагами и геральдическими символами, которые указывали на их государственную, этническую или конфессиональную принадлежность.

Рис.8. Фрагмент портолана из атласа Диего Гомема, 1550-е гг.

Поражает точность некоторых портоланов. Выполненные украинским ученым-географом А.Гордеевым компьютерные сравнения береговой линии Черного моря, изображенного на портоланах П.Висконте (1313 и 1318), в каталанском атласе 1475 и др. с изображением современного космического снимка показывают расхождение только в 2-7%. И если брать обновления информации, то очертания берегов на портоланах с XIV в. не менялись, дав сразу определенный «стандарт», неизменный до XVIII в.

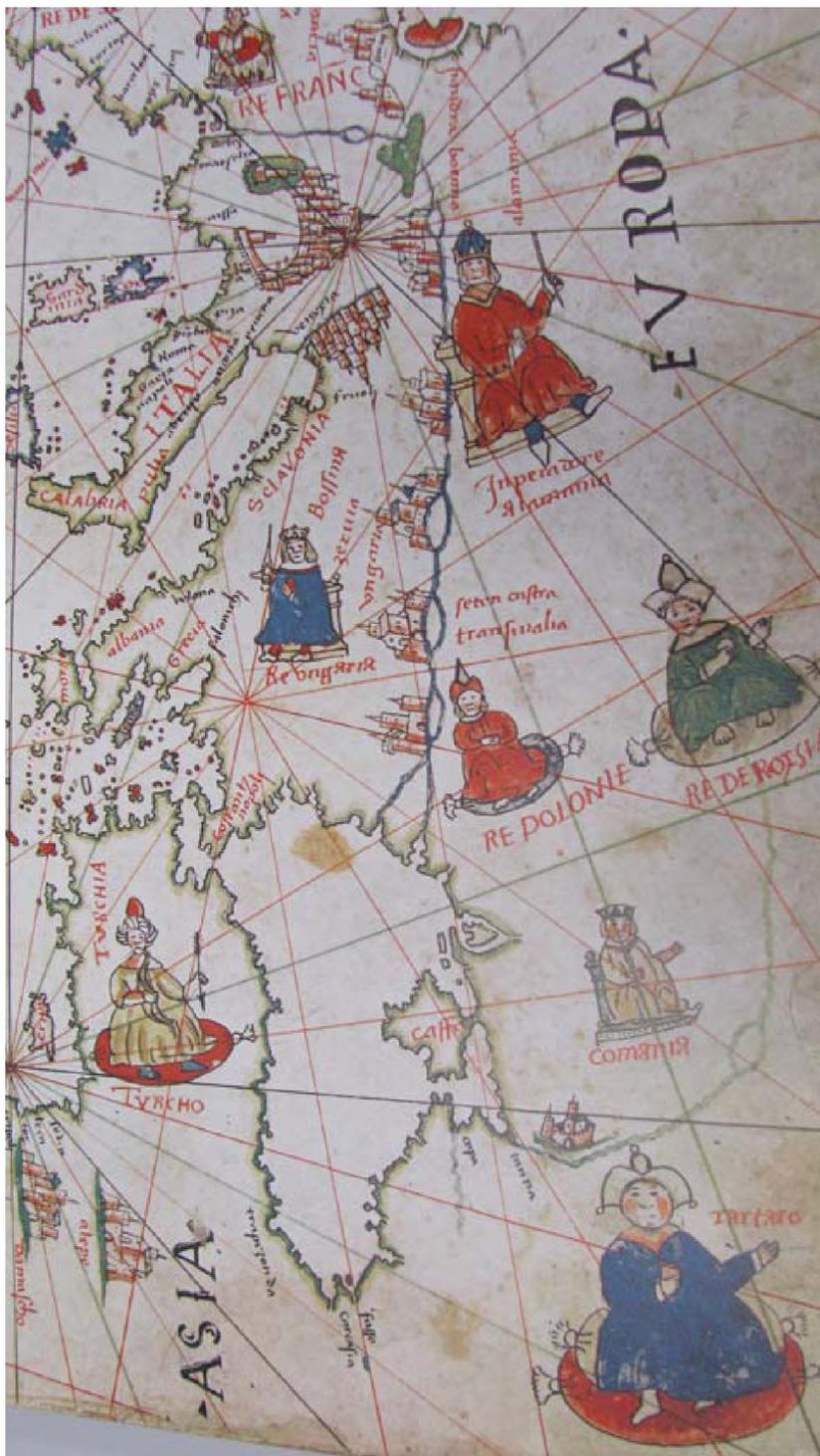

Рис. 9. Фрагмент карты из морского атласа Висконте Маджоло, 1512.

Можем еще в качестве примера обратить внимание на изображение Черного моря из атласа Висконте Маджоло (1512, рис. 9). Видим общие очертания

побережья Черного моря и соседние государства: Туркия (Турция), Комания (половцы), тартар (Татария), Полония (Польша), Русия. Какое именно государственное образование считается "Русью" – определить сложно. Вероятно, - Московия, ведь шапка "короля Руси" (тюрбан) идентичен шапке царя Татарии, что указывает на политические связи с Золотой Ордой или "цивилизационную связь" с Востоком вообще. Но здесь мы не видим четкой закономерности в изображении государей: польский тоже имеет черты «Востока» - сидит на мешке, а не на троне, головной убор – тоже «сомнительный», - т.е. не корона. После выхода Великого княжества Московского из-под непосредственной власти Орды в 1480 г., оно с некоторым опозданием попадает на портоланы как королевство (суверенное государство). Определенную загадку составляет то, что автор подразумевает под таким анахронизмом как "Комания", государь которой изображен как «западный». Возможно, уже утраченные итальянские владения в Крыму.

* * *

Если итальянцы были более прагматичны в своих коммерческих интересах, и обычно не выходили в своих картах за пределы Средиземноморья, каталонцы с Майорки пытались обозначить и неизвестные или малоизвестные земли, рисуя их вокруг уже стандартного портолана - вплоть до Китая. Их карта была уже не только портоланом, но построенной вокруг него картой мира. Именно к таким относится известный "Каталанский атлас" 1375 г. Он состоит из 12 листов, 4 из которых содержат космографические и навигационные детали. Автором его был Абрахам Креск (1325-1387), иудей с острова Майорка. Он долгое время был личным "мастером карт мира и компасов" короля Арагона Педро III. Большие сухопутные пространства на картах позволили Креско поупражняться в легендах и попытках предоставить относительно свежую полезную информацию (например, из путешествий Марко Поло) или вновь вспомнить "народ Гог и Магог", который, как и на средневековых настенных церковных картах, ждет конца света у Каспия, или об Антихристе.

Конечно из портоланов Черного моря мы можем взять для «украинского сюжета» не слишком много, кроме перечисления тогдашней топонимики (географических названий), которая существенно отличается от современной, проследить изменения, которые происходили в зависимости от международной политики, попытаться найти на сухопутных пространствах какие-то комментарии или названия государств или народов. В XIV -XVII вв. подавляющее большинство названий вдоль берегов Черного моря было греческим, вкраплялись свидетельства существования рядом славян, тюрок, грузин, присутствии гунуэцев, венецианцев, пизанцев. Часть греческих названий впоследствии превратится в турецких, но преимущественно путем буквального перевода. Геральдические знаки покажут нам расширение и сокращение Золотой орды, престолы церковных иерархов, существование итальянских владений в Крыму и факторий вдоль

побережья, появление Молдавского княжества, падение Константинополя и превращение Османской империи в великую державу.

Потенциальную присутствие русинов мы можем ощутить скорее по варяжскому наследию в названиях: *insula Rossa* (остров Джарылгач), *Roxofar* (пункт на полуострове Тарханкут), *Varango Limena* (Варяжская Стена неподалеку от Россофара). Их расположение напоминает следы пути "из варяг в греки", хотя он является историографическим мифом; но варяги были на Черном море, что и ощущается.

В целом наши просторы оставались для итальянских моряков на периферии интересов - как отдаленные внешние земли. Но среди тех топонимов, которые основательно собрал известный исследователь портоланов И. Фоменко, мы можем встретить и более интересные названия. Однако учитываем, что портолан "заканчивался" неподалеку от берега, и поэтому указанные названия говорят о том, что этот объект мог находиться, там где подписано, а мог - и далеко за пределами карты в "том направлении". Есть у нас (перечисляю по И. Фоменко - от Дуная до Дона): Европа, Сарматия Европа, Русия, тартары буджакские, Валахия, Бессарабия (это все в пределах Бессарабии, Русия - дальше за тартарами и Валахией; за Днестром на восток - Подолия, тартары очаковские, турецкое "Ард ал-Русиа" (Русь), Тартария, Кумания, Алания. Дальше - уже известный нам Танаис. Крым называется или "Таврикой" или "Киме". Цепочка портов не внесет здесь чего-то существенно нового. Политические обозначения мы уже упоминали, единственное, что на портоланы такие реалии попадали с опозданием на 15-20 лет. Понятно, что путем от Черного моря до России, исходя из информации портоланов, могли быть Прут, Днестр и Днепр.

Лидером внимания итальянских торговцев и моряков краях был, конечно, Белгород на Днестре, который у них назывался Монкастро. Над ним до определенного времени реют флаги с тамгой Джучидов (символ власти Золотой Орды), а ок. 1450 поднимается бычья голова с герба молдавских господарей. Когда же горизонты портоланов расширились то туда попадали даже российские города под ордынской тамгой - на карте Анджелино де Лалорто (1339; появляется Рязань, Москва, Новгород) и в упомянутом Каталанском атласе 1375 г. С 1482 (портоланы Хайме Бертрана) в широкой перспектив морских карт появляется рисованный персонаж "*Rey de Rossia*" (или "*Russia*") - "король Руси", основным оппонентом которого нарисован с саблей в руках "король Тартарии". Размер фигурок государей обозначал уровень могущества и суверенитета государства.

Вероятно, что с усиление влияния Московии времен Ивана III вывело ее в перечень суверенных государств. Интересным нюансом было то, что европейские правители изображены на портоланах в основном в коронах, а азиатские - в тюрбанах. "Король Руси" - ни так, ни так, бывает с какой-то страшной рыжей бородой. Возможно, это случалось исходя из его неясной далеким каталанцам "цивилизационной принадлежностью" - к европейскому христианскому миру или к Азии. Впоследствии авторы все-таки надевают на него корону, он увеличивается в размере по сравнению с королем тартаров, а со времен Ивана

Грозного король татар (уже неясно какой из них) становится второстепенной маленькой фигуркой.

Второе направление к Руси - вверх Прутом и Днестром - не было как-то уточнено. Но характерно, что портоланы обозначали названия суверенных (современным языком) государств, а наши земли входили тогда, по этим критериям, в Литву или Польшу. Поэтому мы видим скорее региональные названия (вроде «Подолья»), чем общие. Возможно "Русия" в сторону Прута и Днестра обозначала региональное название львовского Русского воеводства короны Польской. Но государственные границы на портоланах не обозначались, и мы здесь можем лишь строить предположения.

1.4. Картографическая революция XV-XVI вв.

В XV в. происходит революция в картографическом мировоззрении западных европейцев. Из осаждаемой, а впоследствии поверженной турками-османами Византии на запад двинулось немало греческих ученых, которые принесли с собой много рукописей, научных трудов и другого античного наследия, утраченного Западом. Попали туда в том числе и византийские варианты карт Клавдия Птолемея, которые иллюстрировали его "Географию". Как мы уже упоминали выше, до сих пор остается неизвестным, были ли это действительно копии карт, созданных непосредственно Птолемеем, или поздней попыткой визуализации его географических описаний земли.

Сами инструкции о создании карт Птолемей действительно писал, но неясно, успел ли он самостоятельно воплотить в жизнь свои рекомендации. Классик истории картографии Лео Багров считал известную нам "Географию" Птолемея "огромной компилятивной работой, содержащую карты трех или четырех разных авторов", преимущественно византийских ученых XIII-XIV вв. Тем не менее, для нас единственно важным является то, что знакомство с этими картами произвело на Западе настоящую сенсацию. Сам принцип карты мира с северной ориентацией, опорой на долготу и широту и приложенными региональными картами создавал тот образ мира и его частей, основанный на "классике", который воцарится в картографировании в последующие века и дойдет до наших времен.

Впрочем, классический образ земли уже был недостаточным. С 1420-х гг. к очередным рукописным "переизданиям" Птолемея добавляются новые карты тех частей мира, которых у него не было - например Северной Европы. Германия, Нидерланды, Англия были инициаторами Возрождения и также стремились "себя увидеть", несмотря на неосведомленность древнего грека об их краях. Немецкий картограф Доннус Николаи Херманус перерабатывает и стандартизирует "Птолемеевы" карты и добавляет первые новые. Наконец, только что изобретенный печатный станок позволит сделать Птолемея автором бестселлера.

Первый печатный "Птолемеев" атлас выходит в свет в 1477 в Болонье (это - первый печатный атлас), и дальше все больше - в других тогдашних передовых странах. Еще один немецкий картограф Генрик Херманус добавляет карты Англии и Ирландии, Испании, Галлии, Германии, Скандинавии, Италии, другие и морскую карту Средиземноморья. Напечатанная в 1482 г. в Ульме версия уже содержала карту Прибалтики ("Современную карту Пруссии, Норвегии, Готии и России, сверх предоставленных Птолемеем"). Итак, наконец-то Восточная Европа должна была попасть на региональные карты и в такой новый жанр, как "карты стран". Заметим, что ранее карты существовали только как кадастровые схемы земельных участков (в древнем Египте и Вавилоне), упомянутые нами в начале дорожки-итинерарии, схемы мира (Т-О) и производные от них навигационные (портоланы). Как ни странно, почти не случалось попыток создать карту отдельной целой страны.

Настоящее научное картографирование можно было осуществить уже на основании точной топографической съемки, определения географических координат и с использованием надлежащих инструментов. Это требовало много времени, коллективных усилий, поскольку современные карты требовали участия многих людей из разных стран, которые обменивались географической информацией.

Этот переходный этап был отмечен достижениями вы - дающего польского картографа XVI в. Бернарда Ваповского (1470-1535), который вносил поправки в карты Птолемея, издававшиеся в сборниках, начатых Николаем Кузанским (1401-1464). Достижением Ваповского является создание карты "Современная карта Польши, Венгрии, Богемии, Германии, России, Литвы" (1507-1509). Эта карта задавала круг определенных политонимов (названий государственных образований) где только Русь по сути выпадала из круга государств, являясь составной Великого княжества Литовского и королевства Польского. Это является свидетельством существования определенного географического "русского пространства", который не спешило растворяться. С того же времени мы также наблюдаем внимание к выделению административных регионов на украинских землях на основании достаточно приблизительных границ древних княжеств и современных воеводств.

В 1526 г. Ваповский выпустил "Карту Сарматии", где впервые обозначил регион Подолья и применил украинскую транскрипцию написания многих географических названий. В 1540 г. выходит основанная на Ваповском карта "Польша и Венгрия" немецкого гуманиста и космографа Себастьяна Мюнстера (1488-1552, **рис. 10**), которая потом регулярно переиздается в течение 60 лет. На ней присутствуют региональные названия (Волынь, Подолье, Покутье, Кодымия - от реки Кодыма на Одешине) и общее название - Русь. Выдающийся географ и картограф, профессор Гейдельбергского университета Мюнстер крайне внимательно относился к своим источникам, создав сеть географов-информаторов по всей Европе.

Рис.10. Фрагмент карты «Венгрия и Польша» Бернарда Ваповского в издании Мюнстера, Базель, 1540

Однако, если у Мюнстера есть названия территорий, но отсутствуют административные границы, то последние появляются уже вскорости - в 1554 на карте "Описание Европы" представителя фламандской картографической школы Герарда Меркатора (1512-1594). Фрагмент его карты России мы можем увидеть на **рис. 11**.

Другой выдающийся картограф той эпохи Абрахам Ортелиус (1527-1598) поместил в первом издании своего атласа мира "Обзор земного шара" карту Польши Вацлава Гродецкого (1558, с последующими переизданиями, - **рис. 12**), где обозначены границы и названия Руси (содержащей Русское, Белзское и Брестское воеводство), Подолья и Волыни, что становится в дальнейшем стандартом подачи административного устройства западной части Украины до конца XVIII в.

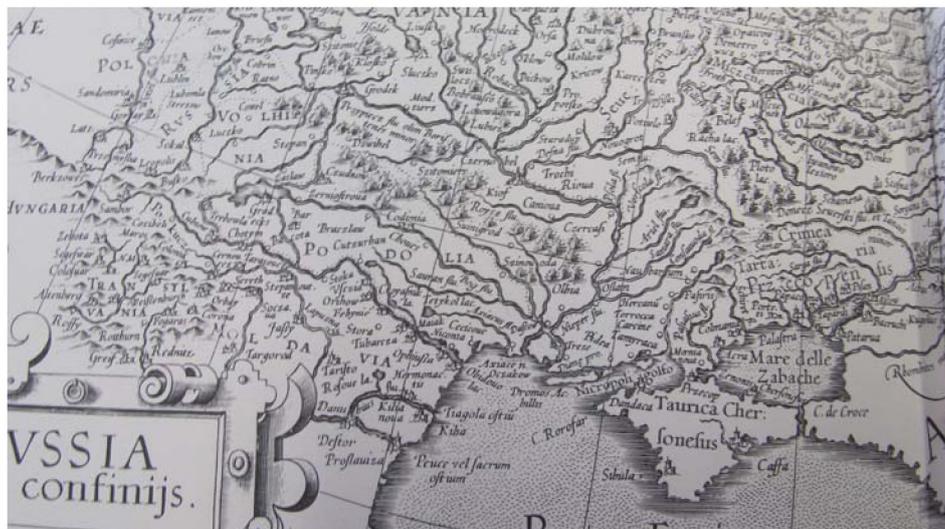

Рис.11. Фрагмент карты «Россия с окружающими землями» из атласа Герарда Меркатора, Дуйсбург, 1595

Рис.12. Фрагмент карты Польши Вацлава Гродецкого из атласа Абрахама Ортелия, 1570.

* * *

"Russia" блуждает картами XV - нач. XVIII в. от северных склонов Карпат до Белого моря. Обычаем западноевропейских карт является наличие двух Русей (Прикарпатья и Новгородщины) и отдельной от них Московии. Создается впечатление, что для современников из Центральной и Южной Европы Русь

находилась в недалекой Галичине, для Северной - на территории близкой им Новгородщины, а Московия не совпадала ни с тем, ни с другим. Хотя, конечно, вариантов наложения названий было много разных.

У Меркатора, как мы видим даже по фрагменту, «Русь» - широкое пространство, наследующее конгломерат княжеств Древней Руси или же все православное пространство Восточной Европы. У Мюнстера «просто» Русь присутствует в Галичине, «Белая Русь» - в Московии.

Тогдашние карты получали долгую жизнь, поскольку если было печатное клише, ее можно было воспроизводить бесконечными идентичными копиями, пока она не утратит спрос. Такие карты иногда несколько корректировались, становились основами для других, но уже на совсем не исчезает - нет. Каждая из популярных региональных карт диктовала образы стран, государств и регионов в течение не менее полувека, а с учетом несколько меньшего, чем раньше, но впрочем вполне устойчивого консерватизма картографов, - то и гораздо дольше. Все же, для Старого Света речь не шла о появлении новых географических объектов. Государства и страны как таковые уже графически «устоялись», и образ Польши, например, не менялся в зависимости от того, кто находился на троне - Валуа, Баторий или Ваза. Однако, Украина вскорости станет такой инновацией, поначалу регионального масштаба, но потом попадет в список стран, имеющих отдельные карты себя. На начало XVII в. название "Украина" пока на европейских картах еще не фигурирует, - но до этого оставалось немного времени...

ГЛАВА 2

ОТ «УКРАИНЫ – ДИКОГО ПОЛЯ» ДО «СТРАНЫ КАЗАКОВ»

2.1. Появление Украины на карте. «Украина» и «Малороссия»

Приближение географических интересов к нашим территориям через взгляд нидерландской, немецкой или польской картографии рано или поздно должно было столкнуться с крайне интересной Европе границе с исламским миром в Причерноморье и Поднепровье. Экспансия Османов в Европе в XVII в. достигла своего апогея, составив основную угрозу христианскому миру в самом его сердце, несмотря на все достижения в Новом Свете. Поэтому рост активности запорожского казачества, его морские и сухопутные победы над турками времен Петра Сагайдачного (особенно Хотинская война 1621г., ожесточенные битвы за Каменец и Чигирин 1670- х гг., блестящая победа под Веной в 1683г. сделают украинское Дикое Поле одной из постоянных стратегических границ Европы.

Информация об этих рыцарско-романтических событиях станет широко распространенной. Именно Дикое Поле введет в широкое обращение свое второе название - "Украина", и в течение XVII в. она по своему содержанию из "окраины", "границы" превратится в название страны. Характеризуя западные сведения о Украине, итальянский исследователь А.Крония пишет: "...[Западная] литература о войнах, преимущественно анонимная, полна восхищения неутомимым в борьбе народом, который стал открытием века".

Из картографических источников для начала обратим внимание на творчество голландца Исаака Массы. Его "Новейшая карта России", изданная в 1633 г., была гравирована мастером из известной семьи - Виллемом Гондиусом (Гондием), который впоследствии гравировал "Генеральную карту Украины" Гийома Левассера де Боплана и портрет Б. Хмельницкого (официальный и «апокрифичный» с ослиными ушами). На карте Массы встречается название "Okraïna", которое определяет расплывчатые просторы Дикого Поля на южных границах Московского государства, и находится довольно далеко к востоку от украинской Сиверщины. Поскольку Масса основывал свою карту на московских источниках, то ему удалось ненамеренно отразить в ней отголосок популярного впоследствии идеологического стереотипа, который связывает "Украину" с "окраиной России". На карте Массы мы действительно видим московскую "окраину", но, что интересно, - она не имеет никакого отношения к "Украине". Это - где-то в краях верхней Оки, Дона или Рязанщины (**рис. 13**).

Рис. 13. Фрагмент карты «Россия или Московия» Исаака Масси в атласе Яна Блау, 1665, Амстердам

Очевидно, что этимология названий "Украина" и "окраина" - идентична, обозначая пограничье. Однако в нашем контексте карьера "Украины" оказалась впечатляющей по сравнению с российской "окраиной", которая по мере колонизации степи не получила самостоятельного значения и четкой локализации. Бессознательными промоторами "Украины" выступили, конечно, запорожские казаки, которые создали на этой «Украине» крайне своеобразное военное сообщество, историческая миссия и активность которого выплеснули "Украину" из настоящей окраины исконной и изначальной Руси - на все Среднее Приднепровье. Со времен Хмельницкого "Русь" и "Украина" становятся синонимами. Русь - название вполне историческое, "заслуженное" и традиционное, применяемое в политической риторике; Украина же в бедствиях тяжкогого противоборства казачества с Речью Посполитой, Москвой и Османской империей становится во времена Руины, словами российского исследователя Т.Таировой-Яковлевой, "эмоциональным отечеством". Этот процесс "наложения названий" хорошо отражает выражение гетмана Петра Дорошенко "Украина наша Руська". Третьим термином будет греческий аналог слова «Русь» – «Росия» или «Россия». Еще в середине XVII в. его, не задумываясь, относили к Киеву, но в начале XVIII в. это станет названием «Российской империи». Подскажет эту идею царю Петру в 1721 г. киевлянин Феофан Прокопович.

Однако стоит упомянуть еще одну локализацию Руси, свойственную взгляду "с Запада", особенно тем, кто путешествовал или жил на землях Центральной Европы. Со времен завоевания владений бывшего "короля Руси" Даниила Галицкого Казимиром III Великим, а особенно с создания Русского воеводства с центром во Львове (1434) "Русь" имела четкую административную локализацию в Прикарпатье, в то время как остальные части бывшей Руси в

самом широком смысле (белорусские, новгородские и московские территории) представляли собой конгломерат различных государств, княжеств с разными названиями, и ни одно из них не называлось Русью, - если не считать третью, часто забытую часть названия Великого княжества Литовского, Жемайтского и Русского. Поэтому присутствие этого названия именно в Прикарпатье на картах, начиная с XV в., является вполне закономерной.

Если мы вспомним карту Бернарда Ваповского (на которой отсутствуют политические и административные границы - **рис. 10**), то там "Россия" блуждает от просто "Руссии" в Галичине до "Руссии Альбы (Белой)" в Московии, - а вот начиная с различных редакций Вацлава Гродецкого (**рис. 12**), когда уже изображаются административные границы воеводств, то она логически становится однопорядковой названием с такими же региональными названиями воеводств как "Волинь" и "Подолье". Хотя с исторической перспективы или названий стран, " Русью" были все эти украинские воеводства вместе, а уж тем более Киевщина или впоследствии - Черниговщина. Но в целом, если брать название "Русь" в широком смысле, то (как мы уже упоминали) польские, верхненемецкие и южно-европейские картографы обычно писали ее в Прикарпатье, а северогерманские, нидерландские и английские - на территории близкой к ним северной Новгородщины рядом с соответствующей "Новгардией" (Новгородщиной).

После 1569 г., когда украинские земли Великого княжества Литовского перешли под власть короны Польской, Польская Русь могла заменяться синонимическим названием "Украина", как это было в одном из универсалов короля Стефана Батория (1580), цитируемом украинским историком П.Сасом: "старостам, подстаростам, державцам, княжатам, паном, рицерского стану людем на Украине Руской, Киевской, Волинской, Подляшской, Браславской мешкающим". Соответственно, здесь к "Украине" относятся Русское, Волинское, Киевское, Подляшское, Брацлавское воеводства. Это довольно раннее и содержательно широкое использование названия "Украина", и поэтому эта цитата представляет собой предчувствие ее дальнейшей «карьер».

При наличии Прикарпатской Руси в центральной Европе становится понятным, почему с того южного ракурса очень долго не воспринимались попытки Московского государства именоваться "Русью", устойчивое западное употребление слова "московит". Ведь очевидная Русь находилась в восточной части земель короны Польской (впоследствии - Речи Посполитой). Князь Даниил Галицкий короновался как король Руси в 1253 г., а Русское воеводство существовало с 1434. Жили в нем русины (в латинской передаче - *rutheni*, отличные от *moscovites*). А поздние упражнения с "русской" титулатурой московских князей и царей воспринимались как сугубо политические амбициозные шаги, а не доказательство тождественности с населением территорий современных Украины или Беларуси. С точки же северной, прибалтийской Европы "Русь" писалось обычно на северных владениях Новгорода у Белого моря. На севере Новгород со своей страной "Новгардией", как

и Галичина на юге, был издавна известным торговым партнером северных европейцев и традиционным "входом" в далекие неведомые полуазиатские края Восточной Европы. Поэтому с обеих европейских "видений" Руси Московское великое княжество, а затем царство являлось самым отдаленным приграничьем Татари, а учитывая длительную политическую подчиненность Орде (в отличие от Новгорода или Галицко-Волинских княжеств), то и с неясной "цивилизационной принадлежностью".

К Руси в "широком смысле" Московию на картах с XVI - начала XVII в., конечно, относили, но уже на тех, которые по своему ракурсу содержали части Сибири и Центральной Азии. Начало западного употребления прилагательного "русский/российский" в отношении Москвы относится к труду Джайлса Флетчера "О Русском/Российском государстве" ("Of the Russe Common Wealth", 1591). Как отмечает Д.Наливайко, "Флетчер побывал английским послом в Москве, следовательно ему было известно официальное название государства [Русское царство], которое он вынес на титульную страницу своей книги, но симптоматично, что в название он ввел уточнение, важное для ориентации своих читателей, которые знали эту государство и правителя под другим названием ("или образ правления русского царя, которого обычно называют московским царем")".

В результате же западноевропейцы фиксировали, что "русский" и "московский" языки отличаются. Так, австрийский посол в Москве Я.Генкель фон Доннесмарк указывал, что речь в Украине - "русская", а польский дипломат Ханс Гритина "очень хорошо был знаком с русским и московским языками".

"Русь" была, говоря современным языком, "брендовым названием", и им не хотели поступаться все, кто претендовал на ее наследство. Тот же Богдан Хмельницкий, впоследствии очерчивая свои политические претензии, называл себя "единовладельцем и самодержцем русским" с посягательствами соответственно "по Львов, Холм и Галич". То есть для великого гетмана власть Руси исходила из Киева и охватывала и Русь приднепровскую, и Русь прикарпатскую, - то есть по сути этнический ареал русинов-украинцев. Однако совместить тогда обе части будущей Украины не удалось, и это станет одним из факторов того, что за Прикарпатьем еще долго будет держаться название "Русь" (а на картах - Червонная Русь), а Приднепровье начнет дальше с разной степенью успеха "показываться" и соответственно по названию "украинизироваться". Ведь «Украина» - это «земля казаков», что мы ниже и покажем..

В западной Европе украинское казачество определенное время воспринимали как отдельный народ, однако вскоре его начнут все же воспринимать как часть русинов. Поэтому существенным для тех времен является замечание французского автора Пьера Шевалье (1663), что "казаки - это только войско, а не народ, как много некоторые думал". Итальянец Г.Приорато тогда же писал, что "ни происхождением, ни укладом жизни они [казаки] ни в чем не отличаются от русов" (цитирую по Д.Наливайко). Относительно Украины, то П.Шевалье предоставляет такую информацию: "Страна, где живут казаки,

называется Украиной, что означает «окраина». Эта вся территория протянулась через Волынь и Подолье и входит в состав Киевского и Брацлавского воеводств... Украина очень плодородная страна, равно как Русь и Подолье." Когда у него речь идет о "Руси", то имеется в виду Прикарпатье (Русское воеводство). Таким образом, "Украина" для Шевалье - это Приднепровье, которым при булаве Хмельницкого овладело Войско Запорожское. У другого француза Отевиля в общем описании Речи Посполитой Украина - также только Приднепровье, но она перечисляется в числе "русских провинций" - вместе с Подольем, Волынью и Галичиной.

* * *

Впрочем, вернемся к "визуализации Украины", осуществленной другим сыном Франции, старшим современником Шевалье и одного из его источников информации. Очевидно этапный для картографии и историографии Украины автор - это Гийом Левассер де Боплан (1600-1673). Эта фигура хорошо известна поколениям историков, обращавшихся к его "Описанию Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые простираются от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, образом жизни и ведения войн" (1651). Этот французский артиллерист, военный инженер и картограф, который уже изрядно повидал мир (участвовал в экспедиции в Индийский океан), находился на польской службе в 1630-1647 гг. В 1630-х годах он строил укрепления в Баре, Бродах, Кременчуге и Кодаке, проводил топографические измерения и чертил карты украинских территорий. Географы наиболее почитают его достижения в гидрографии: например именно он, как сегодня представляется, как следует "загнул" на карте Днепр, который перед тем обычно изображался с прямым руслом или только одним изгибом. В описании Боплана "Украина" также является собирательным названием приднепровских провинций Речи Посполитой, в которых именно во времена выхода его труда вспыхнула кровавая казацкая война. Для Боплана правый берег Днепра является "русским" или "украинским", а левый - "московским" (не в смысле принадлежности, а близости); употребляет как синонимы «русины, или казаки».

Боплан по сути первым поместил "Украину" (по крайней мере по названию отдельной карты страны) в географию Европы, где она занимала свое место до конца XVIII в., а впоследствии эпизодически "мигала" до 1917 года. В конце же XVIII в. и украинская Гетманщина, и сами запорожские казаки, и Польша, и Литва, и татары крымские уже потеряли актуальность из-за завоевание, разделение и расчленение империями - Российской и Австрийской. Но во времена Боплана все эти процессы только начинались.

Характерным и важным для нас является содержательное изменение, еще в первые годы бытования карты Боплана, объяснение топонима "Украина". Сначала

он выступает как второе название "Диких полей", но уже через несколько лет начинает полностью соответствовать названию "Описания" Боплана - "Карта Украины со многими ее провинциями" (рис. 14), так как одновременно происходило становление государства Б.Хмельницкого и его последователей во время освободительной войны. Поэтому "Украина" превращалась из своеобразного пограничного региона Речи Посполитой на политоним (название политического образования), границы которого обуславливались актуальными границами казацкой державы. По изложению Боплана, в "Украину" очевидно "надежнее" входит западный, ближний к Польше берег Днепра, собственно именно Дикое Поле, воеводства Брацлавское и Киевское (последнее занимало оба берега Днепра).

По общему "образу территории" (или "ракурсу") на карте Боплана Украина представляет собой буквально восточную часть владений короны Польской в рамках "Республики двух народов" (Речи Посполитой) от определенного пределов: на восток от "*Russiae Pars*" (Галичины), южнее Великого княжества Литовского, на север от турецко-татарских владений и - до московской границы. Где-то такие же границы государства Хмельницкого и фигурируют в Зборовском договоре 1649 или же пределы Великого княжества Русского в Гадяцком трактате Ивана Выговского 1658 г. Относительно западных границ «карты Украины» (не самой "Украины", как ее представлял Боплан - последняя у него была меньше), то на первой карте ("Общем плане") она достигает Львова и Западного Буга, а вот на более подробной "Специальной" - уже Перемышля и Вислы; на первой карте есть "Русь", на второй - "Червонная Русь" (*Russia Rubra*).

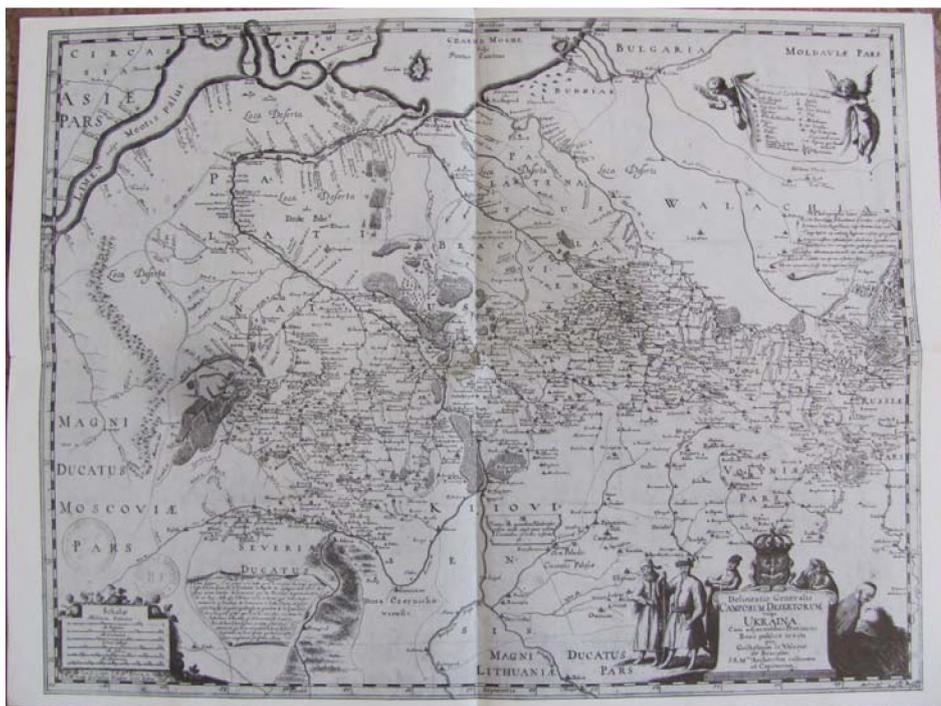

Рис. 14. «Общий план Диких Полей, иначе говоря, Украины с ее провинциями» Гийома де Боплана, 1648.

* * *

В дальнейшем, с тех пор как казацкая Украина будет разделена по Днепру между Московией и Польшей Андрусовским перемирием 1667 г. и "Вечным миром" 1686 г., ее раскраска на картах пополам в различные государственные цвета не слишком спешило. И не столько вследствие профессиональной "инерции" картографов, сколько в силу постоянного изменения политических и военных рычагов, которые не позволяли зафиксировать какое-то "окончательное состояние" территории. Тем более, что такое радикальное изменение границ требовало определенной рекламы и «продвижения». Если Боплан находился на польской службе и отражал на карте как ракурс юго-восточную часть Речи Посполитой, то для закрашивания Левобережья в московские цвета на западноевропейских картах необходима была "московская редакция" карт Восточной Европы, которая дошла бы до ведущих картографических издательств, мастерских и редакций: Парижа, Амстердама, Лондона, Нюрнберга, Аугсбурга, Данцига (Гданьска).

"Картографическая пропаганда" была весомой вещью во времена, когда непосредственно "большой мир" мало кто видел, а вот представление хотел бы иметь (хотя и сейчас не слишком много изменилось ...). Тем более, для тех людей, которые в те времена практически занимались "геополитикой". Как пишет

историк Ларри Вулф, "сами карты стали географическим каркасом для упорядочения других отраслей знаний, от естественной истории до истории национальной... География стала неотъемлемой частью тогдашней международной политики".

Такое политически важное направление "картографической пропаганды" будет целенаправленно развиваться в России только со времен Петра I. Его масштабные проекты географического исследования России предусматривали создание усилиями Санкт-Петербургской императорской академии наук "Атласа Российского", который бы стал проверенным источником информации для Запада. До этого Московия выглядела на картах как таинственная холодная страна на самом краю Европы и в Азии, ее принадлежность к европейскому или азиатскому миру была запутанной (вспомним ту же дилемму на портоланах). Христианская вера московитов вроде и относила их к Европе, но с античных времен известная граница Европы по Дону (Танаису) делила Московию по крайней мере пополам. Дипломат и путешественник Сигизмунд Герберштейн в сер. XVI в. считал, что если провести линию от Танаиса, то Московия окажется в Азии. Это заставляло вспоминать аналогичную ситуацию с "Сарматией европейской" и "Сарматией азиатской", поскольку граница Европы составляла для европейцев определенную самодостаточно значимую, символическую вещь в определении того, что мы бы сегодня назвали "цивилизационной принадлежностью".

Аналогичная мысль присутствует и на карте, созданной в Литве беглецом из Москвы воеводой и окольным Иваном Ляцким и художником Антонием Видом (1542): "Московия, она же Альба (Белая) Руссия, не является частью Европейской Сарматии. Но принадлежит Великой Азии или Скифии..." В амстердамском атласе Яна Блау 1665 московиты изображены на карте Азии среди миниатюр азиатских народов.

Взялся за эту границу с Азией тот же Петр во время Азовских походов 1695-1696 гг. Успех этих войн должен был быть прорекламирован соответствующими "декларативными" картами. Такую, в частности, изготовили в 1699 г. иностранцы на московской службе генерал-айор Менгден и фельдмаршал Брюс, а гравировал ее голландец Ян Тессинг. Эта карта была издана на русском и латинском языках, содержала льстивый картуш и портрет московского монарха. По мнению украинского историка картографии Р.Соссы, на ней едва ли не впервые Украина обозначена как "Малая Руссия" (*Pars Russiae Minoris*), - в пределах Приднепровья и без тогдашнего польско-русского разделения по Днепру (**рис. 15**). Подобное произведение 1701 г. создал и другой голландец Адриан Схонебек. Вероятно, что "Малая Руссия" вообще как название на карте происходит именно из русской картографической продукции петровской эпохи, - по крайней мере на западноевропейских картах ранее этот срок не употребляли.

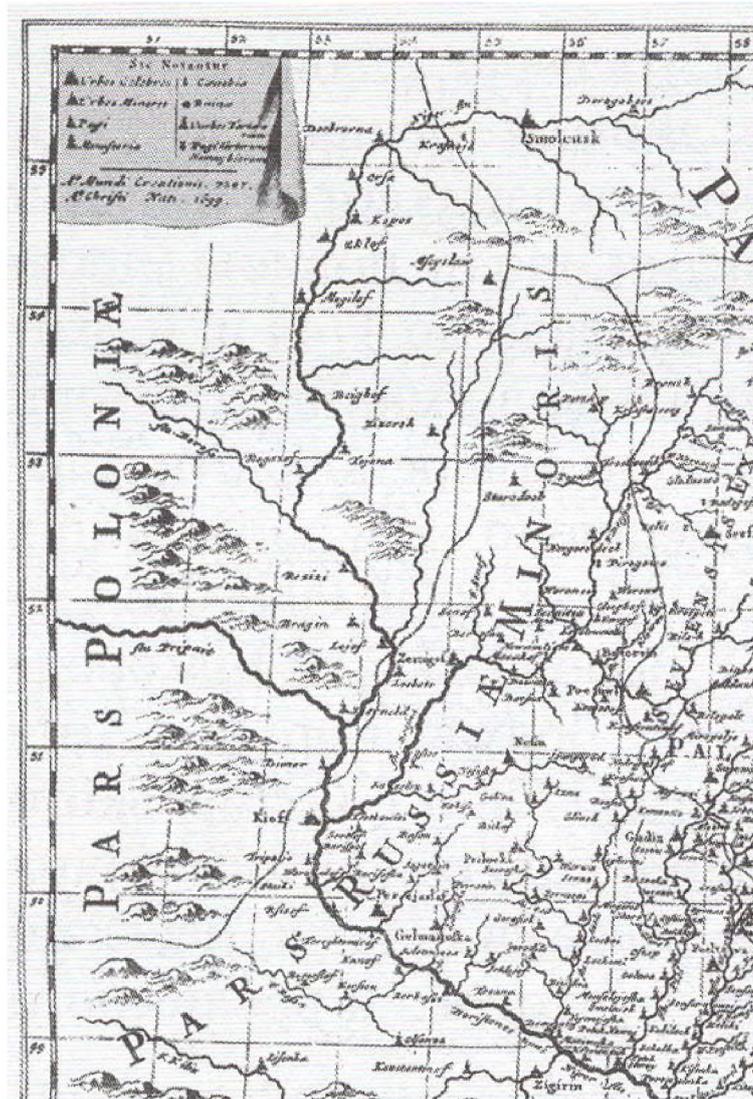

Рис. 15. Фрагмент «Карты России» Якова Брюса, Амстердам, 1699.

Впрочем, одновременно начальная зависимость петровской русской картографии от западноевропейских образцов сказалась на том, что на рубеже XVII -XVIII вв. впервые (но крайне ненадолго - разве что один раз) на российскую карту попадает "Украина Козацкая Страна". Сосуществуют на этой карте и "Царство Московское или Российское", и "Россия Черная" в Галичине и Холмщине. Появление здесь «Украины» продиктовано тем, что эта карта была переводом французской карты Гийома Сансона, которая продолжала традиции Боплана. В дальнейшем же "Украина" на российской продукции уже не появится снова, замененная на «Малороссию» официально приемлемую для государства, которое лишь недавно начало официально называться "Россия".

Конечно, термин "Малая Русь", который в XVII -XVIII вв. трансформировался в "Малороссию", нам известен издавна - с XIV в. (эпизод, связанный с образованием Галицкой митрополии параллельно с пребыванием в Москве киевского митрополита). Однако какое-то географическое и политико-правовое содержания "Малороссия" приобрела лишь в контексте отношений украинских гетманов и церковных иерархов с московскими учреждениями после 1654 г. Использовалось это название как синоним земель Войска Запорожского (Гетманщины) и Украины - Приднепровья в официальной переписке, и отсутствовало в повседневной потребности. Последнее не случайно, ведь и само слово "Россия" было торжественным эллинизированными (греческим) синонимом "Руси" (или широкого ареала русского православия) и было, соответственно, распространенным в кругах церковной учености. До второй половины XVII в. оно, по сути, не относилось к землям Московского государства, и поэтому мы не найдем какой-то ошибки в приветствиях спудеев Киевского коллегиума Богдану Хмельницкому в 1648 г.: "С тобой, Богдане, Россия на ноги встала". В стихотворении подразумевались Русь-Приднепровье и ее сакральный центр Киев, а не Московия.

Однако впоследствии, в 1660-1670-х гг. распространяются в источниках "малороссийские люди", "малороссийские города", "малороссийские гетманы". Отметим, что сами «малороссийские гетманы» не слишком торопились употреблять этот термин. Например, в инструкциях украинскому посольству в Москву от канцелярии гетмана И. Самойловича в 1685 г. так писалось о Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах: «В тех трех воеводствах и Украина вся, и Войско Запорожское заключаетца» (цитирую русский сохранившийся перевод по Т.Таировой-Яковлевой).

Какого-то пренебрежительного значения (как по представлениям украинского национального движения XIX-XX вв.) «Малороссия» тогда, конечно, не несла. Удобной она была очевидно для московской администрации, потому что более привычное для них название украинских казаков "черкасы" оказалась слишком узким. Картографическим примером терминологии также может быть название "Чертежа украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма" (1670-1671?), который служил дорожником (от города к городу, с расстояниями) для тех, кто двигался наиболее популярным маршрутом московского войска времен Украинской Руины.

Да и название соответствующего административного учреждения по сношениям с Гетманщиной (Малороссийский приказ, который действовал в 1662-1722 г., до образования Петром I первой Малороссийской коллегии) задавало терминологию. И понятно, что в европейскую географию и картографию топоним «Малороссия» попадал эпизодически и только через римейки российских карт XVIII - нач. XIX в.; закрепится он там впоследствии уже в переводе (именно как "Малая Россия" : *Petite Russie, Kleine Russland, Little Russia*), а не как транслитерация с русского ("Malorossia"). Это произойдет гораздо позже, чем сама "Россия" окончательно заменит "Московию" – в XIX ст.

Поэтому для историка картографии существует существенная проблема: как переводить одно и то же слово во французском, немецком и английском языке, обозначающее и Русь, и Россию-Московию (в смысле российского государства / империи)? Поскольку это оставляет много пространства для произвольных толкований или выдавания авторских гипотез за действительность, то мы стараемся в XVII-XVIII вв. просто подавать транслитерацию (Русия, Руссия), а затем исходить из номенклатурного контекста карты: если на ней существует в какой-то форме "Московия" параллельно с "Руссия", то "Руссия" мы интерпретируем как "Русь", без обязательной привязки к Московскому государству. Если же "Московия" исчезает, и остается только "Руссия" с привязкой к Российской империи, то мы переводим как "Россия" и, соответственно, у нас появляется "Малороссия", а не "Малая Русь". Другие поводы для различения названий нам предоставляет только наличие одновременно название "Рутения", за редкими исключениями никогда не относилось к Московии.

2.2. Северная война и XVIII век

В начале XVIII в. ведущими событиями европейской жизни стали две войны: на западе за Испанское наследство (1701-1714) и на востоке - Великая Северная (1700-1721). Вторая для украинской истории имеет трагическое значение, перечеркнув попытку Ивана Мазепы восстановить самостоятельность Гетманщины. Конечно, выступление его был вынужденным рискованным шагом, но это была одна из тех ситуаций исторического выбора, сама идея которого потом живет гораздо дольше участников события. Война была, как мы знаем, "Северной", посвященной господству на Балтике, но военная неудача привела войска молодого амбициозного шведского короля Карла XII на украинские земли. Гетмана Мазепу это поставило перед трудным неожиданным выбором - сохранить лояльность к не менее амбициозному, лично симпатизирующего гетману, но очевидного могильщика украинских вольностей Петра, или отправиться с единомышленниками в лагерь шведов, ища возможной внешнеполитической альтернативы. Хотя признаемся, что союз со шведами не был чем-то новым в украинской внешнеполитической практике: Хмельницкий после разочарования в Москве также смотрел преимущественно на Балтику. Дальнейшая печальная история скитаний "мазепинцев" нам известна: Полтава, Переволочна, Бендеры, смерть Мазепы, неудачные попытки реванша Филиппа Орлика.

Для европейских картографов Северная война была одним из удачных бизнес-проектов. Масштабный континентальный конфликт, продолжавшийся два десятилетия, за которым удобно было следить, имея перед глазами театр военных действий. Как справедливо писал вскоре, в 1730 г. шведский географ Штраленберг, "хотя большинство искусств во время войны приходит в упадок, география развивается и совершенствуется". Не знаем, были ли склонны тогдашние поклонники политических новостей передвигать флажки по карте,

обозначая движения "фронтов", но карты Прибалтики после 1700 начали пользоваться большим спросом.

В 1702 г. амстердамский гравер Даниэль де ля Фэй (1640-1709) издал "Атлас карманный театра войны в Европе", в котором использовал вариант карты француза А. Феротея де ля Круа (1640-1715) "Польское королевство с его границами", созданную до 1693 г. На ней изображено 12 щитов с гербами воеводств и территорий, входивших в Речь Посполитую; среди них (возможно впервые на карте) присутствует и герб Украины (на щите - *Ukrine*, на карте - *Ukraine*) со стоящим галицким львом, а на самой карте указано "Украина или земля казаков". Сама надпись проходит вдоль Волыни, Киевщины и Подолья. Галичина и Берестейщина очерчены как "Черная Русь", отдельно от "Украины", хотя последняя, как мы могли заметить, имеет явно галицкую символику. Это пока единственный известный на карте геральдическая связь между Надднепрянщиной и Галичиной (рис. 16).

Рис. 16. «Польское королевство с его границами» Феротея де ля Круа – Даниэля де ля Фей, 1702

А после 1708 г., когда популярный в Европе Карл XII отправился в экзотические казацкие земли, пришлось быстренько снова вспомнить творчество Гийома Левассера де Боплана и показать заинтересованным политикам и гражданам, какими ресурсами владеет или на которые претендует союзник Карла "князь Мазепа" (гетман с 1707 г. носил титул князя Священной римской империи), - а именно Украину. А ситуация в тех краях была запутанной: несмотря

полтавскую победу, Петр столкнулся со вступлением в конфликт Османской империи, отбыл неудачный Прутский поход и потерял тот же Азов, находившийся на границе Европы и Азии.

Вполне "обыденная" прибалтийская война превратилась в ряд экзотических экспедиций по границам исламского Востока. Заинтересованная публика нуждалась в карте театра военных действий, чем, собственно, и стала "Украина или казацкая земля с прилегающими провинциями Валахии, Молдавии и Малой Татарии" (1712) нюрнбергского картографа Иоганна Баптиста Гоманна (1664-1724) (**рис. 17**). Гоманн - основатель немецкой школы издания атласов (эта карта была помещенной у его атласе) - пытался следить за внедрением на картах актуальных политических и военных реалий, изменений границ и международной ситуации. Человеком он был уважаемым, и вскоре, в 1715 был назначен Географом Императора Священной Римской империи .

Поэтому на положенной за основу карте Боплана (она была "первоисточником" большинства французских и центральноевропейских карт украинских земель того времени) вынесены на картуш гетман Мазепа и его сторонники, обозначено место Полтавской битвы. Однако для нас, кроме этой актуализации для западных европейцев событий борьбы за Украину, важна еще констатация на картуше: "Украина - земля [страна] казаков", вновь поднимало это название с регионального на уровень страны-государства.

Рис. 17. «Украина или казацкая земля с прилегающими провинциями Валахии, Молдавии и Малой Татари» Иоганна Гоманна, Нюрнберг, 1712

На карте Гоманна мы видим через полсотни лет после Боплана, что в результате длительной борьбы казацких гетманов между Варшавой и Москвой, несмотря на раздел по Днепру между двумя внешними силами, Украина "выводилась" на карте из "польских" цветов, но при этом и не закрашивалась в "московские". Мы видим на карте Гоманна "Украину", которая среди карт той эпохи максимально приближена к своим этническим границам - от Слобожанщины до Перемышля. Почему "образ Украины" Боплана был Гоманном расширенным (в частности на запад до Карпат) - трудно сказать, ведь он явно не имел карт украинских этнических земель, которые появятся только в XIX в. Возможно, что он здесь просто показал прежнюю «Польскую Русь».

Также Гоманн явно старался показать именно широкий "театр военных действий", ведь у него по сути - это карта юго-восточной Европы и Причерноморья; кроме Украины показаны не только упомянутые в картуши Молдавия, Валахия и Малая Татария (Крымские владения), но и Трансильвания, Болгария, Стамбул, черноморское побережье Кавказа, а со стороны Московии - Смоленщина, Рязанщина и соответствующая часть Дикого Поля. Понятно, что стратегические выходы Карла и Петра могли занести "фронт" уже не совсем "Северной" войны в другие неизведанные земли.

Поскольку на карте административные образования выделены цветом, интересным представляется один цвет на всю Украину от "Покутья" до "татарского пути на Москву", несмотря на существующие польские воеводства западнее Днепра и польско-московскую границу по Днепру. Врядли Гоманна поразило то, что Мазепа в 1704-1706 гг. распространил свое гетманство на оба берега Днепра и дошел войском до Замостья, ведь все равно, - до Перемышля власть его булавы де-юре явно не распространялась. Польша на этой карте явно игнорируется. А привычное отличие Украины-Приднепровья от Руси-Прикарпатья преодолевается простым образом: надписи "Червонная Русь" и "Украина" проведены параллельно через все желтое "украинское пространство". Правда, в последнем "компромиссе" Гоманн не является одиноким изобретателем: в 1714 г. на карте в атласе лейденского издателя Питера ван дер Аа (1659-1733), которая является другой версией Боплана, на картуше указано: "Украина, земля Червонной Руси". Затем этот вариант названия Украины будет неоднократно повторяться на западных картах.

После этого карта Гоманна переиздавалась его предприятием и другими (в частности еще одним нюрнбержцем Кристофом Вайгелем в 1719 г.); последняя вспышка интереса к ней приходится на времена российско-турецкого конфликта 1730-х гг. Интересно также определение Украины на карте королевства Польского французского картографа Жана Батиста Нулена (1742). На ней мы видим три Руси. Одна - "Русь польская или червоная" (совр. Украина), вторая - юго-восточная Беларусь (остальная Беларусь - "Литва"), третья - "Московия или Великая Русь". "Украина" на карте - это Подолье и Приднепровье. Фигурирует прилагательное "Малая" (*Petite*), но непонятно, к чему оно относится, ведь "Малая Польша" уже показана в районе Кракова и Люблина, вероятно - это Малая Русь. Обширный поземельный комментарий к карте объясняет принятые названия:

«Русь Польская, которая также называется Малая Русь, делится на Русь Литовскую и Русь Червонную. Далее мы говорим (уточняем), что Русь Литовская принадлежит государству Литовскому.

Русь Червонная является частью государства Польского и делится на Русь отдельную (*Russie particuliere*) и Украину (*Ukraine*).

Русь Отдельная - это воеводства (*palatinates*) Хелма, Бэлза и Руси.

Украина - это земли казаков, охватывающие провинции Волынь и Подолье или казаков польских, казаков московских и казаков турецких.

Провинция Волынь, которая делится на Верхнюю и Нижнюю Волынь, содержит воеводства Луцкое и Киевское; с добавкой большей части, относящейся к москвитам.

Провинция Подолье, которая делится на Верхнее и Нижнее Подолье, содержит воеводства Каменецкое и Брацлавское; с добавкой большей части Каменца у турок с 1672».

Политическая "гибкость" уже английского картографа Германа Моля в назывании территорий и государств забавно проявилась в роскошном "Новом и полном атласе" (Лондон, 1719), где почти каждая карта посвящена какому-нибудь

почитаемому властителю - от английской королевы Анны и герцога Мальборо до русского царя Петра I. Обычная карта называется традиционно: "Московия в Европе". На ней "Russia", как было привычным для североевропейской картографии, расположена у Белого моря. А вот в том же издании на карте Московии, посвященной "Петру Алексеевичу", название страны меняется: "Россия или Московия". И появляется на территории Гетманщины не менее интересная несколько запутанная надпись, наводящая на меланхоличные размышления: "Земли старой Украины" или "Земли бывших казаков" - смотря как читать ...

К середине XVIII в., после решения «украинского вопроса» Полтавой, казалось, что карты Украины, основанные на Боплане, подзабылись и вышли из оборота картографических служб и редакций. Наши края снова оказались вдали от пристального внимания, и на 1770-е гг. вроде «потеряли» свои географические подробности. Украину в каком-то смысле можно было открывать заново.

Впрочем, все же не будем уже так быстро прятать карту Украины упрямого Гийома Левассера. Она попала еще в парижский "Универсальный атлас" отца и сына Робера де Вогонди (1757). Но здесь мы можем проследить очевидный "польский след", ведь Робер-сын был воспитанником и сотрудником Нансийской академии. Последнюю содержал бывший польский король, сторонник Просвещения (и, вспомним, в свое время - корреспондент Ивана Мазепы) Станислав Лещинский (правил в 1704-1709, 1733-1734 гг.), в бытность свою герцогом Лотарингским (1738-1766). Поэтому картографические сюжеты, связанные с Речью Посполитой, имели определенные приоритеты. Ведь "Украина" была картографическим нюансом к картам именно Польши, поскольку в России писали «Малороссия». У Вогонди она находится на польском правобережье Днепра. Если же мы возьмем более широкие горизонты или большую перспективу - например карту Европы, - то у Вогонди мы увидим лишь границу Польши и Европейской России по Днепру. Поэтому к концу XVIII в. в условиях "сокращения" и исчезновения самой Польши "украинским сюжет" упал на уровень ниже нее в рейтинге вероятных политико-картографических проблем. Польша стала "бывшим государством", но осталась "страной"; Украина же в силу гораздо меньшей, или же отсутствующей политической актуальности себя как название на карте начала откровенно "мигать", упоминаясь все реже.

От доброй воли картографов и, вернее, тех учреждений, на которые они работали, зависело, оставлять на карте Польшу после ее окончательного раздела 1795 г. или нет. Ведь если брать уже привычное с сер. XVI в. наличие на картах государственных и административных границ, было очевидным право выбора: обозначать только государства (тогда уже не существует ни Польши, ни тем более Украины как административных единиц), или же обращать внимание еще на "страны" и "народы". Что касается последних, то в раннемодерное время "народы" остались вне Европы, поскольку варварский безгосударственный мир стремительно удалялся на периферию - Новый Свет, Африку, отдаленную Азию, Океанию. "Народы" отождествлялось с варварскими безгосударственными

племенами, которых здесь уже не осталось. Европа была континентом государственных наций. В Европе, чтобы попасть на карту в качестве "не государства", надо было составлять собой определенную эксклюзивную сообщество - вроде украинских казаков, которые достаточно долго именно как "казаки продержались на картах Восточной Европы в XVIII в. Но поскольку этнографические карты принесет с собой только "национализированная" середина XIX в., то "полякам без Польского королевства" легитимное место найти было трудно. Поляки на карты не попадут до появления этнографических, а вот сама Польша на западноевропейских картах упорно останется: как отдельный объект, хотя и де-юре и неактуальный. Надо было каким-то образом изображать на карте Польшу как страну, а не государство. За исключением, конечно, карт тех, кто ее разделил - России, Австрии и Пруссии.

По тайному соглашению 1797 государства-участники третьего раздела установили, что название Польши должно "исчезнуть раз и навсегда". Что-то в этой формулировке напоминает слова уже покойной Екатерины Второй по другому поводу: "Дабы само имя гетманов было забытым". То, что Польша, по словам знаменитого американца Томаса Джефферсона, стала "страной, стертой с карты мира через раздор ее граждан", породило очевидный прецедент: достаточно ли "стереть с карты" для того, чтобы сам "вопрос" был снят? И является ли присутствие на карте необходимым признаком существования народа и страны?

* * *

Итак, подытоживая путешествие Украине картами XVII-XVIII вв., мы можем говорить о том, что после внедрения ее названия в европейскую географию Бопланом, она на длительный срок закрепляется в сознании западных европейцев как "страна казаков". Казаки считались своеобразной частью "русского народа". Можно было чаще встретить узкую локализацию Украины - в Приднепровье и на Подолье, или широкую - когда так подписывали все русские воеводства короны Польской (но с параллельным названием "Червоная Русь"). В процессе событий Хмельниччины, Руины, многочисленных антитурецких кампаний, событий Северной войны Украина стала привычным географическим объектом на карте Европы, несмотря на то, что ей не удалось упрочить свой суверенитет, и она была разделена по Днепру между Польшей и Московией. Иногда ее обозначали отдельным цветом фактически в этнических границах украинства, избегая российских или польских цветов.

До середины XVIII века ощущалось довольно четкое различие Украины и Московии, но после Полтавы, с развертыванием внешней экспансии Санкт-Петербурга на запад и юг значение Гетманщины в европейской политике сходит на нет. Интерес к Украине время от времени просыпается во время русско-турецких войн XVIII в., но развитие российской картографической индустрии и распространение в западной литературе официального названия России внедряют в картографическое обращение топоним «Малороссия» (для Левобережья), констатирующий окончательное вхождение казацкой Украины в Российское

государство. Последнее на протяжении XVIII в. перестает на Западе называться Московской. Однако топоним «Украина» сохраняется на европейских картах, занимая Надднепрянщину или, на картах Польши, – Правобережье.

С разделами Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией и возникновением как наиболее актуального в Восточной Европе "польского вопроса" какие-то украинские сюжеты в картографии приобретают лишь эпизодический, маргинальный характер на последующие сто лет. Постепенное исчезновение с карты обозначило переходный этап от времен казацкой самобытности к формулировке на новых основаниях современного украинского национального проекта.

Глава 3

ОТ МАЛОРОССИИ ДО УКРАИНЫ

3.1. Тенденции развития картографии в первой половине XIX в. Этнографические карты.

XIX век как некий целостный "исторический", а уж тем более картографический образ Украины для нас представляется очевидно "длинным" - 1795-1914 гг. В 1795 г. состоялся третий раздел Речи Посполитой, который свел количество "владельцев" украинских земель к двум - Российской и Австрийской империй. Большая часть северного Причерноморья с 1790-х гг. принадлежала России, а присоединение к ней в 1812 г. Бессарабии окончательно показало упадок османских влияний. Войны Австрии и России с наполеоновской Францией лишь эпизодически затрагивали Украину - в смысле преходящих незначительных изменений австрийско-российской границы или так и несбывшихся планов французских стратегов по расчленению западных владений России. В дальнейшем в течение сотни лет в Восточной Европе отсутствовали столь масштабные военные конфликты, которые могли бы заметно изменить политическую карту региона. Основной интерес России был направлен на Балканы и Ближний Восток; проигранная Крымская война с морскими державами обошлась для Петербурга потерями незначительными и временными; Россия, Австрия (с 1867 - Австро-Венгрия) и Пруссия (с 1871 - Германская империя) до поры были прочно связаны друг с другом соучастием в контроле польских проблем. Польские восстания 1830-1831 и 1863 были подавлены, засвидетельствовав исходную недостаточность сил поляков. Ожидания, что на этом пространстве мижимперской стабильности всколыхнется какой-то новый "вопрос", казались по крайней мере наивными.

Впрочем, подобные прецеденты "неясности" по вопросу "народ - страна - государство" случались не только с Украиной и украинцами или Польшей и поляками: например, в амстердамском "Историческом атласе" Шателена и Гудвилла 1720 г. второй составитель с удивлением отмечал по поводу Богемии (Чехии), части Священной римской империи: "Хотя эту страну и изображают на всех картах Германии, хотя она входит в состав империи, однако остается самостоятельным государством. Ее законы и обычаи отличаются от немецких, даже язык ее другой...". Критерии "заслуги находиться на карте" страной или государством были еще размыты и диктовались видением политического пространства феодально-династической эпохи. На вопрос, почему на карте Германской империи должна быть отдельной славянская Чехия - Богемия, ответит

уже XIX век, - по крайней мере в лице языковеда и этнографа Павла-Йозефа Шафарика, но об этом - ниже.

В течение первой половины XIX в. можно было наблюдать, как народы начинают попадать на общеобязательные географические и этнографические карты. Украинцы должны были вот-вот появиться, - вот только неясно, под каким названием (по крайней мере точно не как "украинцы", потому что такого их общепринятого названия еще не существовало за пределами Слободской Украины и Левобережья). Ведь в начале века представления западных европейцев о народах востока континента были весьма причудливыми: считалось, что на западной Украине проживают поляки, а в Закарпатье - некие "мадяро-славяне". Что касается Украины, то она по крайней мере существовала как историческое явление (на исторических картах о XVII-XVIII вв.) и как региональное название Среднего Поднепровья.

Приведем довольно качественный пример. Весомым источником по развитию изображения украинской исторической, этнической и политической топонимики в Западной Европе XIX в. является французский "Универсальный атлас физический, исторический и политический Дюфура" (Париж, 1860, карты 1854-1860 гг.) (рис.18). На географической карте "Современная Европа. 1855" мы видим одновременно Украину и Малороссию (*Petite Russie*). Украина - на обоих берегах Среднего Днепра, Малороссия - от Чернигова до Слобожанщины; однако находятся они в одном контуре - пространстве, который охватывает Киевскую, Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую губернии (границы самих губерний на этой карте не показаны).

Рис. 18. Фрагмент карты «Современная Европа» из атласа Дюфура, 1855, Париж

Аналогичное выделение контуром касается этнической Польши, полосы западного региона Российской империи (от Прибалтики до Подолья) и полосы южного (от Прута вдоль Черного моря), Севера и Поволжья. Здесь мы можем наблюдать становление французского, немецкого и английского (и производного от него американского) районирования Европейской России, которое воцарится именно с середины XIX в.: Великая Россия, Малороссия, Западная Россия, Польша, Казань (Поволжье), Южная Россия (Северное Причерноморье и Предкавказье) (**рис. 19**). Примечательно, что в случае Малороссии это не совпадало с собственным российским районированием. В России Малороссией считали лишь территорию Малороссийского генерал-губернаторства 1802-1856: Черниговская и Полтавская губернии, а с 1835 еще и Харьковская (до того - Слободско-Украинская).

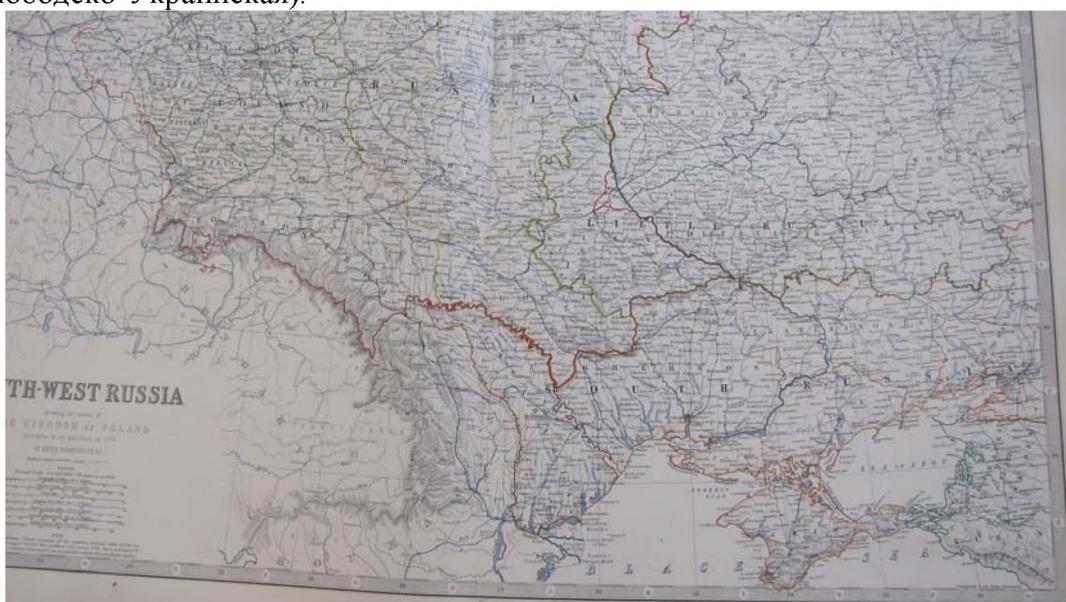

Рис. 19. «Юго-западная Россия» из британского «Королевского атласа современной географии» Кита Джонсона, 1886, Лондон.

Расположенная на Правобережье Киевская губерния была составной Киевского генерал-губернаторства или Юго-Западного края (южной части Западного края - российской части бывшей Речи Посполитой) в составе губерний Киевской, Волынской и Подольской. Термин "Новая Россия", что характерно, мигает только на картах времен русско-турецких войн в эпоху Екатерины II или тех поздних (исторических), которые показывают эти времена), при том очень узко - фактически бывшие земли Вольностей Войска Запорожского (с 1775) и добытое по Кючук-Кайнарджийскому трактату 1774 г. междуречье Днестра и Буга. В дальнейшем будут писать "Южная Россия", которая будет включать в себя земли южнее Киева и Харькова от Бессарабии до Предкавказья.

На карте "Западной [европейской] России" в атласе Дюфура упомянутое районирование в дальнейшем повторяется уже с границами губерний. Через подросийскую Люблинщину и подавстрийскую Галичину написано "Червоная Русь". В Гродненщине и Пинщине - "Черная Русь". Восточная Беларусь - "Белая". Понятно, что во французском языке (равно как в немецком и английском) «Русь» и «Россия» пишутся одинаково. Есть также и этнонимы, показывающие начальные влияния тогдашней этнографии (далее политико-административную и этнографическую информацию будут пытаться развести по разным тематическим картам). В Беларуси существуют "Северные русские". Это кажется странным, но зато на самом севере России видим этноним "новгородцы". Есть, конечно, и "великороссы" (*Grande Russiens*) - в Центральной России. На карте средиземноморского бассейна мы увидим еще более интересную "этнографическую вставку": "русские южные" (точнее - "русские на юге"); надпись начинается аккуратно в украинском Закарпатье, идет через Галичину и достигает Слобожанщины, т.е. более или менее охватывает ареал украинцев. Есть еще на Кубани "Черноморские казаки". И находим мы наконец "готовым" упомянутое выше районирования на полной самой общей карте "Россия европейская и азиатская". Вскоре на французских картах появятся малороссы (*Petite Russiens*), но тут у нас появилась еще только Малороссия и "русские на юге".

Наличие "новгородцев" вероятно свидетельствует о влиянии результатов исследований выдающегося лингвиста и этнографа Павла-Йозефа Шафарика (1795-1861), которые обобщены на его карте 1842 г. "Славянские земли" (рис. 20). На ней, по мнению известного украинского исследователя истории картографии Р. Соссы, впервые выделены среди славянских народов "малороссы", которые показаны как отдельный народ с собственным этническим ареалом, который весьма достоверно совпадает с украинским этноязыковым пространством на первую треть XIX в.

Большой авторитет П. Шафарика привел к тому, что его этнографическая карта славянства довольно быстро была интегрирована в западноевропейские справочные и учебные карты и атласы - сначала немецкие, а впоследствии французские и т.д. В частности, точно по Шафарику показаны славяне на этнографической карте Европы в немецком учебном атласе Бергхауза известного готского картографического издательства Юстуса Пертеса в 1847 г.

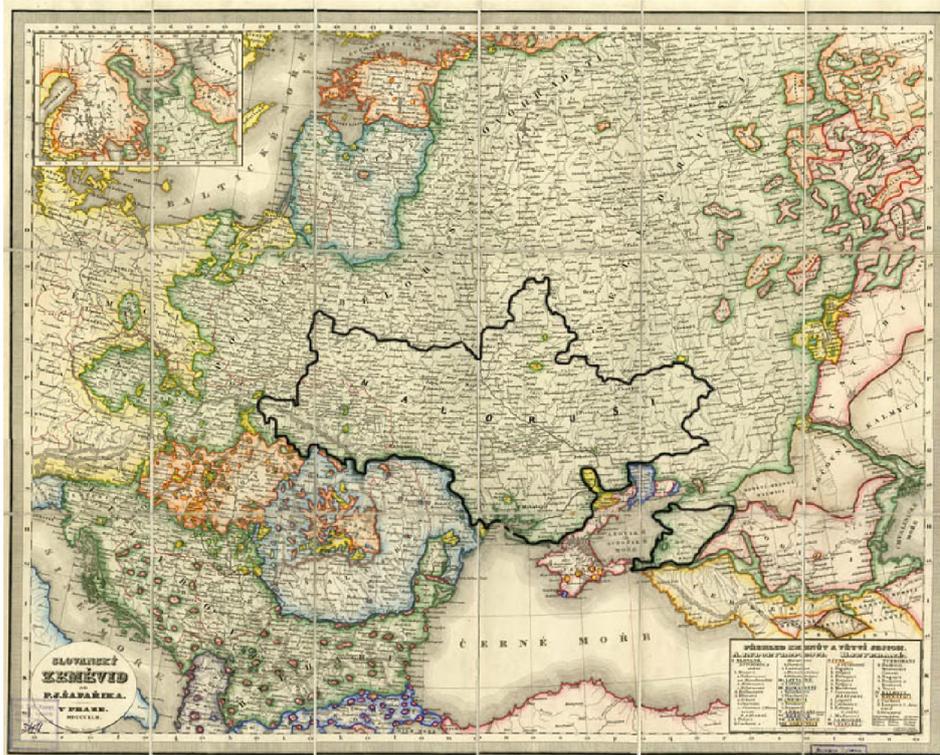

Рис. 20. Карта «Славянские земли» Павла Шафарика, 1842, Прага. Виделены малорусы.

Отметим, что с Готой также связана деятельность выдающегося немецкого географа Адольфа Штилера (1775-1863), автора весьма популярного немецкоязычного учебного атласа, который неоднократно переиздавался, дополнялся и стал основой для многих западноевропейских и русских учебных атласов. В частности на Штилера опирались тартуские составители первого эстонского атласа (рис. 21); и выдающийся русский географ Э.Петри в методологическом предисловии к своему популярному учебному атласу (1914) отмечает: "В целом мы отдали безусловное преимущество перед другими крупными атласами чертежам знаменитого картографического заведения Юстуса Пертеса в Готе, поскольку они воплощены в новом издании большого атласа Stieler'a (Штилера)". Но в российских вариантах Украина это на карте, конечно, не появлялась. Однако малороссы были показаны на этнографической карте.

Рис. 21. Украина в первом эстонском атласе, 1859, Тарту

Российские этнографические карты, как мы покажем ниже, на тот момент еще не выделяли отдельные "племена русского народа", считая и малороссов, и белорусов просто русскими.

Если перед этим, как и в атласе Дюфура, картографы пытались уместить на одной обще-географической карте максимальный объем разнообразной информации, то во второй половине XIX в. общий принцип представления картографической информации о Европе уже опирается на определенный необходимый минимум трех "специальных" или "тематических" карт: карты физической, политической и этнографической. На последнюю малороссы попадают довольно быстро и на ней остаются; на физической - имеется известное нам физическое пространство современной Украины; на политической - те государства, которые владели в конкретное время этим пространством. Но очевидно, что для будущих перспектив Украины как "страны" (не говоря уже о "государстве") главное значение имела карта этнографическая: для нас ареал малороссов сегодня является простым очевидным повторением контуров "страны Украина", для образованных же людей первой половины XIX в. эта связь еще была не слишком ощутимой, или недоказуемой, или по крайней мере обратной (название местности определяет название населения). "Украина" имела тогда определенно меньшее "пространство". "Расширение" Украины происходило вследствие формирования идеи об украинской нации, которая содержит и подрусийской малороссов, и подавстрийских русинов. Во всяком случае последовательная логическая цепочка в XIX в. начиналась от определения этнического ареала народа, исторически сориентированная академическая

"проработка" которого через дальнейшее идеологическое, политизированное понимание и должна была дать нам потом на выходе "страну", претендующую на статус "государства". Эта схема не является чем-то оригинальным в истории национального движения безгосударственных восточноевропейских народов. Точнее – она стандартна.

Для дальнейшего обоснования «политических» претензий было необходимо, чтобы этот этноязыковой ареал стал восприниматься как установившийся в тогдашней науке и образовании и появился такое украинофильское движение, которое было бы в этом заинтересовано.

Что касается последнего, то мы не будем здесь слишком подробно обращаться к истории современного украинского национального движения, о чем написано уже немало. Представим лишь краткую ретроспективу основных тенденций в украинской самоназвании. А потом опишем процесс формирования и уточнения этнического ареала украинцев географами, картографами, этнографами и статистиками XIX в.

Как справедливо отмечает историк В.Маслийчук, "сами понятия "Малороссия", "Россия", "Украина" не имело длительное время ни историко-политической, ни географической определенности, только определенным центром Малороссии всегда считали территорию бывшего гетманского государства. Название "Украина", распространенное в казацких летописях и фольклоре, воспринималось как "страна", "земля" , однако имела определенную окраску "окраины", пограничного края: как в Речи Посполитой (Польше) существовала "Украина" в понимании старых казацких вольностей на правом берегу Днепра, так и в Московском государстве (России), где "Украина" оказывалась большим пограничным регионом (включая слободские полки)". В своем анализе региональных названий Левобережья этот автор показывает интересный процесс миграции (даже определенные рокировки) названий "Украина" и "Малороссия" между бывшей Гетманщиной и Слобожанщиной. Некоторое время Слобожанщина лидировала в своей "украинскости", что было вызвано и в частности административным фактором - существованием Слободско-Украинской губернии до 1835 (после этого - Харьковской) и тем, что до времени Слобожанщина не входила в Малороссийское генерал-губернаторство, которое содержало только Гетманщину.

Для распространения западноевропейских идей романтизма и производных от них романтического национализма необходима была концентрация образованных людей, доступ западных интеллектуальных влияний. Таким центром стал Харьковский университет в 1804 г., который до открытия Киевского (1834) по существу сосредоточил в своих стенах лучшие интеллектуальные ресурсы "обеих Украин". Именно на это время приходится распространение изданий с названием "Украинский ...", а в исследованиях и сборниках фольклора прилагательное "малороссийский" (песни, думы и т.д.) постепенно заменяется на "украинский". Одним из лидеров нового течения был Измаил Срезневский, который указывал, что "язык украинский (или как угодно называть иначе: малороссийский) является

языком, а не наречием русским или польским". Происходит процесс приобретения понятием "Украина" иного, более, чем регионального содержания - исторической общности, Отечества, напоминающее представление украинской элиты времен Руины.

На 1840-е гг "Малороссия" вытесняет "Украину" в качестве регионального названия, а последняя взамен приобрела новое, широкое романтическое национальное звучание. Основные усилия здесь приложили (уже в Киеве) Михаил Максимович и кирилло-мефодиевские братчики - Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш и Тарас Шевченко.

Дальнейшее историческое и географическое определение Украины приходится на II пол. XIX в., когда в этом примут участие бывшие "братчики" уже в в петербургском журнале "Основа" (1861-1862), интеллигентские просветительские кружки Громады, и одновременно усилится украинское движение в подавстрийской Галичине. На конец XIX в. идеологическая украинскость начнет преодолевать архаические региональные идентичности Галицкой Руси и русинства. Этнографические, лингвистические и статистические исследования позволят сформулировать и визуально определить ту "Украину", которую мы знаем. Временное измерение ей предоставит "История Украины-Руси" Михаила Грушевского (с 1898), и на рубеже XIX-XX вв. современные академические временно-пространственные концепты или измерения Украины наконец "замкнутся" в единый континуум. Применение же этих достижений с политическими целями - оставалось делом для нового века.

3.2. Этнодемография, статистика и картография в Российской империи

Итак, как мы уже упоминали выше, по мере развития этнографических знаний в середине XIX в. предыдущие политико-административные или общегеографические карты начинают дополняться этнографическими. Это в результате позволило заново очертить те территории, которые были заселены украинцами и сформулировать в последней трети XIX в. понятие "украинские земли". Последние определенно выходили за пределы узко-региональной Малороссии и старых исторических представлений о "локальной Украине" на Приднепровье, став, как бы сказали сегодня, "украинской этноязыковой территорией". Но на основании чего создавались эти новые карты? Ведь представление о "национальности" или "племенах" только формулировались в науке. Чуть далее романтично национальных интересов и стараний по сбору фольклора надо было выработать критерии, как четко отличить малороссов-руссинов-украинцев от русских, поляков или белорусов.

С одной стороны в России официально считалось, что великороссы, малороссы и белорусы - лишь "племена русского народа", и в силу этого их различать вообще не особенно необходимо. А вот поляки из этого избранного православного восточнославянского круга заметно выпадали. Пространство же территориальных претензий сепаратистского польского движения часто

«посягало» на те сообщества, которые могли считаться Петербургом "исконно русскими людьми". Но это по крайней мере надо было кому-то доказать, поскольку сами эти "исконно русские" были неграмотными белорусскими и украинскими крестьянами – крепостными.

Сначала очевидным критерием, как отличить поляков от восточных славян, был конфессиональный признак, но довольно быстро стало ясно, что часть белорусов и малороссов - католики и или бывшие униаты (в Российской империи эта конфессия была окончательно запрещена Николаем I в 1839, а ее верующие обращены на православных). Не подходил этот критерий и для Галичины, где местные русины не были ни поляками, ни православными. Поэтому в середине XIX в. симпатии ученых все более склоняются к языковому критерию. Поэтому география у нас начинает все больше вступать в поле этнографии и языкознания.

Но какие собственно люди и учреждения должны были этим "критериеведением" заниматься? Если мы вспомним три представления XVIII в. о том, чем была география ("административная", "историческая" и "математическая"), то развертывание всех этих представлений требовало определенных структур и исполнителей. Ведь даже далекие от "исторического интереса" или физико-математических "обзрений" вроде определения длины меридиана, текущие потребности гражданской и военной администрации в огромной России нуждались в сборе и обновлении информации о собственных ресурсах и возможностях. Узкие функции и недостаточные интеллектуальные силы фискальных ведомств, министерства внутренних дел или Корпуса военных картографов нуждались в значительном академическом подкреплении, разработке соответствующей методологии исследований и корректного сбора и обработки информации. Такие, наряду с другими, задачи должно было выполнять Русское географическое общество, утвержденное Николаем I в 1845 (а с 1849 - "императорское").

Это сообщество ученых возникло благодаря инициативе наставника великого князя Константина Николаевича адмирала Федора Литке и двух ученых - Фердинанда Врангеля и Карла фон Бэра. Поддержали инициативу и министр просвещения граф С.Уваров (известный своей знаменитой "триадой" - "православие, самодержавие, народность"), и министр внутренних дел Л.Перовский. Общество было составной административного аппарата империи и должно было помогать в ее научном "пространственном самопознании" как империи и народа, оказывать международному академическому сообществу проверенную информацию о России. Правда, как это случается на политически скользких научных направлениях, деятельность Общества стала связанной с рядом идеологических споров на фоне именно этнографии .

На конец 1840-х гг. в рядах Общества образовалось две "фракции" - условно "немецкая" и "русская". Первая объединяла его основателей, ученых и офицеров немецкого происхождения, контролировала руководящие органы и общегеографическое направление работы. Она воспринимала деятельность Общества чисто академически, мало в чем иначе от прежней практики Академии

наук. Целью же этнографии, по их мнению, должно быть изучение огромных просторов и многочисленных подданных народов империи. Вторая, "русская" фракция объединяла молодых чиновников ("просвещенных бюрократов") во главе с братьями Милютиными, которые больше всего интересовались статистикой и этнографией с целью способствовать общественному преобразованию России. А для этого необходимо было не отправлять экспедиции в малоизвестные края Сибири (как бы это не было интересным для европейской географии вообще и адмиралу-немцу Литке лично), а изучать самое сердце России - ее собственную "народность". Поэтому камнем преткновения в Обществе стало именно "национальный вопрос", как его понимали в России на 1840-1850-е гг. Исследователь Натаниэль Найт пишет, что эта этнография "была прежде всего российской наукой, которая руководствовалась скорее борьбой за русскую самобытность, нежели стремлением брать участие в мировом научном диалоге".

С другой стороны активизация официальных этнографических исследований в европейской России с привлечением местных корреспондентов активизировала другие "национальные этнографии" - в частности финскую и, чуть позже, - украинскую. Вопрос языка, который употребляет "русская народность", был также одним из приоритетных, но в течение 1850-1860-х гг. собранные сведения еще трудно четко систематизировать. Впрочем, тем-не менее, это дало толчок развитию восточнославянской диалектологии, в которой очень быстро отыскивали свои места на карте такие старые "наречия" или "говоры" как "южно-русские" (украинские). Четко определит их пространство Юго-западный отдел Российского императорского географического общества после экспедиций и работ нашего земляка Павла Чубинского (которого еще вспомним ниже) .

Но вернемся к практической работе статистиков и картографов. В России сбором и обработкой этностатистических сведений в пределах всей империи одним из первых занялся выдающийся ученый, академик П.Кеппен. В 1851 г. им была опубликована первая в России карта этнического состава (по признаку "племенной принадлежности") населения Европейской части империи. В основу этой карты были положены материалы статистической VIII ревизии (1834 г., первая перепись населения в России состоится лишь в 1897 г.), а также административно-полицейских исчислений и церковного учета 40-х годов XIX в. Однако здесь приводились данные о численности и расселения русских, украинцев и белорусов, ареалы которых на карте так и остались незакрашенными . Поэтому мы могли бы вообще не вспоминать об этой работе, но П.Кеппен интенсивно собирал материалы о всех этих этносах, но он так и не успел использовать их в своих работах. Его данные попадут в последующие издания географического Общества. А принцип "не выделять племена" время от времени действовал и позднее, в частности в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» (том «Россия», 1898).

Вообще же у Кеппена действительно научных публикаций об этническом составе населения европейской России, включая и украинцев, - нет, хотя в архивах сохранились данные о численности и расселения тех же украинцев с

начала XVIII в. Они будут обработаны уже гораздо позже классиком советской и постсоветской этнодемографии В. Кабузаном. А в качестве примера поисковых экспериментов XIX в. можно назвать обстоятельную статью М. Лебединца "О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи". Здесь на основании церковно-приходских списков, составленных местным духовенством по инициативе П. Кеппена в 1857-1858 гг, сделана попытка определить национальный состав жителей так называемого Западного края (Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Киевской, Волынской и Подольской губерний). Автор приводит губернские и уездные цифры этнического состава населения. Однако, несмотря на всю ценность указанной работы, нельзя не признать, что М. Лебединец оказался не в состоянии критически осмыслить и обобщить сведения церковной статистики. В приходских списках священников в графе о национальности нередко указывались наименования давно исчезнувших племен: бужане, поляне, ятвяги, кривичи, чорнорусы, волыняне, тиверцы, даже уличи и хорваты! Автор лишь аккуратно подытожил и систематизировал результаты церковного исчисления 1857-1858 гг, не сделав критического анализа, и сохранил названия всех перечисленных экзотических племен. Такой анализ не был осуществлен и гораздо позже. Впрочем, данные, опубликованные Лебединцем, широко использовались в научной литературе на протяжении второй половины XIX в. Под влияние его сведений попали такие выдающиеся ученые, как П. Семенов-Тянь-Шанский, В. Обручев, Г. Эркерт и многие другие, хотя упоминания о восточнославянских племенах все же были ими сняты, а их "представителей" в конце все же отнесли к украинцам или белорусам.

Для выявления этнической структуры населения России в 40-60-х годах XIX в. немало было сделано офицерами Генерального штаба. Со времен Павла I, основавшего Картографическое Депо Генерального Штаба, картографирование в России было преимущественно функцией военных и подвергалось цензуре. Но сами масштабные усилия военных заслуживают искреннее уважение. В 1848-1858 гг. ими было выпущено 17-томное издание под общим названием "Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издано при I отделении Департамента Генерального штаба трудами офицеров Генерального штаба". В этом издании в статистических разделах представлены данные VIII-X ревизий, а также церковного и текущего административного учета по 1847-1848 гг., в значительной мере уточнены. Иначе говоря, в ходе составления обзоров сведения, почерпнутые из различных источников, как правило, проверялись и корректировались на местах. Наряду с другими, было собрано немало информации и о украинцах. В пореформенные годы в России был опубликован ряд работ по этнической демографии и статистике населения, в частности украинцев. Стоит остановиться на трудах Р.Экерта "Взгляд на историю и этнографию западных губерний России" (1864). Его работа примечательна тем, что автор придерживался сомнительной точки зрения на соотношение этнической и конфессиональной

принадлежности населения западных губерний России. Р.Эркерт считал, что все славянское католическое население там было польским по национальности. Он, правда, предполагал, что его утверждение применимо в большей степени к Правобережной Украине, чем к Белоруссии, где этническое самосознание белорусов и украинцев было выражено слабее. Все же автор допустил явную ошибку, поскольку язык, в конечном счете, оказалась гораздо более точным и четким этническим маркером для выделения украинцев, чем конфессиональная принадлежность.

Тогда же был опубликован "Атлас народонаселения Западно-русского края по вероисповеданиям" военного и этнографа Александра Риттиха (1863). В нем содержатся таблицы конфессионального и национального состава населения девяти западных губерний государства. Автор привлек широкий круг источников, использовал материалы церковного учета, административно-полицейских исчислений, труды П. Кеппена и "обзоры", составленные офицерами Генерального штаба.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что за период 40-50-х годов XIX в. был собран большой объем фундаментальных данных о численности и размещении среди остальных "русских племен" и малороссов, - но тут массив данных отчетливо преобладал над числом и возможностями исследователей для систематизации. Впрочем, для этноязыкового картографирования уже было достаточно оснований, что проявится в появлении соответствующих изданий.

В 60-70-е годы XIX в. наиболее плодотворным ученым, который занимался изучением этнического состава населения России, оставался А. Риттих. Он продолжил дело, успешно начатое, но не завершенное П. Кеппеном. По мнению ученого, "хотя религия и может служить разделением населения на племена, но она не может проводить окончательную разделительную черту и находится в тесной связи с говором народа, его обычаями, нравами, привычками и другими признаками этнографии". В 1875 г. А. Риттих опубликовал подробные поездные данные об этническом составе населения России (кроме Сибири и Средней Азии) по состоянию на 1867 г. Украинский этнос здесь указан особой графой. Как указывает В. Кабузан, в этом отношении работа А. Риттиха представляет особый интерес. В ней впервые в российской историографии содержатся довольно подробные данные о украинцах. Однако нельзя не отметить, что в исследовании содержится немало неточностей. Так, в Таврической губернии все украинцы отнесены к русским, хотя первые здесь тогда абсолютно преобладали. Эта ошибка, отметим со своей стороны, попадет в западные картографические издания и станет одним из поводов для сомнений относительно распространения украинцев южнее Днепра в степной Таврии и в Крыму. Она будет бродить и на картах периода 1919-1920 гг.

Тогда же, в 1875 г., А. Риттих опубликовал "Этнографическая карта Европейской России". Здесь впервые на этнографической карте российского производства выделены территории преимущественного размещения

великороссов , малороссов и белорусов (рис. 21). Эта карта стала классической этнографической картой Российской империи

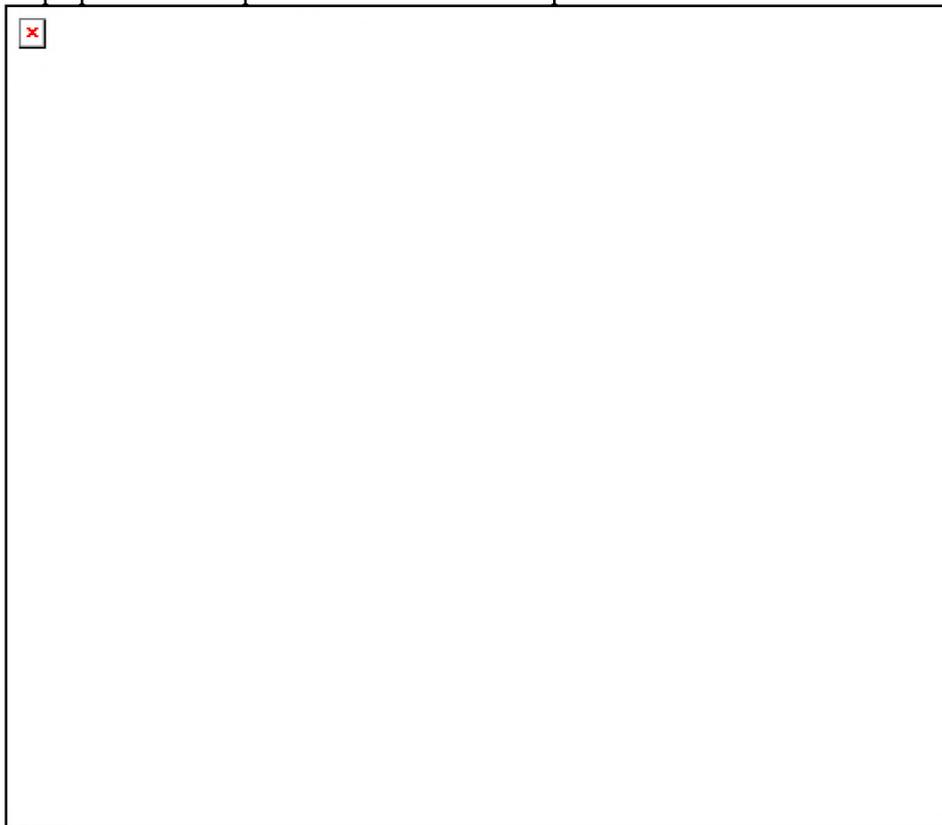

Рис. 21. Фрагмент «Этнографической карты Европейской России» Александра Ригтиха, СПб, 1875.

И теперь стоит еще остановиться на деятельности выдающегося украинского этнографа, автора национального гимна Павла Чубинского. Его самая известная работа в нашей области - "Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русском крае" (1872). Используя данные о вероисповедании и родном языке, Чубинский старался определить этническую структуру населения Правобережной Украины (Киевской, Волынской и Подольской губерний) на 1870г. Сведения Чубинского о евреях, немцах, русских, молдаванах и чехах не вызывают сколько-нибудь серьезных возражений. Однако основное внимание в его работе уделено доминирующему в регионе этносу - украинцам, в определении числа которых возник ряд спорных и не до конца решенных вопросов. Чубинский утверждал, что большая часть «русскоязычного» католического населения там может быть отнесена к украинцам, поскольку даже перейдя в католичество, она не теряла родного языка и не овладела довольно хорошо польским. Полностью полонизированным, по мнению Чубинского, можно считать только потомственное дворянство. Иначе обстояло дело с многочисленной

мелкой шляхтой. Сначала она начала охотно усваивать польскую культуру и язык, получая в результате изменения своей этнической принадлежности определенные социально-экономические привилегии и преимущества. Однако "с уничтожением Речи Посполитой она оказалась более ненужной панам. Экономическое положение сблизило ее (мелкую шляхту) с народом, с которым она сравнилась по своему умственному развитию. От этого произошло обратное движение в шляхты. Она все больше и больше теряет свой полонизм". Эти наблюдения Чубинского, диаметрально противоположные ошибочной точке зрения Р. Еркерта, представляют большой интерес и в целом подтвердились всем ходом этнодемографических процессов в украинском этносе на Правобережной Украине после подавления польского восстания 1863 г. На основании исследований Чубинского и лингвиста Костя Михальчука была составлена карта "южно-русских наречий и говоров" (рис. 22), вошедшая в издания Юго-западного отдела Русского географического общества.

Рис. 22. «Карта южно-русских наречий и говоров» П.Чубинского и К.Михальчука, 1871.

Эта карта только доказательно закрепляла уже устоявшиеся в украинофильском движении взгляды на пределы Украины. Так, десятью годами ранее в петербургском журнале «Основа» И.Маркович писал следующее: «страна, населенная южнорусами (украинцами, малороссами), занимает часть Восточной

Европы. Протяженность ее с запада на восток занимает почти 20 градусов долготы, то есть от 38 до 58 градусов восточной долготы, что составит более 1800 верст. Наибольшая ее протяженность с севера на юг простирается до 900 верст, то есть от 44 градусов 30 минут до 53 градусов 45 минут северной широты. По рассмотрению границ Южной Руси читатели увидят, что край этот обладает довольно разнообразной фигурой и входит в состав двух государств: России и Австрии; меньшая часть его (одна четырнадцатая) принадлежит последней. [...] Пространство земель, населенных украинцами, в точности определить нельзя, но, примерно, оно составляет более 10 870 кв. географ. миль, из которых на австрийские владения в Галиции, Венгрии и Буковине приходится около 1650 миль. На всем этом пространстве находится 14300000 жителей, которые говорят на южнорусской языке ("южнорусского языком"). Таким образом, по пространству Украина или Малороссия превышает Францию на тысячу географических миль, а по абсолютному населению уступает Испании двумя миллионами жителей» (1861, цитирую по А.Котенко).

Итак, именно описанные нами выше исследования позволили в целом очертить этнический ареал украинства в пределах Российской империи, который и стал основой для территориальных амбиций украинского национального движения в новых исторических обстоятельствах XX в. Но речь шла, пока, - только о подросийской Украине. Что же происходило западнее - в Королевстве Галиции и Лодомерии, на Буковине и в Закарпатье - на землях "матушки-Австрии"?

3.2. Этнодемография, статистика и картография в Австрийской империи

Здесь масштабы внимания к этническому составу населения вполне соответствовали остроте "национального вопроса" во владениях Габсбургов. Но так же, как и в России, все должно начаться из статистических сведений, которые содержат информацию о языке и вероисповедания населения. Такие данные в отношении христиан (в отличие от иудеев и мусульман) австрийские ревизии начинают фиксировать только с 1840-х гг. Поэтому исследования С.Бредецкого ("Описание Венгрии и Галиции", 1809) и И.Лихтенштерна ("Настольная книга новой географии Австрийской империи", 1818) интересны скорее как общая характеристика наших краев. В частности Лихтенштерн разделял население Галичины на католиков-поляков и греко-католиков-русинов. Поскольку на территории Венгерского королевства церковная статистика фиксировала не только конфессию, но и язык прихожан, то этот автор смог указать поселки, в которых жили закарпатские русины и их общую численность.

Первую этническую карту Венгерского королевства и вероятно вообще первую этническую карту какой-то части современной Украины, основанную на статистических данных, создал словацкий ученый Ян/Янош Чаплович (1829, по данным 1818). Он также описывает расселение и численность русинов. Уточнил и дополнил сведения Чапловича венгр А.Феньеш в "Статистике Венгерского королевства" (1843).

Первый этностатистический труд, посвященный непосредственно Галичине, вышел в 1840 г. авторства М. Веселовского, - но учитывая упомянутую ограниченность статистических данных, этнические различия определяются здесь только по конфессии. Но правила изменились, и в 1846 г. на основании ревизии 1843 И.Гауфер опубликовал первую в Австрии карту распространения языков на ее территории, где в частности обозначены и русины. Затем, по материалам следующей ревизии 1846 г. аналогичную работу осуществил Р. Фрелих.

Фундаментом же всех дальнейших исследований этнического состава государства Габсбургов стал капитальный труд Карла Чернига "Этнография Австрийской монархии" (1855-1857). Этот ученый использовал широкие данные: церковного учета, административной статистики по этническому происхождению подданных, результатов ревизий 1843 и 1845 и переписи 1850-1851 гг. По подсчетам Чернига, русинов в Австрийской монархии насчитывалось 2 940,1 тыс. (в Галичине - 2281, 8 тыс., на Буковине - 145 тыс., в Венгрии (Закарпатье) - 440 тыс., на Воеводине - 6,8 тыс., в рядах регулярной армии - 65,9 тыс.). Эти данные соответствовали действительности за исключением Буковины, где часть русинов была ошибочно отнесена к валахам. К монографии Чернига прилагалась изысканно выполненная "Этнографическая карта Австрийской монархии", которая отдельно была переиздана в 1857 году (рис. 24). В дальнейшем эту основательную карту ожидала интересная судьба, потому что она будет упомянутой во временной конституции Западноукраинской народной республики, о чем мы скажем ниже.

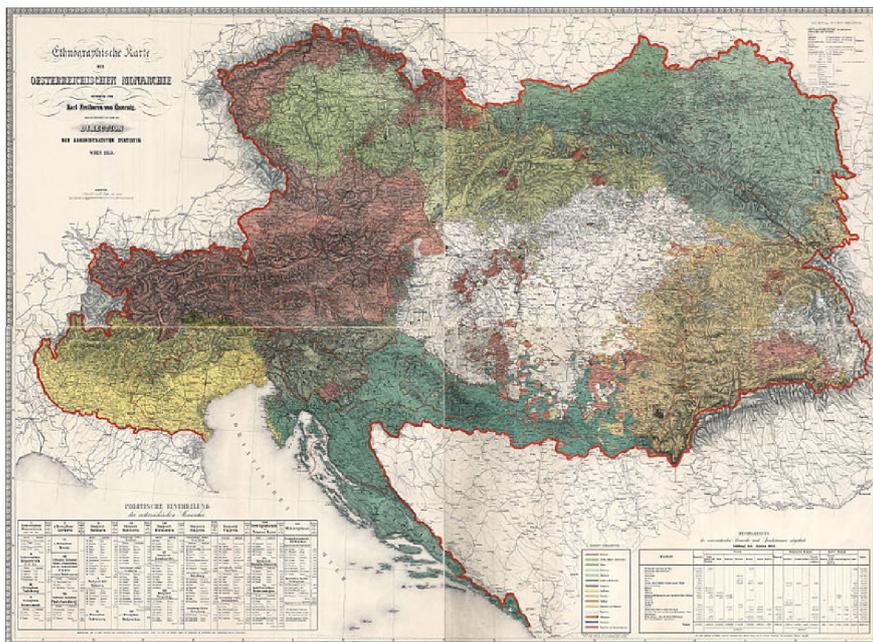

Рис. 24. «Этнографическая карта Австрийской монархии» Карла Чернига, 1865, Вена

Итак, в Австрии, так же как и в России, ученые сосредоточились на изучении этнического состава населения в 1840-х гг., но более полные статистические данные позволили здесь скорее и более корректно заполнить этнографическую карту государства. В дальнейшем же обработка очередных цифровых данных по результатам переписей стала обыденной технической работой. В частности, по украинцам нач. XX ст. такими исследованиями занимался известный буковинский историк и этнограф Мирон Кордуба. Его труды обретут популярность во время национально-освободительной борьбы 1917-1921 гг.

Определенной изюминкой могут быть исследования российским ученым А. Петровым этнической ситуации в Закарпатье в ряде работ начала XX ст. Эти работы посвящались проблеме т.н. "угрорусов" и их мадьяризации. А.Петров пытался определить "этнографические границы русского народа в Австро-Угрии". Его поиски совпали с конфликтом Австрии и России и актуализацией "русинского вопроса". Доказывая тождественность "угрорусов" и того "русского народа", который жил по эту сторону Карпат, он фактически доказывал етноязыковую тождественность русинов закарпатских и русинов- галичан.

* * *

Таким образом, подытожив, мы можем сказать, что к началу XX в. в представлениях европейской этнической географии вполне наметился, сформировался и был научно обоснован "этнический ареал" - контур и пространство расселения - украинцев под их тогдашними официальными названиями - русинов в Австро-Венгрии и малороссов - в России. Европейские карты (немецкие, английские, французские) комбинировали эти два названия в одном пространстве (цвете и контуре): или подавая государственную локализацию ("русины" писалось на австрийских землях, а "малороссы" - на российских), или просто растягивая оба названия ("малороссы или русины") на весь этнический ареал украинцево.

В обеих империях оперировали привычными официальными терминами (в России - часто вообще избегали картографического расчленения "триединых русских"), но современное украинское национальное движение отказывалось от тех названий , которые стали считаться региональными архаизмами и связанными с антиукраинской идеологией или же архаичной идентификацией: "русинством" в Галичине и "малороссийством" в России. В Галиции с началом XX века переходное прилагательное "украинско-русский" заменяется прилагательным "украинский".

Этот процесс отражается на известных с к. XIX в. австрийских украиноязычных картах: «Русь-Украина и Белая Русь» 1892 (составитель - Любомир Рожанский), «Народописная карта украинско-русского народа» издания

львовской «Просвиты» (составитель - Гр.Величко) и других. В начале XX ст. уже пишется «украинские земли»: мы приводим для примера карту Степана Рудницкого 1915 г. - **рис . 25.**

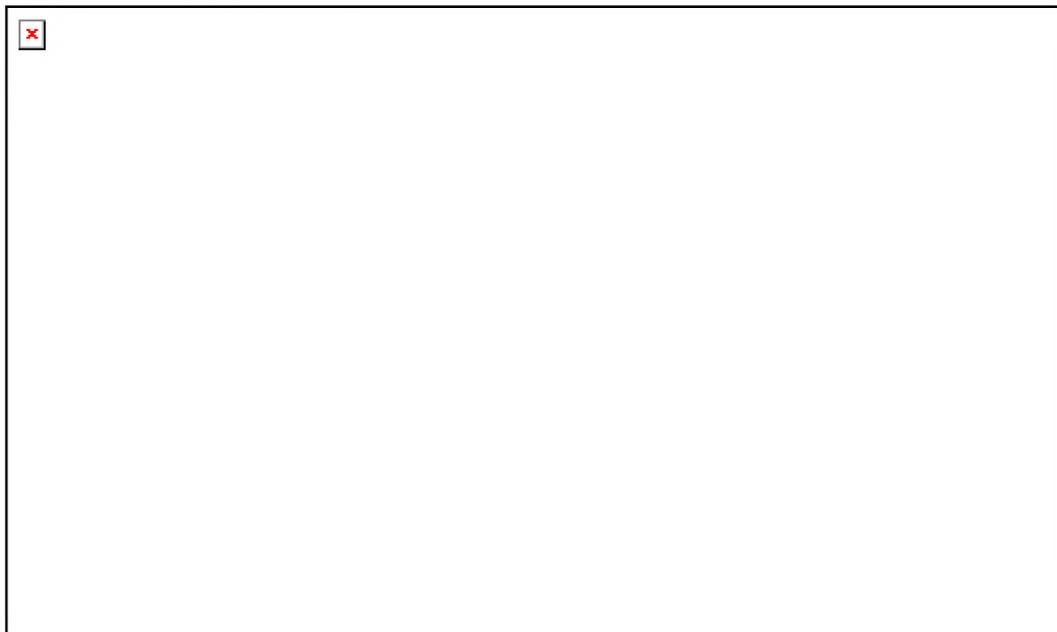

Рис. 25. «Обзорная карта украинских земель» Степана Рудницкого, 1915.

В России цензура не могла позволить легальную украиноязычную карту России или тем более "Украину", которая "заходит" еще и в Австрию – или наоборот, оттуда «выходит». Поэтому "картографическая подготовка" надднепрянцев оказалась на 1914 г. недостаточной, и "картографические амбиции" «свидомых» украинцев во время грядущих судьбоносных изменений реализовывались мощностями иностранных картографических издательств (от Женева до Вены). Сам концепт "географии Украины" первым также начали разрабатывать галичане, в частности уже упомянутый С.Рудницкий.

Если в картографической пропаганде польское движение в формировании круга своих амбиций могло больше опираться на сохранившиеся в течение ста лет на европейских картах "исторические границы Польши 1772 г.", то украинское из-за исторического регионализма комплекта "Украина-Малороссия-Гетманщина" должно было ставить акцент на другом - картах этнографических, которые рисовали актуальный многочисленный широко расселившийся народ, а не историю прошлой государственности. В этом смысле в диалоге с Польшей или Россией по поводу территориальных границ украинства "историческая" картография в украинских условиях становилась оппонентом "этнической". Отчетливо этот конфликт двух видов "тематических карт" проявится во время первой мировой войны и послевоенного урегулирования 1918-1923 гг., когда

принцип "национального самоопределения" и "этнических границ" начнет прямо противоречить привычному принципу "исторических прав".

В украинском историческом нарративе начинает доминировать термин Грушевского "Украина-Русь", который отмечал отдельную непрерывную историческую судьбу украинского народа на протяжении тысячелетия, несмотря на смену имен как таковых и "украденного имени" Руси в частности. "Украина" становится и ментальным отечеством, и идеологическим концептом, и картографической реальностью "украинских земель" синонимичных отдельной стране "Украина". Ментальное пространство - "Украины" окончательно заполняется. Оставалось перенести его с этнографической карты на политическую, политически "оживить", что по сути стало бы в картографии возвращением на двести лет назад, - если мы вспомним карту Иоганна Гоманна. Стоило задуматься, не внесет ли XX в. какие-то изменения в сухую и краткую констатацию из "Энциклопедии Британника" за 1910 год: "УКРАИНА ("граница"), название, которое ранее касалось европейской части России; сейчас относится к губерниям Харьковской, Черниговской, Киевской, Подольской и Полтавской. Часть восточнее Днепра стала русской в 1686 г., а западнее этой реки - в 1793 г."

Глава 4

БОРЬБА ЗА МЕСТО НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ: XX ВЕК

4.1. Начало территориального самоопределения. Украинская Народная Республика.

Не будет хоть в какой-то мере преувеличением сказать, что новейшая украинская государственность стала результатом двух кровавых мировых войн и того мощного слома международных отношений в Европе, которые они принесли. По сравнению с относительно стабильным "длинным XIX веком" век XX превратился в длительный ряд конфликтов, войн и катастроф, которые претерпели страны и народы европейского континента. Украина стала ареной борьбы противоборствующих военных блоков, ведущих государств, передвижения фронтов, межгосударственных и межэтнических конфликтов; а политическая карта Центрально-Восточной Европы стала бы совсем неузнаваемой для человека, который ее в последний раз видел в 1914 году.

Конфликт 1914 представлялся его начальным участникам - англо-франко-русской Антанте и немецко-австрийскому блоку Центральных держав - ожидаемо быстрой военной схваткой, которая должна разрешить все те противоречия, которые накопились в дипломатии и амбициях великих держав после Берлинского конгресса 1878 г. Однако конфликт вылился в изнурительное многолетнее противоборство, которое оказалось непосильным для старых имперских государств, которые в результате и были разрушены вспышками революций и национальных движений. Начиная войну под лозунгами единства народа вокруг традиционной династии, монархии Романовых и Габсбургов оказались заложниками внутренних социальных и национальных проблем, которые в конце-концов разрушили довоенные иллюзии старых политических элит, а довоенные этнографические карты превратились в послевоенные политические.

Образование и исчезновение государственных образований, хронические передвижения границ, сепаратистские и ирредентистские движения - все это стало тем последующим перманентным кризисом Версальской системы, который закончился Второй мировой войной и очередной стабилизацией Европы, разделенной Ялтинскими соглашениями Антигитлеровской коалиции.

Но вернемся к украинским событиям. На начало мировой войны "сознательные украинцы" не ходили в любимцах ни Петрограда, ни Вены. Обычные украинцы-русины-малороссы воевали друг против друга в рядах противостоящих армий, и мало что обещало им радикальную смену "украинского национального бытия".

Однако в войну время и события уплотняются, и то, что казалось несбыточным бредом накануне ее начала, может оказаться одним из минимальных результатов ее окончания. В данном разделе мы попытаемся показать ретроспективу государственно-территориальных (и, соответственно картографических) изменений Украине в начале XX в.

Как отмечает исследователь этой проблемы Елена Бойко, "одним из сквозных вопросов правового оформления украинских государственных стандартов образования собственных государственных институтов в 1917-1920 гг. стало определение территориальных границ Украины и тех оснований, исходя из которых они считались бы легитимными и могли получить внешнее признание".

Определенные исходные «географические претензии» украинства распространялись нашей политической эмиграцией, в частности украинским комитетом в нейтральной Швейцарии. Последний издал франкоязычную карту Европы, где на фоне довоенных политических границ была показана Украина в ее этнографических границах (рис.26).

Для современной украинской нации территориальный вопрос встал с началом Украинской революции, которая началась вслед за падением в феврале 1917 г. самодержавия Романовых. Лидеры национального движения сначала выдвинули лозунг национально-культурной автономии украинского народа. Но достаточно быстро жизнь показала, что стремление общества к революционным изменениям в национальной сфере не могут быть удовлетворены лишь сдвигами национально-культурного характера. Ослабление и кризис верховной российской власти в 1917 г. позволяли достаточно быстро поднимать непривычные и радикальные вопросы. Радикализация общества росла, и месяц от месяца политические и идеологические конфликты в столице и на национальных окраинах империи приобретали все более заметные проявления. Украинское движение в своих амбициях радикализировалось весьма постепенно, ограничиваясь привычными для него лозунгами "автономизма" или "федерализма" (украинской автономии в пределах федерализованной России). Однако даже для автономии, которая должна была иметь территориальный характер, необходимо было бы прежде всего определить территорию.

Рис.26. Фрагмент «Карты Европы», изданной Украинским комитетом в Швейцарии, 1916?, Женева

Требование национально-государственного самоопределения Украины впервые было озвучено на Украинском кооперативном съезде, состоявшемся 14-15 марта 1917 г. в Киеве. Выступая на нем, признанный лидер национального движения начала XX в. Михаил Грушевский сформулировал главную политическую цель украинского движения: национально-территориальная автономия в составе Российского государства. В постановлениях съезда отмечалось, что "только демократическая федеративная республика в России с национально-территориальной автономией Украины, с обеспечением прав национальных меньшинств обеспечит права нашему народу". Эта общая декларация останется официальным кредо украинского движения до конца 1917 г. и начала вооруженного конфликта с большевиками.

Начало решения территориальной проблемы украинства как суверенной нации неразрывно связано с деятельностью Украинской Центральной Рады (УЦР), которая встала тогда во главе национального движения. Состоя из представителей левой национальной интеллигенции, она отражала их "ментальную картографию": представление о границах Украины, ее положение, политические перспективы и амбиции. Требование национально-территориальной автономии Центральная Рада должна наполнить каким-то реальным содержанием, ведь для автономии нужны были определенные территориальные рамки, которые в то время никем официально не были определены.

Мы знаем из вышеизложенного, что Украина не была отдельной провинцией или административной единицей многоэтнической Российской империи. Общественно-политической мыслью России конца XIX - начала XX в. Украина воспринималась как некий этнический регион, никоим образом не очерченный административно-территориальными границами. Официальная имперская историография рассматривала прошлое украинского народа как неотъемлемую составляющую общероссийской истории, а пространство "Украины" воспринималось как исторически своеобразная часть ареала расселения русского племени малороссов. В этом смысле сам этот широкий ареал малороссов-русинов, показанный даже в российских учебных атласах, отнюдь пространственно и ментально не воспринимался как "целая страна".

Пространственное тождество «страны Украины» и этнических "украинских земель" существовало только в воображении "политических украинцев". В этом смысле статус, например подавстрийской Галичины (которая была частично оккупирована Россией во время войны), и где проживала русинская ветвь малороссов, мог быть для Петрограда только российским, а любая "украинскость" воспринималась как "австрийская интрига" и «мазепинство».

В противовес этим стереотипам собственную национально ориентированную схему истории украинского народа изложил в своих исторических трудах М. Грушевский. Многолетние исследования он подытожил в опубликованной 1904 статье «Обычная схема русской истории и дело рационального уклада истории восточного славянства», в которой сформулировал концепцию самостоятельного развития украинского исторического процесса (о которой мы уже упоминали выше).

Это давало возможность украинскому движению ставить вопрос о национально-государственных стремлениях украинского народа, что и было сделано с началом Украинской революции. Теперь настало время конкретизировать требования, определив территориальные пределы "украинских земель". Вопрос об автономии впервые широко и публично обсудил Всеукраинский национальный конгресс, проведенный УЦР 6-8 апреля 1917 г. в Киеве. В первом представительном форуме украинского движения приняло участие около 1 тыс. делегатов от различных украинских политических, общественных, профессиональных, культурных организаций. Конгресс превратил Украинскую Центральную Раду во всеукраинскую репрезентативную организацию, сделал ее руководящим органом украинского национально-освободительного движения, переориентировал деятельность с культурно-просветительской на государственную, - насколько такая представлялась в момент вспышки революционного романтизма. Конгресс стал важным этапом в развитии Украинской революции, продемонстрировав серьезность и неотложность украинских национальных притязаний.

Как указывает Е.Бойко, на конгрессе прозвучало восемь научно-теоретических рефератов и докладов, которые касались различных аспектов автономии Украины. Докладчиками выступали ведущие деятели национального движения,

известные ученые и специалисты Н. Григорьев, Д.Дорошенко, Ф.Крыжановский, Ф.Матушевский, П.Понятенко, В.Садовский, М. Ткаченко, А.Шульгин, в обсуждении приняли участие около 100 делегатов. В реферате Ф. Матушевского "Права национальных меньшинств", прочитанном перед участниками конгресса 6 апреля, значительное место было отведено проблеме территории. В украинских политических кругах в то время наиболее распространенной была обычная мысль об определении границ Украины по этнографическому принципу. В соответствии с ним, украинскими считались земли, на которых большинство местного населения составляли украинцы. Именно такой принцип и отстаивал докладчик. Край, заселенный украинским народом, политически находился в составе двух империй - Российской и Австро-Венгерской. Украинские земли, входившие в состав Российской империи, назывались "Приднепровской Украиной".

Опираясь на этнографический принцип, Ф.Матушевский утверждал, что в 1917 г. украинскими могли считаться такие административно-территориальные единицы:

В полном составе губернии Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Херсонская (от 68 % до 97 % украинцев), Черниговская губерния (за исключением четырех северных уездов: Мглинского, Новозыбковского, Стародубского, Суражского);

Таврическая губерния (без Крыма, населенного татарами);

Грубешивский, Томашевский и Влодавский уезды Холмской губернии;

Екатеринодарский (51,8 % украинцев), Ейский (73,9 % украинцев) и Темрюкский (75,2 % украинцев) уезды на Кубани;

Хотинский уезд (79 % украинцев) Бессарабской губернии;

Брестский (64,4 % украинцев) и Кобринский (79,6 % украинцев) уезды Гродненской губернии;

Бирюченский (69,3% украинцев), Богучарский (82,2% украинцев), Валуйский (52,9% украинцев), Острогожский (93,5% украинцев) уезды Воронежской губернии;

Таганрогский округ (61,7% украинцев) Области войска Донского;

Грайворонский (57,3% украинцев), Новооскольский (50,8 % украинцев), Путивльский (51,9% украинцев) уезды Курской губернии;

Новогригорьевский (50,7% украинцев) уезд Ставропольской губернии.

Административное устройство южной России с соответствующими губерниями мы можем увидеть на **рис. 27**. Критерием, по которому упомянутые земли были отнесены к Украине, служила преимущественно украинцев в составе населения. На вышеупомянутых территориях они составляли более 50 % всех жителей.

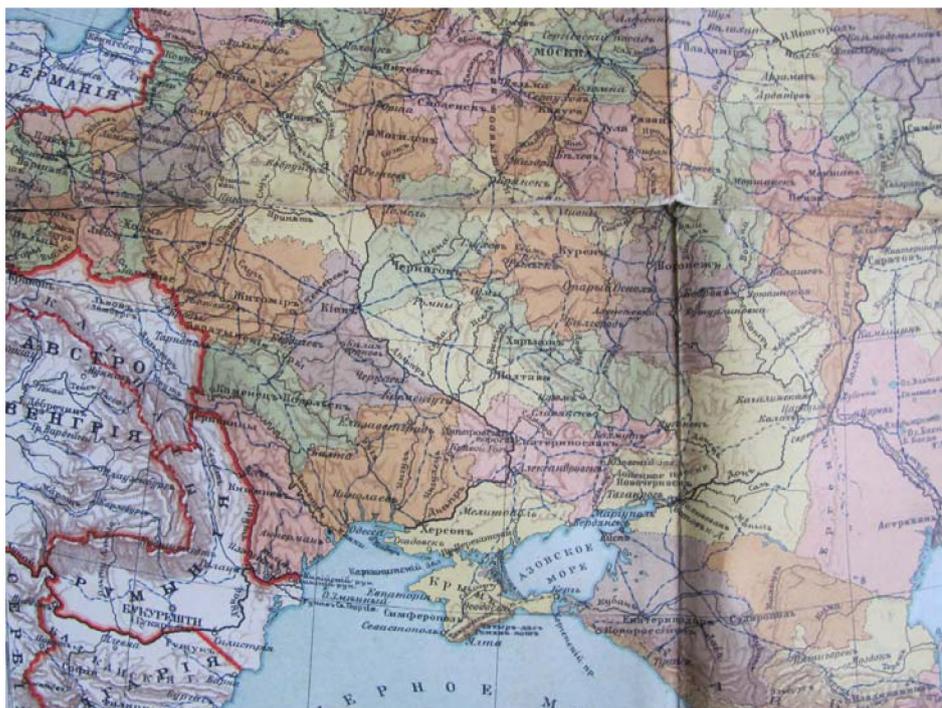

Рис.27. Фрагмент карты административного устройства России, «Учебный атлас» Э.Петри, 1914, СПб.

Добавим, что кроме перечисленных в реферате Ф.Матушевского территорий, украинцы преобладали также в Медвеженском уезде (58,4%) Ставропольской губернии. Обозначенная таким образом территория Приднепровской Украины (в этнографических границах) занимала площадь 513 тыс. кв. км, а по переписи 1897 г. на ней проживало более 26 млн населения, в 1917 г. - вероятно, около 35 млн человек. Она стала стратегической целью, основой для дальнейшего определения территориальных границ украинского государства. Другие рефераты и предложения не отличались существенно от позиции Ф. Матушевского.

В это же время латышские национальные организации выступали за объединение территорий Прибалтийского края, населенных латышами, в автономную Латвию; литовские - за создание автономной Литвы; эстонские - за автономию Эстонии. Старые губернские границы не отражали реалий этнических ареалов. Так, эстонцы проживали в Эстляндской и Лифляндской губерниях, но в части последней большинство составляли латыши. Белорусы добивались федеративного устройства России, одним из "штатов" которой должна была стать Беларусь; грузины - национальной-территориальной автономии Грузии. Поэтому столетнее административно-территориальное устройство России стало подвергаться все большей критике со стороны "национальных окраин", которые пытались перерисовать его по этническим критериям. На определенное, довольно

длительное время, дореволюционная этнографическая карта России стала более политически актуальной, чем все другие "тематические карты".

Для решения вопросов, назревших в отношениях между центральной властью в лице Временного правительства и Украинской Центральной Радой, которая после Украинского национального конгресса считала себя представительной организацией украинского национально-освободительного движения, фактически – местным «предпарламентом», 13 мая в Петроград выехала делегация во главе с Владимиром Винниченко. 16 мая она подала Временному правительству и исполкому Петроградского совета докладную записку с анализом текущего общественно-политического положения в Украине, известную под названием "Декларация Украинской Центральной Рады". Временное правительство стояло на позициях сохранения единой России по крайней мере до созыва Учредительного собрания, поэтому априори было настроено негативно по отношению к требованиям Украины.

Мы не будем углубляться в перипетии тогдашних переговоров Киева и Петрограда, и только подытожим их последствия. Обе стороны имели несовместимые взгляды на перспективы решения вопроса автономии Украины, административные полномочия УЦР и территориальные границы автономии. Процесс содержал ряд этапных моментов, торжественных актов, шумных разрывов, деклараций (в том числе двух первых Универсалов УЦР, которые постулировали "явочным порядком" объем амбиций УЦР), но максимумом достижений Рады в отношениях с Временным правительством стала принятая 4 августа "Временная Инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине". Этот документ перечеркивал большинство достигнутых прежде договоренностей, а самое крупное поражение украинская сторона понесла в определении территориальных границ автономии.

Несмотря на предварительное устное соглашение о распространении компетенции Генерального Секретариата на девять губерний, "Инструкция" ограничивала территорию автономной Украины лишь пятью. В ней говорилось: "Полномочия Генерального секретариата распространяются на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую за исключением уездов Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского, они могут быть распространены и на другие губернии, или их части в случае, если образованные в этих губерниях на основе постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения". По "Инструкции" к Украине не переходили наиболее экономически развитые регионы - Харьковщина, Донбасс, Криворожье; районы высокотоварного сельского хозяйства - Херсонщина и Таврия, крупные промышленные города - Харьков, Екатеринослав, Одесса; порты Черного моря.

Несмотря на преобладание украинского населения, эти территории для Петрограда оставались или Новороссией или Южной Россией. "Пять украинских губерний" при преобладании украинцев были почти такими же полиэтничными, как и не включенные в автономию индустриальные и аграрные южные районы,

но декларирование украинского характера последних представлялось воображению российских политиков гораздо менее доказательным, если не просто наглостью киевских выскочек из Центральной Рады.

Дальнейшие коллизии отношений с "демократическим" Петроградом продолжались до большевистского переворота. Решающие документы по территориальным границам Украины были приняты осенью 1917 года.

30 октября 1917 на Седьмой сессии УЦР М. Грушевский сделал доклад о работе комиссии по выработке автономного устава Украины. Комиссия в составе 100 человек, созданная во время Пятой сессии УЦР (20 июня - 1 июля 1917 г.) представила на рассмотрение Центральной Рады проект конституции, которую в дальнейшем должно было утвердить Всеукраинское Учредительное собрание. Территория Украины в проекте охватывала подавляющее большинство украинских этнографических земель, входивших в состав Российского государства. Впервые говорилось о связи с западноукраинскими землями: при благоприятных условиях и на основе свободного волеизъявления они также могли приобщиться к автономии.

Октябрьский переворот в Петрограде и события, произошедшие вслед за ним в Украине, создали для Центральной Рады благоприятную возможность ускорить процесс создания элементов государственности. В борьбе за власть, развернувшейся в Киеве, УЦР выступила наиболее реальным претендентом; на тот момент она еще была морально и организационно готова взять власть на всей территории Украины. Седьмая сессия УЦР, которая состоялась 28 октября - 2 ноября 1917 г., санкционировала переход власти в Украине к Центральной Раде, образовала в составе Генерального Секретариата ряд новых секретарств с целью полного охвата всех звеньев государственного управления. В территориальном вопросе сессия постановила: "Исполняя волю трудящегося народа, выраженную в многочисленных постановлениях крестьянских, национальных и общетерриториальных - губернских и уездных - съездов и различных политических и общественных организаций..."

Распространить в полной мере власть Генерального Секретариата на все отдельные земли Украины, где большинство людей являются украинцами, а именно - Херсонскую, Екатеринославщину, Харьковскую, материковую Таврию, Холмщину, часть Курщины и Воронежчины".

Смена власти в Петрограде оставила Центральную Раду наедине с проблемой упорядочения своей власти и территории. До поры до времени она с этим справлялась, хотя бы на уровне деклараций. 13 ноября УЦР сделала решительный шаг вперед на пути к суверенизации. Она приняла III Универсал, провозгласивший создание Украинской Народной Республики (УНР) как федеративной части Российского демократического государства. III Универсал УЦР включил в состав Украинской Народной Республики большинство украинских этнографических земель, расширив ее территорию по сравнению с "Инструкцией" Временного правительства с пяти до девяти губерний: "К территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные

преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики по приобщению части Курщины, Холмщины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинцы, должно быть установлено в согласии со свободной волей (населения)".

К сожалению, стремясь сохранить в своем воображении федеративную Россию, Рада оставила без внимания вопросы административно-территориального размежевания и четкого определения собственных границ. Реалии революционной эпохи и очевидное приближение масштабной гражданской войны требовали решительных шагов в деле создания вооруженных сил и действенной администрации. Рада же оказалась в конце концов неготовой к осуществлению таких масштабных задач, пав жертвой социалистического доктринерства.

Дальнейшее развитие событий привело к усилению противостояния между УНР и Советской Россией, которое вылилось в большевистскую агрессию. Принятый 11 января 1918 г. во время первой войны большевистской России против УНР IV Универсал провозгласил самостоятельную суверенную Украинскую Народную Республику.

Поскольку в IV Универсале территория независимой УНР не была очерчена, соответственно, она оставалась в пределах, определенных III Универсалом. Это был для социалистической украинской политической элиты вынужденный шаг, направленный на поиск внешней военно-политической поддержки против большевиков, - но с точки зрения истории государства и "территориализации Украины" IV Универсал обозначил весомую принципиальную границу, когда новая страна Украина вступила на путь обретения независимости и суверенитета в новых исторических условиях. Правда, путь этот оказался недолгим и трагическим.

Главным внешнеполитическим событием, способствовавшим решению ряда тогдашних геополитических проблем для Украины, стали мирные переговоры со странами Четверного союза (Центральными державами) в декабре 1917 - январе 1918 годов в Брест-Литовске. Несмотря на исходную проантантовскую ориентацию, Рада была вынуждена искать поддержки Центральных держав. Объем и направления данной книги не требуют от нас тщательного анализа внешнеполитической активности Рады: для нас важны ключевые моменты формирования государственной территории УНР, которые могли способствовать закреплению нашего государства на политической карте.

Наконец, во время брестских переговоров в своих максимальных территориальных амбициях украинцы удовлетворились обещанием создания автономного коронного края из украинских земель Галичины, но в составе Австро-Венгрии, а не новой Польши. Договоренности о судьбе западноукраинских земель стали предметом тайного соглашения между Украиной и Австро-Венгрией. Оно было утверждено отдельным секретным

протоколом к Брестскому мирному соглашению, который стороны подписали 26 января (8 февраля) 1918 г. По ним предусматривалось изъятие территории Восточной Галиции, где преобладало украинское население, из королевства Галичины и Лодомерии, объединение ее с Буковиной в один коронный край - украинскую автономию в составе Австро-Венгрии.

27 января (9 февраля) 1918 Украинская делегация в составе членов Рады А. Севрюка, М. Любинского и М. Левитского подписала мирный договор с Германией,

Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Сам по себе факт подписания мирного договора, который сделал УНР субъектом международного права, свидетельствовал об успехе молодой непрофессиональной украинской дипломатии. Это был первый серьезный акт независимой Украины на международной арене. «Успех» был скорее обусловлен общей ситуацией и интересами Берлина и Вены, а не некими дипломатическими достижениями. Но для дальнейших прецедентов формирования территории Украины этот договор имел существенное значение.

И хотя на тот момент договор не мог существенно изменить военную и политическую ситуацию к лучшему, он стал реальным шагом в утверждении украинской независимости, особенно в территориальном вопросе и, повторимся, в создании к нему надлежащих правовых прецедентов.

В Брестском мирном договоре, в разделе первом, ст. 2 были определены внешние границы УНР на западе и севере: "1) Между Австро-Венгрией, с одной, и Украинской Народной Республикой, с другой стороны, насколько эти два государства будут граничить между собой, будут (действительными) те границы, которые существовали между Австро-Венгерской монархией и Россией перед взрывом войны.

2) Далее на север идет граница Украинской Народной Республики, начиная от Тарнограда с запада по линии Видгорай, Щебрешин, Красностав, Пугачев, Радин, Междуречье, Сарнаки, Мельни, Високолитовск, Каменец, Литовск, Пружаны, Выгоновское озеро. Подробнее будет устанавливаться граница смешанная комиссия после этнографических исследований с согласованием волеизъявления населения".

Предложенная линия границы с Польшей в целом соответствовала западным этнографическим границам расселения украинцев. Таким образом, по Брестскому мирному договору к УНР отходили Холмщина, Подляшье, а также Брестский и Кобринский уезды Гродненской губернии. Передача территорий, оккупированных германской и австрийской армией под юрисдикцию УНР, должна была состояться сразу после ратификации мирного договора.

Советская Россия подписала мирный договор с Германией и ее союзниками 3 марта 1918 г. По условиям этого договора (ст. VI) РСФСР обязывалась заключить мирный договор с Украинской Народной Республикой, признать мирный договор от 27 января между Украиной и странами Четверного союза, а также вывести свои войска с территории УНР.

Реализация обоих Брестских мирных соглашений предоставляла Украине возможность вслед за северными и западными границами, определить по этнографическому принципу и свои восточные. Как видно из протоколов заседаний Совета народных министров, этот вопрос был поднят 14 февраля в ходе обсуждения условий будущего мирного договора между УНР и РСФСР.

Новацией стал принятый Центральной Радой 6 марта 1918 закон о новом административно-территориальном делении Украины. Воспользовавшись тем, что наступление на восток немецких и украинских войск продолжалось, и на значительных территориях оккупированных немецкими войсками, вообще не существовало гражданской администрации, украинская власть попыталась хотя бы де-юре распространить на них свою компетенцию. Согласно закону, в Украину были включены новые территории. На севере: часть белорусского Полесья - Пинский, Мозырский и Речицкий уезды Минской губернии (украинское население на этих землях не составляло большинства). На востоке: Рыльский, Суджанский, Грайворонский, Белгородский, Корочанский, Новооскольский, Путивльский уезды Курской губернии; Бирюченский, Богучарский, Валуйский, Острогожский уезды Воронежской губернии. Но и этот закон включал в территории УНР земли, которые на момент его принятия не находились под украинской властью.

В законе было отменено предыдущее административно-территориальное деление Украины на уезды и губернии. Вместо него вводилось деление на 32 земли. Однако новые административные эксперименты УЦР закончились ничем в результате смены политического режима: 29 апреля 1918 г. власть берет на себя провозглашенный гетманом Павел Скоропадский, который превращает УНР в Украинскую Державу (УД).

4.2. Украинская Держава П.Скоропадского

Внешнеполитический курс УД был нацелен на присоединение всех земель, которые с этнографической и исторической точки зрения были связаны с Украиной. Как указывает историк Е.Бойко, переговоры с соседними странами и теми государственными образованиями, которые возникли в результате распада Российской империи, шли в основном вокруг проблемы территории и границ.

На западе из территорий, отошедших к Украине по Брестскому мирному договору, в составе Украинского государства была образована Холмская губерния, которая включала Холмщину, Подляшье, а также южную часть Брестского и Кобринского уездов Гродненской губернии. Далее на западе украинские земли граничили с новообразованным Польским государством.

По Брестскому мирному договору на севере к Украине отошли три южные уезда Минской губернии - Пинский, Мозырский и Речицкий, а также часть Брестского и Кобринского уездов Гродненской губернии, где население состояло

из украинцев и отчасти белорусов. Во времена УНР они были включены соответственно в состав Волынской и Холмской губерний. С присоединением этих территорий Украина вступила в противоречие со стремлением белорусов к самоопределению и объединению всех белорусских этнографических земель. С согласия германского командования правительство Украинской Державы распространило свою власть на севере на все спорные территории, на которые претендовало. Решением Совета министров от 7 июня 1918 они составили отдельную административную единицу - Полесский округ (староство) с административным центром в Мозыре. К украинской территории по стратегическим соображениям был присоединен Гомельский уезд Могилевской губернии с преимущественно белорусским населением. Побудило к этому стратегическое положение Гомеля, расположенного на пересечении двух дорог и водного пути, ведущих в Чернигов и Киев. Административно уезд вошел в Черниговскую губернию. Из этого видим, что при П. Скоропадском формирование территории Украины опиралось не только на этнографический принцип, но и на "стратегическую целесообразность".

Наиболее сложной в это время была проблема восточных границ. По сравнению с периодом УЦР на востоке украинская власть при гетманате распространилась на ряд новых территорий: Путивльский, Суджанский, Грайворонский, Рыльский, Белгородский, Корочанский, Новооскольский уезды Курской губернии, Валуйский уезд Воронежской губернии. На этих землях была создана украинская администрация. Согласно постановлению Совета министров от 6 августа 1918, Путивльский и Рыльский уезды вошли в Черниговскую, остальные - в Харьковскую губернию.

Согласно Брестских мирных соглашений, советская Россия обязывалась признать УНР, вывести с ее территории свои войска, начать переговоры о подписании мирного договора и установлении государственных границ. Первые шаги к миру сделала украинская сторона. 2 апреля 1918 Совет народных министров УНР обратился к советскому правительству с предложением прекратить состояние войны и определить отдельным соглашением границы стран, на что Москва ответила 3 апреля согласием провести совместную мирную конференцию. В результате долгих и кропотливых согласований местом ее проведения был выбран Киев.

Начинать надо было с прекращения состояния войны. Начавшиеся 4 мая в Корневе (Курская губерния) переговоры о перемирии между представителями немецких и украинских войск, с одной стороны, и войск РСФСР - с другой, продолжились 6 мая в Конотопе и завершились подписанием договора о прекращении военных действий. Была установлена демаркационная линия - временное разграничение территории Украинского государства и РСФСР. Она проходила через : Сураж-Унечу-Стародуб-Новгород-Северский-Глухов-Рыльськ-Колонтаевку-Суджу-Беленихино-Купянськ. Таким образом, населенные украинцами Бирюченский, Богучарский, Острогжский уезды Воронежчины остались в составе РСФСР. Но украинская сторона не считала эту линию

окончательным рубежом . Однако дальнейшие длительные переговоры в Киеве в конце закончились ничем уже учитывая революцию в Германии и Австро-Венгрии и кризис власти П. Скоропадского.

Одной из важнейших внешнеполитических проблем украинского государства стало разграничение территории с государственными образованиями, которые возникли после распада Российской империи и непосредственно граничили с Украиной. Этот вопрос возник с началом украинского-российских переговоров, став одним из камней преткновения в достижении взаимопонимания сторон. Российская делегация претендовала на то, чтобы представлять всю бывшую Российскую империю. Большевицкая Россия никак не желала согласиться с фактом отделения от нее Дона, Кубани, Крыма и считала их временными антисоветские "контрреволюционными" образованиями.

Принципы, которыми руководствовалась украинская сторона в отношениях с новыми государственными образованиями, были изложены в документе "О границах Украинского Государства под видом политическим", подготовленном Д. Донцовым, принимавшим участие в мирных переговорах в качестве эксперта украинской политической комиссии. Этот документ аналитического характера охватывал большой круг вопросов и был положен в основу определения позиции Украины относительно ее границ. Украинская Держава исходила из факта распада старой Российской империи и признавала за отдельными ее частями, которые самоопределились, право на суверенитет. Учитывая нестабильность политической ситуации в этих регионах, украинская сторона должна была проводить гибкую политику. Так, Д. Донцов отмечал, что во Всевеликом войске Донском надо видеть союзника, что, по его мнению, должно было стать "первой и важнейшей задачей нашей восточной политики. (...) Аннексия Донщины с Кубанью была бы вредна и невозможна к проведению".

Политика УД по отношению к крайне важному в стратегическом отношении Крымского полуострова, по мнению Д. Донцова, должна была быть другой. Признание права Крыма на самоопределение должно было иметь характер не политический, а только культурно-национальный с обеспечением прав татарского народа. Украинское Государство не должно было идти ни на какие компромиссы в деле Крыма, а потому принадлежность Крыма к Украине, считал Донцов, является важнейшим условием украинской независимости. Украинское правительство должно добиваться суверенитета над Крымом и вести переговоры о его статусе в украинском государстве, исходя из того, что полуостров является составной и неотъемлемой частью Украины.

Отношения Украинского Государства с Доном развивались динамично и носили в целом добрососедски равноправный характер, за исключением противоречий относительно перспектив Кубани. Политические обстоятельства заставляли обе стороны идти на взаимные уступки. Установление границы между Украиной и Доном укрепляло позиции украинской делегации на переговорах с РСФСР. Донскому правительству взаимопонимание с Украиной давало возможность высвободить свои силы для борьбы с большевиками и получить

материальную помощь от Украинской Державы. Были и другие причины, в том числе и экономического характера, которые делали договор с Доном очень нужным. 8 августа 1918 правительства УД и Дона подписали договор об основных принципах двусторонних отношений. Стороны обменялись признанием суверенности и независимости друг друга. Договором предусматривалось, что оба государства отказываются от территориальных претензий, и границей между ними будет служить административная граница между Областью войска Донского и Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями. В районе Мариуполя к Украине присоединялась определенная территория восточнее для обеспечения целостности административно-хозяйственного управления городом и портом.

Кубанское казачество также встал на путь самоопределения. В январе 1918 г. была провозглашена Кубанская Народная Республика, как составляющая федеративной Российской республики, 16 февраля - самостоятельная Кубанская Народная Республика. Украинские правительства проводили линию на сближение с национально близким украинским кубанским казачеством с целью склонить его к соединению с Украиной. В течение всего 1918 г. между украинским и донским правительствами велась тайная, а порой и откровенная борьба за влияние на Кубань. Имея в Кубанском краевом правительстве своих сторонников, и Украина, и Дон в перспективе планировали присоединить Кубань к себе. Однако события нового витка гражданской войны перечеркнули эти планы.

В свое время Украинская Центральная Рада не включила Крым в состав УНР, поскольку он не был украинской этнографической территорией. В III Универсале и Законе об административно-территориальное делении УНР говорилось про Таврическую губернию (без Крыма). Как оказалось впоследствии, отказ от претензий на стратегически важный, территориально и экономически связанный с Украиной Крым был политической ошибкой руководства УНР. Отчасти ее можно объяснить надеждами украинской власти на федерацию с демократической Россией. Крымский вопрос не поднимался на мирных переговорах в Бресте. Поскольку Крым не был упомянут в Брестском мирном договоре в числе территорий, на которые распространяется суверенитет УНР, большевики надеялись, что он останется в составе советской России. Для этого они на всякий случай сделали Крым "самостоятельным" и "независимым", провозгласив конце марта 1918 квази-государство - Советскую социалистическую республику Тавриды.

Провозглашение государственной независимости Украины осложнило отношения с Крымом. Во время изгнания большевистского войска с территории УНР украинская власть пыталась исправить свою ошибку. В конце апреля украинское войско под руководством полковника П. Болбочана отправилось в поход на Крым и вошло на полуостров, но немецкое командование не позволило ему обозначить свои достижения как принадлежащие Украине. Присоединению полуострова к Украине сопротивлялась часть деятелей крымскотатарского движения, российские круги Крыма и в начале Германия, которая к концу лета

1918 г. не могла определиться со своим отношением к будущему этой территории. Сначала в Берлине рассматривалась возможность приобретения Крыма. Но со временем победила позиция, согласно которой полуостров должен был быть передан Украине на правах автономии. На территории Крыма находились немецкие войска, которые в апреле изгнали оттуда большевиков. В мае-июне по соглашению с германским командованием здесь было образовано Крымское краевое правительство. Среди его членов преобладали чиновники Российской империи, во главе стоял генерал С. Сулькевич. И хотя в крымском правительстве боролись разные политические течения, главным направлением его деятельности было определено создание независимого от Украины государственного образования, которое в будущем должно было войти в состав восстановленной "единой России".

Украинская Держава не признавала самостоятельности Крыма и вела упорную борьбу за присоединение полуострова. Гетман П. Скоропадский и министерство иностранных дел неоднократно обращались к немецкому командованию и дипломатам с просьбой посодействовать в деле присоединении Крыма к Украине. Украинское правительство оказывало широкую помощь украинофильским течениям в Крыму. Были выделены средства на поддержку украинских газет, общественных организаций, в частности, специально созданного "Комитета степной Украины", украинских кооперативов и информационного бюро МИД Украины в Симферополе.

Но все эти меры не привели к изменениям к лучшему, в крымском правительстве все больше брали верх пророссийские настроения. В ответ на антиукраинскую политику, Совет министров начала таможенную блокаду Крыма. Была прекращена перевозка товаров по железной дороге и морем. Экономического давления Крым не выдержал и согласился искать компромисс. К этому его побудило также и изменение позиции Германии, правительство которой в ходе визитов в Берлин П. Скоропадского и премьер-министра Ф. Лизогуба согласился с украинским точкой зрения на пути решения крымской проблемы.

Таким образом, путем целого ряда политических и дипломатических усилий дело было сдвинуто с места. В начале октября в Киеве начались переговоры между Украиной и Крымом. Крымскую делегацию возглавлял министр юстиции А. Ахматович, украинскую - премьер-министр Ф. Лизогуб. В ходе крайне трудных переговоров было достигнуто соглашение о вхождении Крыма в состав Украины на правах автономной единицы. Однако восстание Директории против власти гетмана П. Скоропадского, которое началось во второй половине ноября, положило конец намерениям присоединения Крыма к Украине.

В период Украинской Державы гетмана П. Скоропадского было достигнуто крупнейшие во времена Украинской революции успехи в решении территориальных вопросов. Став фактическим правопреемником УНР, УД стремилась расширяться до пределов, определенных прежней властью в законе об административно-территориальном делении от 6 марта 1918 г. Путем военных,

дипломатических, политических, экономических мер украинская власть была распространена почти на все украинские этнографические земли Восточной (перед тем подросийской) Украины. Распространить ее не удалось лишь на небольшую часть украинских этнографических земель на востоке. Это произошло потому, что наступление немецко - австрийских и украинских войск прекратилось в середине мая, не дойдя до предела, определявшего в законе украинскую территорию. Из стратегических соображений на севере украинская власть распространилась на часть белорусских земель. Административно территория УД делилась на 10 губерний и 1 округ. В составе УД были образованы новые административно-территориальные единицы - Холмская губерния и Полесский округ. В Черниговскую и Харьковскую губерний включены новые уезды. Достигнуто принципиальное соглашение о вхождение Крыма в состав Украины на правах автономии. Однако эти территориальные изменения 1917-1918 гг. были осуществлены на практике вследствие поражения держав Четверного союза и восстания Директории УНР во главе с В. Винниченко и С. Петлюрой.

Мы видим, что правительство Скоропадского откровенно отошло от присущего предыдущей украинской власти исключительно этнографического видения "украинского пространства" как окончательной территориальной реальности. От этнического принципа в практической деятельности гетманские военная и гражданская администрации перешли к государственной, когда легитимная суверенная "этнографическая Украина" становилась определенным территориальным ядром государственности, - а в дальнейшем отношения с внешними субъектами переходили в плоскость согласования или конфликта территориальных интересов геополитического или стратегического характера. Отметим, что именно такой подход доминировал в борьбе новых государств за спорные территории Центрально-Восточной Европы в дипломатических и военных конфликтах 1918-1920 гг.

Аргументируя свою позицию для мирового общественного мнения, великих держав, политические и дипломатические представители Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литвы апеллировали к принципу этнических границ (этнографические карты), но по возможности привлекали "исторические границы" (имеющиеся на исторических картах) и одновременно применяли "право силы" в постоянной вооруженной борьбе за конкретную этнически смешанную или откровенно чужую территорию.

Территориальные приобретения УНР и УД нам покажет изданная в Вене в к.1918-1919 г. «Карта Украины» (рис. 28). Скорее всего, она заказывалась еще гетманским правительством, но выйдет она при Директории, когда сама Австро-Венгрия, еще показанная на карте, уже перестанет существовать. Русскоязычные карты Украины издавались в 1918 г. и непосредственно в Украине, но украиноязычная номенклатура еще не была разработанной, - почему и соответствующий заказ попал в венского издательства «Фрайтаг унд Берндт», которое печатало украиноязычные карты уже двадцать лет для галичан.

* * *

Рис. 28. «Карта Украины», 1919, Вена

Внести какую-то окончательную ясность по границам в Центрально-Восточной Европе ведущим западным державам было трудно, и поэтому, как это обычно происходит в большой мировой политике, действовали или двойные стандарты, или прагматические интересы по большей пользе определенного партнера в регионе. Последние позволяли в какой-то момент просто постфактум признать легитимным территориальный статус-кво, образовавшийся на момент окончания активных военных действий. В 1918 г. такими методами пользовались Германия и Австро-Венгрия, а после - уже страны победительницы из лагеря Антанты. Но поскольку Украина успела стать союзником побежденной Германии, ее перспективы в мире, который создавали победители, были сомнительными. Особенно при условии внутренних конфликтов и войны фактически на всех направлениях.

4.3. Западно-украинская Народная Республика и Директория УНР.

С осени 1918 г. территориальные изменения Украины диктовались меняющейся реальностью военных действий, в которых в конце украинские национальные силы потерпели поражение, но еще одним важным правовым прецедентом стала история Западно-Украинской Народной Республики и практики определения "украинского пространства" с запада.

Уже 1 ноября 1918 на землях бывшей Австро-Венгерской империи возникло новое независимое государство Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). Территория ЗУНР в составе украинской части Галичины, Буковины и Венгерской Руси (Закарпатье) была определена "Временным основным законом о государственной самостоятельности украинских земель бывшей Австро-Венгерской монархии", принятым Народной Радой ЗУНР 13 ноября 1918г. Согласно Артикула II «Временного закона», границы ЗУНР определялись следующим образом: «ГРАНИЦЫ. Пространство Западно-Украинской Народной Республики совпадает с украинской общественной этнографической областью в пределах бывшей австро-венгерской монархии, то есть с украинской частью бывших австрийских коронных краев Галичины и Лодомерии и Буковины, и с украинскими частями бывших венгерских комитатов: Спишь, Шариш, Земляны, Уг, Берег, Угоча и Марморощ, как она обозначена на этнографической карте австрийской монархии Карла барона Чернига (Ethnographische Karte der osterreichischen Monarchie , entworfen von Karl Freiherrn Czernig , herausgegeben von der kk Direktion der administrativen Statistik , Wien 1855 Masstab 1:864.000)» (рис. 24).

На протяжении всего своего существования ЗУНР также находилась в состоянии вооруженной борьбы за государственность против вновь Польши. Несмотря на волеизъявления украинцев, после распада Австро-Венгрии украинские территории Буковины и Закарпатье были оккупированы румынскими, чешскими и венгерскими войсками. Фактически в составе ЗУНР находилась Галичина; Лемковщина, Закарпатье, Буковина и Хотинщина находились под украинским влиянием лишь короткое время. Руководство ЗУНР, поддержанное населением, считало главным государственным делом объединение с Приднепровской Украиной. 5 ноября УНРада ЗУНР направила делегацию во главе с А. Назаруком и В. Шухевичем в Киев для переговоров с гетманом П. Скоропадским. С началом противогетманского восстания переговоры об объединении проводились с Директорией. 1 декабря в Фастове был заключен "предвступительный договор" об "имеющем наступить соединении обоих украинских государств в одну государственную единицу". Содержание соглашения было обнародовано в конце декабря 1918 на Киевском губернском крестьянском съезде. Председатель Директории В. Винниченко сообщил, что ЗУНР и УНР заявили о своих намерениях: первая - войти со всем населением и территорией как составная часть в УНР; вторая - принять территорию и население ЗУНР как составную часть государственной целостности в УНР. Оба правительства обязались осуществить "государственное соединение" в ближайшее время.

3 января 1919 Украинская Национальная Рада ЗУНР утвердила "предвступительный договор" и приняла решение об объединении. 22 января 1919 было провозглашено объединение (Злуку) двух украинских государственных образований Украинской Народной Республики (Надднепрянская Украина) и Западно-Украинской Народной Республики

(Галичина, Буковина и Венгерская Русь) в единую соборную независимую украинскую державу. В тот же день Злука была утверждена Универсалом Директории УНР. 23 января 1919 это решение было подтверждено Трудовым конгрессом Украины; 528 делегатов конгресса представляли Надднепрянскую Украину, 65 депутатских мандатов было отдано ЗУНР. Но поскольку из-за военных действий выборы там не состоялись, Западную Украину на Трудовом конгрессе представляла делегация Украинской Национальной Рады ЗУНР в составе 36 человек.

Согласно акта Злуки ЗУНР и УНР, утвержденного Трудовым конгрессом, единственная соборная УНР состояла из таких территорий: Западной области - в составе Восточной Галичины, Буковины и Закарпатья; Восточной области (Надднепрянской Украины) - в составе Киевской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Житомирской, Каменецкой и Холмской губ. По сравнению с территорией Украинской Державы в перечне отсутствует Полесский округ, который, очевидно, не включили в соборную Украину как этнографически неукраинскую территорию. Указанная территория соборного украинского государства насчитывала более 500 тыс. кв. км с населением свыше 40 млн. человек.

Торжественно провозглашенный акт Злуки носил, как мы понимаем, очевидно декларативный характер. Очерченная в документе территория обоих украинских государств не контролировалась в полном объеме ни правительством ЗУНР, ни правительством УНР. Из-за военного положения практическое слияние двух государственных структур откладывалось на будущее - до созыва Всеукраинского учредительного собрания, избранного совместно и Приднепровской, и Западной Украиной. Соборная УНР не приобрела характерных черт ни унитарного, ни федеративного государства. С определенными допущениями с правовой точки зрения она могла бы считаться конфедеративным объединением. ЗУНР сохранила свои органы законодательной и исполнительной власти, их сферу и объем компетенции. Она и в дальнейшем действовала как отдельное государственное образование во внутренних делах и на международной арене. Власть Директории и ее исполнительных органов и в дальнейшем ограничивалась землями восточнее Збруча. Определенным образом координировалась только военная деятельность обоих правительств. Впрочем, в истории украинского народа провозглашение Злуки осталось неординарным событием и весомым прецедентом на будущее, несмотря на нереализованность этого акта из-за внешних агрессий и внутриукраинских политических конфликтов.

Успех Директории, которая де-факто была правопреемницей УНР, в борьбе против П.Скоропадского, оказался непродолжительным на фоне остальных ее проблем, и уже зимой 1918-1919 гг. Украина снова превратилась в театр военных действий всероссийской гражданской войны. Агрессия со стороны большевиков, а с лета 1919 г. и Вооруженных сил Юга России привела к отступлению украинского правительства на Подолье. Временный успех совместных действий Армии УНР и Украинской Галицкой Армии в августе 1919 г. в наступлении на

Киев все же закончился военным поражением и политическим расколом между надднепрянцами и галичанами. Акт Злуки УНР и ЗУНР 22 января 1919 оказался формальностью, поскольку территория Галичины на июнь 1919 г. была оккупирована Польшей. Дальнейшие дипломатические договоренности С.Петлюры и польского правительства (Варшавское соглашение март 1920г.) имели следствием общее наступление польско-украинских войск на Киев в мае 1920 г. Однако ход войны показал, что де-факто территория Украины оказалась разделенной между новой Польшей и Советской Россией, что и было закреплено Рижским миром 1921 г.

Участие в подписании Рижского договора Украинской ССР была формальностью, поскольку "военно-политический союз советских республик" лишь маскировал трансформацию Российского государства в новую, советскую форму. В 1922-1923 гг. с образованием СССР и заключением Союзного договора внешнеполитические функции УССР окончательно перешли в Москву. Потом они в качестве декорации восстановятся в 1945 г., рали оформления членства Украины в ООН.

Еще одной неудачной попыткой вмешаться в процессы послевоенного урегулирования стали попытки украинских представителей принять участие в Парижской мирной конференции, которая начала работу 18 января 1919 г. Конференция была созвана, чтобы закрепить результаты Первой мировой войны и решить вопрос послевоенного устройства Европы. К участию в ней пригласили лишь те государства, которые изначально воевали на стороне Антанты или успели присоединиться к ней в конце войны. Украина, заключившая сепаратный мирный договор с Центральными державами, не была официально признана ни одной страной-победительницей, и к участию в конференции приглашена ни была. Формально "украинский вопрос" как самостоятельный, конференцией даже не рассматривался.

Хотя, как покажут нам карты, в 1919 г. определенные шансы на признание Украины в какой-то форме существовали. Принцип этнических границ отводил для "потенциального" украинского государства определенные территории (см. **рис. 29А**). Возможно, если бы успехи Армии УНР летом 1919 г. не закончились лишь непродолжительным взятием Киева, "украинский вопрос" мог бы попасть "на стол" Парижской конференции. По крайней мере западное общественное мнение (как обычно несколько наивное в вопросах «высокой политики») считала, что теперь этнические границы станут определять политические. По поводу Украины оно тоже могло так считать, опираясь на привычную этнографическую карту Европы. "Русины-малороссы" там уже были с 1840-х годов, правда они там не были "украинцами".

Рис. 29А. «Европа по новоподписанным договорам», Лондон, 1919.

А еще карта на рис. 29А нам лишний раз напомнит о картографической ошибке А.Риттиха, который причислил большинство населения севера Таврической губернии к великороссам: англичане ее содержание годами перепечатывали и не обратили внимания на российскую перепись 1897 г. Новая (да и старая) статистика очевидно исправляла О.Риттиха в пользу украинцев, но подальше от России инерция в изображении этнографических карт очевидно продолжалась.

Впрочем, в любом случае реальные итоги послевоенного урегулирования в Европе будут очень не похожи на эту карту - что в случае Украины, в целом ряду других. В ряде вооруженных конфликтов, прокатившихся Центральной и Восточной Европой до Турции и Закавказья, решала все уже не этнографическая карта, а право силы и стратегические интересы великих держав. Французская помощь новой Польше во время ее войны против ЗУНР перечеркнет этнографическую карту Галичины. А последствия советско-польской войны 1920 г., закрепленные мирным договором с РСФСР и УССР в Риге дадут Польше много больше, чем было до этого у нее реальных ожиданий. Почти окончательные итоги послевоенных конфликтов в Центрально-Восточной Европе нам покажет карта на **рис. 29Б**.

Рис. 29Б. «Европа по договорам» на 1922, «Энциклопедия Британника».

Правда, мирная конференция уделила значительное внимание решению судьбы отдельных украинских территорий - Закарпатья, Буковины и особенно Восточной Галичины. Правительство ЗУНР возлагало большие надежды на решение конференции. Они были связаны прежде всего с «14 пунктами» американского президента В. Вильсона, которые предусматривали автономию для народов Австро-Венгрии и создания независимых государств на территориях,

"заселенных бесспорно польским населением". И хотя все великие державы соглашались с тем, что Восточная Галичина является преимущественно украинской, вариант образования самостоятельного западноукраинского государства не рассматривался.

Два важных геополитических фактора определяли и усложняли политику великих держав в Восточной Галичине. Первый заключался в необходимости считаться с интересами России, ведь присоединение Восточной Галичины было ее целью в Первой мировой войне. На этом и дальше настаивали лидеры белой России, которые продолжали борьбу с большевиками до октября 1920 г. Второй заключался в том, что Антанта была заинтересована в укреплении Польши как бастиона против большевистской России. Если Франция откровенно защищала польские интересы, то Великобритания и США, пока ситуация в России оставалась неясной, относились к чрезмерному усилению Польши довольно осторожно.

Попытки Парижской мирной конференции прекратить польско-украинскую войну в Галичине не принесли результата. На начало июня 1919 г. почти вся территория Галичины была оккупирована поляками. 25 июня Высший совет Антанты санкционировал уже осуществленные вооруженные акции польской армии в Восточной Галичине - дала свое согласие на "временную военную оккупацию" вплоть до реки Збруч. Но решение вопроса об окончательном политическом статусе ее она отложила на будущее.

Правительство ЗУНР решило продолжить и дипломатическую, и военную борьбу. 15 июля диктатор ЗУНР Е.Петрушевич направил Высшему совету Парижской мирной конференции ноту протеста, в которой отметил, что украинский народ и его армия не прекратят борьбу за свое государство против польских захватчиков. Государственный центр ЗУНР и Украинская галицкая армия нашли убежище на территории УНР. УГА вместе с армией УНР приняла участие в большой наступательной операции против Красной армии. Успешное наступление соединенных украинских армий было остановлено, когда в борьбу против них вступила белая Добровольческая армия. Военные поражения вынудили правительственные учреждения УНР и ЗУНР оставить свою территорию. 16 ноября 1919 г., продержавшаяся чуть более года, ЗУНР прекратила существование. Ее правительство переехало в Вену, где в течение 1920-1923 гг. действовало как эмиграционный государственный центр.

Неясный статус Галичины нам покажет эксклюзивная карта из "Атласа Победы" лондонской газеты "Дейли телеграф" 1920 г. (рис. 31). Поскольку ее готовил не тот составитель, чем большинство тогдашних британских картографических изданий (обычно остальные делал Эдинбургский картографический институт Королевских картографов Бартоломью), то и облик Европы в "безвременье" здесь немного другой. Автор этого издания Александр Гросс зафиксировал территории, которые не имели на момент издания юридической принадлежности : зоны плебисцитов (в Восточной Пруссии и Верхней Силезии) и Галичину, по которой еще не было «ясности». Вполне

вероятно, что это – единственная политическая карта Европы, на которой есть "ничья" Галичина. Поэтому она нас интересует, как интересный феномен эпохи. На той же карте мы увидим независимые закавказские государства, оккупированные советской Россией в 1920-1921 гг.

Рис. 31. «Ничья Галичина» из атласа «Дейли телеграф», 1920, Лондон

Обратим внимание, что значительная часть неславянских «национальных окраин» от России уже отделилась. Заметно, что (и это не отличается от остальных европейских XVI – нач. XX вв.) "Россия" находится только в Европе. Далее на восток – ее владения – Сибирь, Центральная Азия. Ранее снимало противоречия между «страной Россией» (до Урала) и размерами российского государства название «Российская империя». Но последней уже не было. Интересно, что провозглашение РСФСР от Балтики до Тихого океана стало, наверное, рнаибольшим расширением территории одной страны в один момент.

Утратились статусы «метрополии» и «колоний», «вассалов» (Хива и Бухара). Все заменилось сверхсложным для восприятия названием, которое по всему миру обычно потом заменялось «Россией». Американцы потом будут писать еще лет двадцать н картах "СССР (Россия)".

Рис.32. Поглощение Чехо-Словакией Закарпатья. Атлас «Дейли телеграф», 1920.

На другой карте атласа отражен процесс "заимствования" Закарпатья Чехо-Словакией (**рис. 32**), а в легенде к весьма неадекватной этнографической карте Центральной Европы мы увидим тот случай, когда украинцы были народом с самым длинным названием в Европе: "Малороссы, Русины, Украинцы" (**рис. 33**).

Рис. 33. Фрагмент легенды из атласа «Дейли телеграф», 1920.

Осенью 1919 г. Парижская конференция вернулась к восточно-галицкому вопросу. Решение в пользу Польши принималось ввиду поражения белых армий

А. Деникина и А. Колчака в борьбе с Красной армией. 21 ноября 1919 г. великие державы приняли компромиссное решение о дальнейшей судьбе Восточной Галичины. Был принят "Статут управления Восточной Галичиной", согласно которому Польша получила мандат Лиги Наций на управление ею сроком на 25 лет с обязательным обеспечением галицким землям автономного устройства. 8 декабря 1919 г. Высший совет Антанты под давлением польской стороны признал восточной границей Польши т. н. "линию Керзона", которая не соответствовала этническим границам Польши и оставляла под польской властью исконные украинские земли Холмщину, Подляшье, Лемковщину, Посанье.

Образование УНР и ЗУНР, а затем провозглашение их объединения стали фактором, который притягивал к себе украинцев Буковины и Закарпатья. Хотя УНРада ЗУНР провозгласила свой суверенитет над северной Буковиной и Закарпатьем, в ноябре 1918 г. обе украинские территории оказались под контролем соответственно Румынии, Чехословакии и Венгрии. Румыния и Чехословацкая республика были приглашены на конференцию как союзные Антанте страны, поэтому крупные государства благосклонно относились к удовлетворению их территориальных требований. Парижская мирная конференция дала согласие на аннексию Румынией всей Буковины, включая Черновцы и северные земли преимущественно украинским населением.

На Закарпатье ситуация была сложнее. На него претендовали Венгрия и Чехо-Словакия. В территориальной программе президента Т. Масарика Закарпатья, в случае присоединения к ЧСР гарантировалась автономия.

21 января 1919 г. проведенное в Хусте Всенародное собрание "венгерских украинцев" заявило о желании объединиться с соборной Украиной. Однако, все решилось военной силой. В конце января чехословацкие войска оккупировали большую часть Закарпатья. Но стоит отметить, что в конце-концов чехословацкая оккупация стала одним из "позитивов". Закарпатье не досталось Венгрии, в которой процессы мадьяризации местных русинов- украинцев длилось веками. А межвоенная Чехословакия была в нашем регионе одиноким демократическим государством с толерантным отношением к украинскому делу. На статус Закарпатья это не влияло, но Т. Масарик приютил многочисленную украинскую политическую эмиграцию. Окончательно принадлежность украинской Буковины Румынии и Закарпатья ЧСР было зафиксировано в Сен-Жерменском мирном договоре союзных держав с Австрией от 10 сентября 1919 г. Его положения, касающиеся Закарпатья, были также подтверждены в Трианонском мирном договоре с Венгрией от 4 июня 1920 г.

Итак, надежды украинских правительств на поддержку мирового сообщества не оправдались. Несмотря на значительные усилия, неофициальной украинской делегации так и не удалось склонить Парижскую мирную конференцию к международно-правовому признанию УНР и сохранению территориальной целостности украинских земель. Отрицательное отношение стран Антанты и США к независимости Украины стало решающим фактором, который перечеркнул все украинские дипломатические и вооруженные усилия.

Поддержаны ведущими странами Запада были территориальные амбиции Польши, Чехо-Словакии и Румынии. С другой стороны, стабилизация советского режима на большей части украинских земель делала дальнейшие "картографические упражнения" с украинскими территориями фактически лишними. Любые последующие территориальные изменения могли быть связаны только с кризисом Версальской системы международных отношений, который в конце концов произойдет лишь в конце 1930-х годов. Виновниками изменений выступят Третий Рейх А. Гитлера, Италия Б. Муссолини и СССР И. Сталина. И очевидно, что в этих условиях украинский народ свою судьбу решал.

* * *

Но , но ... До нового европейского кризиса, вызванного ревизией Версальских соглашений , Украина все-таки на картах закрепляется. Правда, только с советской стороны. Этнографические карты XIX в. уже были вроде не раз, с большим или меньшим успехом, использованы при проведении границ в 1918-1923 гг. В дальнейшем остались на поверхности "Нового Мира" (как торжественно называли новые границы в картографических изданиях победоносной Антанты) новые политико-административные границы новых (или относительно новых) государств Центральной и Восточной Европы. Слово "Украина" ни польская, ни румынская, ни чехословацкая официальная картография упоминать не стремились. Каждый украинский край, попавший под их власть (как когда-то сама Польша между империями), имел собственное региональное название: Галичина стала "Восточной Малопольшей" , Закарпатье - "Карпатской Русью", Буковина и Бессарабия не нуждались в коррекции со стороны Бухареста. На всякий случай новые обладатели украинских территорий каждый (помня о значении этнографических карт) по-своему осуществлял политику ассимиляции и изменения идентичности украинцев.

Более-менее цивилизованной, как мы уже упоминали, оставалась только либеральная политика чехословацкого президента Томаша Масарика, - однако это отнюдь не влекло за собой сомнения в принадлежности Закарпаття. Административное же образование под названием "Украина" после 1920 г. существовало лишь как "Украинская Социалистическая Советская Республика" (потом по Сталинской конституции 1936 г. слова "социалистическая" и "советская" поменяют местами), но, тем не менее оно существовало и находилось на картах - советских и европейских. Поэтому стоит остановиться на территориально-статусных эволюциях Советской Украины, - от которой независимая Украина получила в 1991 году свои современные границы.

4.4. Советская Украина.

Сначала, в 1917-1919 гг. национальная политика большевиков предусматривала право народов на самоопределение" лишь как сугубо

декларативный лозунг, который испытывать себя в реалиях международных конфликтов и гражданской войны. Самоопределение Финляндии и Польши (которые так и не слились в течение XIX в. в одно "тело" с российским народом и государством) казалось вынужденным, но по крайней мере ожидаемым временным шагом. В дальнейшем, по мере развертывания экспорта пролетарской революции эту ситуацию можно было попытаться исправить. Что же касается остальных "национальных окраин", тем более восточнославянских, действия Кремля определялись текущим прагматичными декларациями и шагами, зависящими от военных достижений Красной Армии.

Первая попытка советизации Украины в борьбе с Центральной Радой породила марионеточную советскую "УНР". Последняя не соответствовала ни одному из признаков государственности. Она бесследно прекратила существование в марте 1918 г. с приходом австро-германских союзников Рады. Образованные большевиками в ситуативных политических целях на украинских землях в начале 1918 г. Донецко-Криворожская республика и Советская социалистическая республика Тавриды также не были государствами в прямом смысле. Некоторое изменение в отношении Кремля произошло в 1919 г., когда сложности борьбы за Украину и объективно оцененный вес "решения национального вопроса" в мобилизации ресурсов для победы над "единонеделимым" Белым движением показали, что необходимо все-таки создать более эффективную украинскую советскую государственность, которая выглядела бы как формально независимое образование освобожденных советской властью из-под гнета "тюрьмы народов" украинцев. Государство было, вроде, отдельным, но с общим с Россией Красной Армией и партийным руководством, - несмотря на формальное существование собственной КП(б)У.

Впервые территория и границы украинского советского государства - формально независимой УССР - были определены в утвержденном 10 марта 1919 г. Советом Народных Комиссаров УССР "Договоре о границах с Российской Социалистической Советской Республикой". Учитывая те административно-территориальные сдвиги, которые происходили на украинских землях в течение 1917-1918 гг., подход советской власти к государственному размежеванию был чисто формальным: границы должны проходить по старым пределам губерний. К УССР отходило 9 губерний: Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая (без Крыма), Харьковская, Херсонская, Черниговская (без 4 северных уездов). Впрочем, за небольшими исключениями, территория УССР отвечала территории автономной УНР по III Универсалу Центральной Рады (ноябрь 1917 г.). Поэтому можно утверждать, что после событий украинской национально-освободительной борьбы уже никто не возвращался к сомнениям лета 1917 г. относительно "общих границ" Украины. О тогдашних "пяти украинских губерниях" уже никто и не вспоминал. УССР во главе со своим коммунистическим руководством входила в "военно-политический союз советских республик", который служил эвфемизмом для

восстановления Российской империи в прежних границах, но уже под лозунгами новой интернационалистической идеологии.

Более подробно эту ситуацию описывает историк Г.Ефименко. 11 декабря 1918 г. на заседание советского украинского правительства был вынесен вопрос о границах. Однако он был снят с повестки дня «до признания Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Советом Народных Комиссаров РСФСР». О том, что в такой формальности украинское правительство действительно нуждалось, но не получило, свидетельствует мотивационная часть одной из телеграмм в В.Ленина от 21 января 1919: "Учитывая то, что Украинская Социалистическая Советская Республика еще не признанная Россией ...".

После того, как в конце января 1919 г. правительство возглавил Христиан Раковский, вопрос о формальном признании УССР (название советской Украины с 6 января 1919 г.) украинский верхушкой уже не ставился. Попутно отметим, что государственные акты с признанием Россией независимости советских Эстонии, Латвии и Литвы были приняты еще в декабре 1918 г., независимость советской Белоруссии Всероссийский ЦИК признал 5 февраля 1919г. Подобный же юридический акт относительно УССР был принят только 28 декабря 1920 г.

Как указывает Г.Ефименко, несмотря на отсутствие такого признания, правительство советской Украины сразу после своего образования формально позиционировало УССР как отдельное государство, независимость которого была провозглашена в марте 1918 г. в Екатеринославе на II Всеукраинском съезде советов. Поскольку в решении вопроса о границах руководители советской Украины всегда отталкивались от позиции украинских национальных правительств, власть которых они и ниспровергали, то вполне логично, что все вышеуказанные "новые территории" на восток от Харькова, полученные Украиной по Брестскому миру, и куда распространялась гетманская администрация, они считали украинскими, а потому "своими".

Таким образом, украинское правительство желало оставить (а не забрать у РСФСР) Белгородский и Грайворонский уезды в своем подчинении. Поскольку же в России с этим не соглашались, то в Харькове решили, что вопрос границ между советскими республиками должен быть решен на конференции всех существующих на то время советских республик (России, Эстонии, Литвы, Латвии, Белоруссии, Украины), принципиальное согласие на проведение, судя по официальной переписке, было достигнуто.

До принятия соответствующих решений на конференции украинская сторона собиралась оставить спорные уезды за собой. Однако ожидаемая конференция не состоялась. Вместо этого руководство Украины получило прямое указание Кремля отказаться от названных уездов. Учитывая на то, что, как в конце января указывал Х.Раковский, " Временное рабоче-крестьянское правительство Украины создано по Постановлению ЦК РКП, является его органом и проводит все распоряжения и приказы ЦК РКП безусловно", возможность отказа выполнить прямое распоряжение Кремля в возглавляемом им правительстве даже не

рассматривалась. Понятно, что мнения представителей указанных уездов тоже никто не спрашивал.

7 февраля 1919 г. была утверждено постановление РНК УССР "Об административном управлении на территории прифронтной полосы Украины". Хотя оно лишь дублировало соответствующее решение ВЦИК от 12 января, но отныне и для украинского руководства термин "губернское разделение" стал идентичным понятию "дореволюционное губернское разделение". Границы между Украиной и Россией, за исключением северной части Черниговской губернии, были утверждены довоенные, межгубернские, то есть в пределах тех губерний, которые определила украинская Центральная Рада своим III Универсалом, а Перекопский перешеек должен был стать границей между Украиной и Крымом.

Эти положения и стали основным содержанием Договора о границе с РСФСР, который был утвержден украинским Совнаркомом 10 марта 1919 г. Г.Ефименко пишет, что историкам пока не удалось найти такого же формального решения правительства РСФСР о границе с Украиной. В целом же подход Кремля к этому вопросу основополагающе отличался - УССР там не рассматривали как нечто обособленное от России, а обнаружение договора могло дать лишний толчок таким нелюбимым в Кремле "самостийничким" настроениям в Украине. Вероятно, именно по этой причине договор не был опубликован и в УССР.

Исключением из указанного принципа (межреспубликанские границы по административным границами дореволюционных губерний) были лишь северные уезды Черниговской губернии - Мглинский, Суражский, Стародубский и Новозыбковский, формальная передача которых в РСФСР несколько затянулась. Только 24 апреля 1919 г. состоялось еще одно заседание межведомственного совещания при экономико-правовом отделе Наркомата иностранных дел РСФСР, по решению которого были наконец определены границы новой Гомельской губернии. В ее состав отошли и названы четыре северных уезда Черниговщины.

28 апреля 1919 г. политбюро ЦК КП(б)У в свою очередь приняло финальную резолюцию по названным уездам: "Окончательно оставить их в составе России". И хотя в переписке даже в мае - начале июня 1919 г. время от времени еще возникал вопрос о северных уездах Черниговщины, ответ из Киева была всегда однозначным: они принадлежат РСФСР.

Подытоживая вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1919 г., можно сделать вывод, что в целом Кремль не отказался от определения линии границы по этническому принципу. Однако населенные украинцами уезды и волости РСФСР он не собирался передавать Украине, ограничив применение этого критерия губернские уровнем. Поэтому в вопросе украинских границ очевидно действовал двойной стандарт.

Впрочем, не будем уже постфактум совершенно игнорировать начальный государственный потенциал Советской Украины. Ее руководство во главе с Христианом Раковским питало достаточно много иллюзий относительно реальных и потенциальных собственных полномочий. Формальная советская

конфедерация из России, Украины, Белоруссии и Закавказья, сложившаяся в течение заключительного этапа гражданской войны, могла представляться харьковским большевикам (столицей УССР до 1934 г. оставался Харьков) желанной реальностью. УССР владела международной субъектностью, т.е. подписывала паритетно вместе с РСФСР международные договоры, которые определяли границы этого государства - в частности Рижский мир с Польшей 1921 г. Время от времени заходила речь о введении собственных консульских служб за рубежом, территориальные и экономические отношения с Россией происходили в рамках договорного процесса равных субъектов, - несмотря на очевидный приоритет мнения высших партийных учреждений. Но эти иллюзии развеялись в 1922-1923 гг., когда стабилизация режима позволила Москве убрать лишние декорации.

Начинается процесс образования Союза ССР, который передаст целый ряд суверенных полномочий республик союзному Центру, а статус республик окажется под угрозой в контексте "дискуссии по национальному вопросу", проходившей с участием наркома национальностей Иосифа Сталина и самого пролетарского вождя Владимира Ленина. Сутью дискуссии было определение того, будет ли новый формат советского государства простым мгновенным расширением Российской Федерации, в которой предыдущие участники "военно-политического союза" станут обычными субъектами федерации наряду с другими, прежде статусно низшими (Татарией, Карелией, Республикой немцев Поволжья, Горской республикой и др.), или это новообразование будет иметь формально конфедеративный "нерусский" характер. Победила, как мы знаем, точка зрения Ленина, который отстаивал советскую форму национальной государственности для соучредителей СССР. Мы знаем также, что репрессивно-ассимиляционной сути советского решения национального вопроса это в дальнейшем не изменило, но при тех обстоятельствах и эта формальность "союзного государства" оставила для Украины на будущее определенный эмбриональный "комплект" для возможной международно-правовой суверенизации.

Европейская картография, которая должна была опираться на какие-то формальные основания, на картах "Нового Мира" 1921-1923 гг. выделяла советскую Украину отдельным контуром в общем контуре новой России, относительно устройства, границ и формы признания которой еще не существовало какой-то ясности. "Реальность" советской Украины выглядела большей, чем например советской Белоруссии, которую отметить на карте часто забывали. Закавказье, которое Красная Армия завоевала в 1920-1921 гг., еще пару-тройку лет рисовали как три независимых нерусские (потому что другого цвета) государства - Грузию, Армению и Азербайджан. Сибирь и Средняя Азия оставались в своем государственном статусе "terra incognita", и их подписывали традиционно, как до 1917 г. - "Сибирь" и "Киргизы"; до 1922 г. существовала как советский лимитроф Дальневосточная республика. "Россия" оставалась также традиционно в Европе, но относительно ее бывшей "империи" на восток от Урала на данный момент было еще непонятно, что писать. Оставался еще только общий российский цвет.

После образования СССР и заключения в течение 1923 г. Союзного договора одновременно с процессами признания Западом большевистского государства ситуация несколько проясняется. На все пространство бывшей Российской империи растягивается надпись "Союз Советских Социалистических Республик", который, впрочем, часто дополняется случайным словом "Россия" в скобках. Таким интересным образом Россия мгновенно перестала быть имперским государством и превратилась в визуальную федерацию, где ширина контура, а иногда и выделение цветом просто обозначали разницу в статусе национальных федеративных образований от Финского залива до Тихого океана. С середины 1920-х, немного разобравшись в несколько запутанном национальном устройстве РСФСР, на иностранных картах ее внутренние национальные республики определяются уже тоньше, цветом не выделяются и уже визуально не "спорят" на карте с соучредителями СССР - Украиной, Беларусью и Закавказьем. С 1930-х, когда и с реальным статусом этих последних пришла определенная ясность, СССР на западных политических картах начинают изображать одним цветом, где только административные пункты время от времени указывают на наличие "союзных республик". Выделение последних цветом сохранится на картах непосредственно Союза. Впоследствии, после 1945 г. международная субъектность УССР и БССР даже как соучредителей ООН ни у кого не вызвала лишних иллюзий. Такая практика сохранится до конца существования СССР.

Такие переходные фазы в картографировании наших земель покажут, в частности, карты 1923 года. Британский "Ситизенс атлас" издательства Бартоломью этого года перечисляет новые государства в Европе после 1918-1919 г., среди которых в Европе (Польша, Финляндия, Эстония и др.) присутствует и Украина, остальные "новые" - "автономные республики в составе советской России". Показаны члены Лиги наций, к которой почему-то причислены и Россия, и УССР (есть их флаги: **рис. 34**). В комментариях указывается, что "Россия в Европе и в Азии теперь разделена на несколько советских республик, объединенных под центральной властью Союза Советских Социалистических Республик". Заметны очевидные противоречия в процессе составления атласа, когда происходили быстрые политические изменения: на политической карте Европы есть советская Россия, советская Украина, нет Беларуси, есть независимые Грузия и Азербайджан.

Рис. 34. Фрагмент из «Ситизенс атлас», Эдинбург, 1923

Границы советской Украины не соответствуют действительности и напоминают запутанные картографические упражнения 1919 г. (рис. 35).

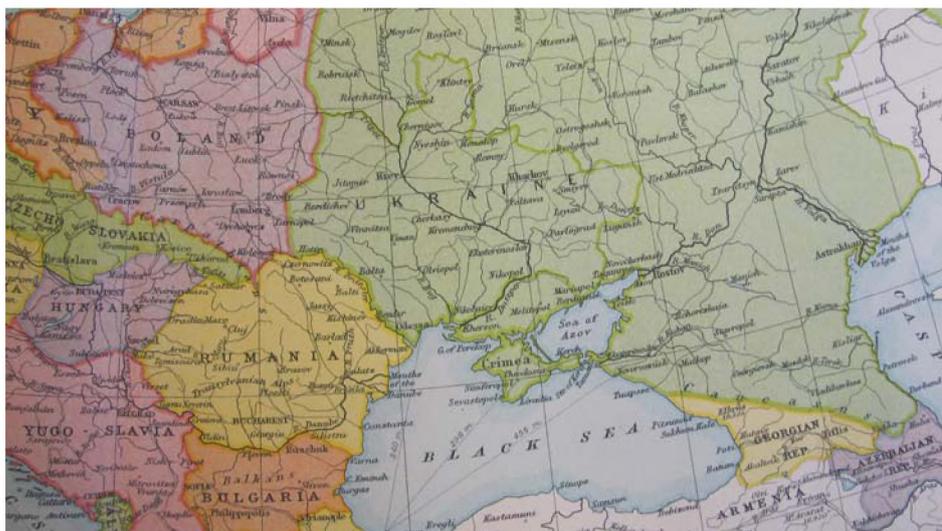

Рис.35. Фрагмент из «Ситизенс атлас», Эдинбург, 1923

Мы это уже видели на **рис. 28**: там остается и "ошибка Риттиха" по Таврии. Этнографическая карта - традиционная ("малороссы или русины"). А дальше, на карте "Советская Россия в Европе" есть уже Белоруссия (White Russia), Грузия, Азербайджан и Армения, которые в легенде определены как "независимые советские республики". В остальных случаях территориальные образования определены как "автономные республики" и "трудовые коммуны". Границы советской Украины здесь уже соответствуют реальности (**рис. 36**).

Принадлежащее Чехословакии Закарпатье подписано на другой карте как "Карпатская Рутения". Авторы атласа не усматривают противоречия в том, что государственное образование в ареале малороссов-русинов у них называется "Украина" (но это продлится потом довольно долго).

Рис. 36. Фрагмент из «Ситизенс атлас», Эдинбург, 1923

Внутренние границы Украины в СССР менялись после гражданской войны лишь несколько раз: в 1925 подвинулась граница в Донбассе передачей Шахтинского и Таганрогского округов России; в 1925-1928 гг. несколько очень небольших участков (в том числе Путивль) были из состава России переданы Украине; в 1940 г. Молдавская АССР (образована перед тем из части Украины в 1924 г.), вошла в состав Молдавской ССР, несколько сократившись в пользу Одесской области; в 1954 г. в УССР была передана находившаяся в разлухе Крымская область РСФСР. Остальные территориальные изменения происходили уже за счет тех других соседних государств, которые в 1918-1923 гг получили себе украинские этнические территории на западе.

Громко заявленные факты "порабощения", "оккупации", "захваты" частей украинского народа чужими государствами (как бы это не соответствовало реалиям), передавали советской Украине в лексиконе тогдашней пропаганды исключительное моральное право на объединение именно в своих рамках всех "украинских земель". Ведь название "Украина" существовало только на советской территории. "Между свободными свободная" советская Украина должна стать единственным возможным национальным домом для украинцев Польши, Румынии и Чехословакии. Было сделано это, как мы знаем, благодаря переделу сфер влияния в Восточной Европе между нацистской Германией и Советским Союзом в 1939-1940 гг. и впоследствии де-факто и де-юре подтвержденных результатами Второй мировой войны - теперь уже участниками антигитлеровской

коалиции. Великобритания и США, отдавая половину Европы за советский "железный занавес" фактически оставляли Сталину свободу рук для проведения тех границ, которые были удобны советской геополитике в ее исключительной сфере влияния и под теми лозунгами, которые она видела необходимым озвучить

Очередное исчезновение Польши в 1939 г. не было признанным на Западе, но восстановленной она была в 1945 г. уже с новой конфигурацией границ. Аннексию Прибалтики в 1940 также не спешили официально признать, но после 1945 г. она также изображается в советские цветах. "Права СССР" на Бессарабию уходили корнями в аналогичные "права" на нее Российской империи, и теперь из молдаван можно было попробовать создать новую "нерумынскую" нацию, территориально присоединенную к ее "государственному эмбриону" в виде Молдавской АССР. Буковина никогда не принадлежала России, но содержала украинские этнические земли, на которые уже существовал известный "монополист". То же самое касалось и чехословацкого Закарпатья в 1945 году. В современной антиукраинской пропаганде из-за всего этого называют Сталина "собирателем украинских земель", которые украинцы себе получили в 1991 году вроде без каких-либо исторических усилий, - как подарок, аналогичный "безосновательной" передаче Крыма Никитой Хрущевым УССР в 1954 г.

Впрочем, оставим в данном случае осмысление "исторической цены" советской Украины и советской эпохи для украинской стороны, поскольку то "украинское пространство", которое (как и "молдавское", "карело-финское", "польское", "белорусское", "прибалтийское" и другие, полученные и неполученные Москвой) присоединяла железной рукой советская империя, было "создано", "изобретено" и очерчено отнюдь не ею. Кремль пользовался чужой «этнографией» и «картографией» исключительно в своих интересах. Это были лишь поводы для экспансии, а не для «собираения» чьих-то земель.

Украинское пространство представляло собой хотя и до поры не суверенное государство, - но страну с собственным народом. Это пространство было очерчено и наполнено временно-пространственным и человеческим содержанием раньше - в невзгодах XVII-XVIII вв. и научных исследованиях XIX в., когда в результате получили четкие формы "украинские земли". И сколько бы ни говорилось о «достижениях» советского режима, его пространственное воображение в вопросе Украины не выходило за пределы тех границ, которые нам известны с III Универсала Центральной Рады и границ ЗУНР, а наибольшей украинской государственной территорией для истории, пусть и непродолжительной, останется Украинская Держава гетмана Павла Скоропадского.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ададуrow В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ ст. – Льв., 2007.

Багров Л. История картографии. М., 2004.

Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: Історична ретроспектива та сучасний стан. – К., 1994.

Бойко О. Формування території української незалежної держави в діяльності Української Центральної Ради (1917-1918 рр.). - К., 2007.

Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П. Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. – К., 2009. - №3.

Вавричин М. Гійом Левассер де Боплан – картограф України // Спеціальний і докладний план України з належними до неї воеводствами, округами і провінціями. - К-Льв., 2000.

Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець ХV- перша половина ХVІІ ст. - К., 2004.

Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах: кінець ХVІІ - перша половина ХVІІІ ст. К.: 2009.

Вулф Л. Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва. - К., , 2009.

Галушко К. Украинский национализм: ликбез для русских или кто и зачем придумал Украину. - К.: Темпора, 2010, 2012.

Гордеев А. Карти-портолани ХІІІ-ХVІІ ст.: особливості та роль у розвитку картографії. — К., 2009.

Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. - К., 2012.

Кабузан В. Украинцы в мире. Динамика численности и расселения: 20-е годы ХVІІІ в. – 1989. - М., 2006.

Карты галантного века. Шедевры картографического искусства из собрания Государственного Исторического Музея». М., 2011 (DVD)

Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. — К, 1999.

Кінг Ч. Історія Чорного моря. – К., 2011.

Котенко А. До питання про творення українського національного простору в журналі «Основа» // Український історичний журнал. – 2012. – №2. – С.42-53.

Кравченко В. Ім'я для України // Кравченко В. Україна, імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії. – К., 2011.

Маслійчук В. «Від України до Малоросії»: регіональні назви та національна історія // Україна. Процеси наіотворення / Упор. А. Каппелер. К., 2011.

Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П.Верт, П.С.Кабытов, А.И.Миллер. М., 2005. – С.155-198.

Наливайко Д. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. – К., 1998.

Подосинов А. Восточная Европа в римской картографической традиции. – М., 2002.

Сосса Р. Історія картографування території України: підручник для студ. ВНЗ. — К., 2007.

Таїрова-Яковлева Т. До питання про історичні й територіальні уявлення козацької старшини наприкінці XVII ст. // Український історичний журнал. - 2012. - №4. – С.67-73.

Фоменко И. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII - XVII в. - М., 2007.

Чекин А. Картография христианского средневековья. VIII-XIII вв. – М., 1999.

The Mapping of Ukraine. European Cartography and Maps of Early Modern Ukraine, 1550-1799. An exhibition from the archives of the Ukrainian museum and private collections. Guest Curator Bohdan S. Kordan. - N.Y., 2008.

Kaiser R. Homeland making and the territorialization of national identity // Ethnonationalism in Contemporary World. - Rutledge, 2000. - P.229-247.

Smith A. The national constructing of social space // Progress in Human Geography. - 1983. - Vol.7. - P.502-518.

Schneider U. Die Macht der Karten. Sonderausgabe: Eine Geschichte der Kartographie vom Mittelalter bis heute. - Wien, 2006.